

АЗИЯ сегодня и АФРИКА

ISSN 0321-5075 (Print)

ISSN 2782-2389 (Online)

ASIA & AFRICA today

2024 № 5

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня **и АФРИКА**

2024 № 5

Ежемесячный научный журнал

Выходит с июля 1957 года (до марта 1961 г. – «Современный Восток»).

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Главный редактор
академик РАН А.М. Васильев

Редакционная коллегия:

И.О. Абрамова (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Б.А. Акинтеринва (Нигерия), В.Я. Белокрыцкий (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Х.Х.С. Вишванатан (Индия), Ян Гуан (КНР), А.Б. Давидсон (Институт
всеобщей истории РАН, Москва, Россия), А.В. Денисов (Москва, Россия),
Я.М. Ибн Джунейд (Саудовская Аравия), С.С. Кунанбаева (Казахстан), Москва, Россия),
В.А. Мельянцев (Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия),
Д.В. Мосяков, (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия), Ф.С. Муфамеди (ЮАР),
М. Наср аль-Гибали (Египет), У. Рено (США), С.В. Прожогина (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), О.И. Тетерин (Москва, Россия), Т.Л. Шаумян (Институт востоковедения
РАН, Москва, Россия), В.Г. Шубин (Институт Африки РАН, Москва, Россия)

Редакция:

О.И. Тетерин, первый зам. главного редактора
А.В. Денисов, ответственный секретарь
Л.Ю. Тенякова, редактор
Е.А. Львов, зав. редакцией
Г.М. Абишева, оформление и верстка

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES

ASIA today & AFRICA

2024 № 5

Scientific monthly journal

Published since July 1957 (until March 1961 has been issued under the title "Sovremenniy Vostok" / "Contemporary East"). The journal is published under the supervision of the Historical and Philological Department of the Russian Academy of Sciences (RAS)
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Editor-in-Chief

Academician of RAS A.M. Vasiliev

Editorial Board:

I.O. Abramova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
B.A. Akinterinwa (Nigerian Institute of International Affairs, Nigeria), V.Ya. Belokrenitsky (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), Ya.M. Bin Junaid (Center for Research and Islamic Studies, Saudi Arabia), A.B. Davidson (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia),
A.V. Denisov (Moscow, Russia), Y. Guang (Chinese Academy of Social Sciences, China),
S.S. Kunanbayeva (Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Kazakhstan), V.A. Meliantsev (Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), D.V. Mosyakov (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
F.S. Mufamadi (University of Johannesburg, South Africa), M. Nasr El-Gebaly (Ain Shams University, Egypt), S.V. Prozhogina (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), W. Reno (Northwestern University, USA), T.L. Shaumyan (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow),
V.G. Shubin (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia), O.I. Teterin (Moscow, Russia),
H.H.S. Viswanathan (BRICS Think Tank Council, India)

Editorial Staff:

O.I. Teterin, First Deputy Editor-in-Chief
A.V. Denisov, Executive secretary; L.Yu. Tenyakova, Text editor
E.A. Lvov, Office manager; G.M. Abisheva, Designer

СОДЕРЖАНИЕ

К 85-летию академика А.М. Васильева 5

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

Харина О.А., Стрельникова И.А. Роль Индии в развитии международного сотрудничества в Арктике 6

Семенова Н.К. Морские порты КНР: основные показатели, характеристики и особенности 15

Зайцев И.А. От Не Вина до Мин Аун Хлайна: астрология, нумерология и охранительные ритуалы как часть политики военных элит Мьянмы 23

Взгляд зарубежного эксперта

Khalifa Ahmed (Tunis). Evolution of the Saudi-Egyptian Relations 32

25 мая – День Африки

Турьинская Х.М. Союзу Танганьики и Занзибара – 60 лет 40

Денисова Т.С., Костелянец С.И. Мозамбик: радикализация ислама как фактор политической нестабильности 46

Пономарев И.В. Этносоциальные аспекты конфликта в северном Мали 56

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Крылова Н.Л. Африканка в борьбе с терроризмом и насилием 66

КУЛЬТУРА, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

Гавристова Т.М. (Ярославль). Ноо Саро-Вива: в поисках Африки 71

© Российская академия наук, 2024
© Редколлегия журнала «Азия и Африка сегодня»
(составитель), 2024

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

Журнал включен в РИНЦ, входит в список ВАК, ядро РИНЦ и в базу RSCI.

Адрес редакции:

123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1
Тел.: +7 495-697-95-66
E-mail: asaf-today@mail.ru
Интернет: www.asaf-today.ru

CONTENTS

To the 85th anniversary of the academician A.M.Vasiliev 5

POLITICS, ECONOMICS

Kharina O.A., Strelnikova I.A. India's Role in Promoting International Cooperation in the Arctic 6

Semenova N.K. Seaports of China: Main Indicators, Characteristics and Features 15

Zaitsev I.A. From Ne Win to Min Aung Hlain: Astrology, Numerology and Apotropaic Rituals
as a Part of Myanmar Military Elites Policy 23

Foreign expert view

Khalifa Ahmed (Tunis). Evolution of the Saudi-Egyptian Relations 32

May 25 – Africa Day

Turinskaya Kh.M. 60 Years of Union of Tanganyika and Zanzibar 40

Denisova T.S., Kostelyanets S.V. Mozambique: Islamic Radicalization as a Factor
of Political Instability 46

Ponomarev I.V. Ethno-Social Aspects of Conflict in Northern Mali 56

SCIENTIFIC LIFE

Krylova N.L. An African Woman in the Fight against Terrorism and Violence 66

CULTURE, LITERATURE, ART

Gavristova T.M. (Yaroslavl). Noo Saro-Wiwa: in Search of Africa 71

© Russian Academy of Sciences, 2024
© Editorial board of «Asia & Africa today» (compiler), 2024

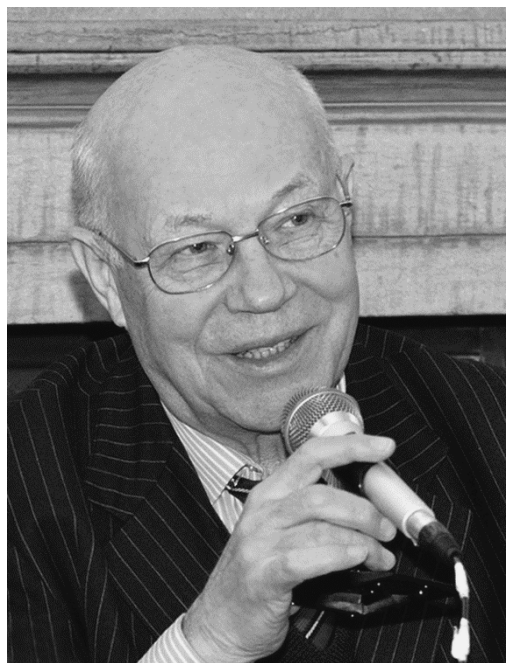
The authors opinions may not coincide with position
of the Editorial.

Included in RSCI (Russian Science Citation Index).

Postal Address:

30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian Federation
Tel.: **+7 495-697-95-66**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Website: **www.asaf-today.ru**

К 85-летию академика А.М. Васильева

А.М.Васильева не надо даже подробно представлять читателю нашего журнала. Востоковед и африканист, организатор науки и научный редактор, профессор-консультант РУДН. Его путь в науке, публицистике, общественно-политической деятельности отражен в только что вышедшем справочнике «Васильев Алексей Михайлович. Библиографический указатель трудов» (Москва, 2024), который можно найти в интернете.

Отметим главное в его творчестве – постоянное стремление найти, описать, проанализировать реалии эпохи, расколотой надвое: советский и постсоветский периоды. Не претендуя на всеохватывающие оценки эпохи, он сосредотачивается на некоторых её составляющих, как тех, которым был свидетелем или даже участником, так и на изученных путем обращения к источникам.

Ислам с XVIII до начала XXI в., эволюция ваххабизма, история Саудовской Аравии, кризис ислама и его возрождение, мусульманская революция в Иране – крушение «павлиньего трона», идеология и государственные интересы и их противоречивое взаимодействие в политике СССР/РФ на Ближнем и Среднем Востоке за 100 лет, события в Афганистане, Йемене, Омане, в «нефтяных» государствах Персидского залива – таков охват тем, где он смог сказать свое слово.

Характер политики США и в целом Запада в регионе, «арабская весна», ставшая «арабской зимой» – постоянный объект изучения А.М.Васильевым внутренних и внешних причин событий, связанного с ними исламистского экстремизма, новой роли СМИ и информационных технологий в регионе. Специфика африканского общества и его эволюция после завоевания независимости, отношение СССР/России с Африкой остаются в поле его постоянного внимания.

Главные труды А.М.Васильева переведены на английский и арабский языки, а книга «От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке» – также на китайский.

Очерки А.М.Васильева, посвященные Турции, Ирану, Египту, Сирии, африканским странам, – это фактически документальная литература. Особое место занимает тема Вьетнама, где он в годы молодости был военным корреспондентом «Правды» и, накопив новый материал за 50 лет, вновь вернулся к ней в книге «Война во Вьетнаме. Почему американцы потерпели поражение».

Так встретил свое 85-летие русский ученый, востоковед и африканист, который продолжает трудиться с целью «во всем дойти до самой сути» событий, общественно-политических проблем, человеческого поведения.

**Руководство и коллектив Института Африки РАН
Редакция журнала «Азия и Африка сегодня»**

Роль Индии в развитии международного сотрудничества в Арктике

© Харина О.А.^{a,b}, Стрельникова И.А.^{a,c}, 2024

^a НИУ ВШЭ, Москва, Россия

^b ORCID: 0000-0002-6782-451X; oa.kharina@hse.ru

^c ORCID: 0000-0001-9097-0753; istrelnikova@hse.ru

Резюме. Индия, несмотря на отсутствие выхода к Северному Ледовитому океану, в течение XX века проявляла всё больший интерес к Арктике и направляла своих ученых в этот регион. В 1928 г. индийский ученый Бибхути Бхушан Банерджи был приглашен в экспедицию на остров Врангеля в Арктике, где провел около 3 лет и собрал множество данных о местной флоре и фауне.

Сегодня Индия активно участвует в международных научных исследовательских проектах в Арктике, посвященных климату и биологическому разнообразию. Индия также заинтересована в развитии связей с арктическими государствами в сфере торговли и экономики. Она изменила подход к Арктике и пытается найти возможности, чтобы занять место стран, приостановивших сотрудничество с Российской Федерацией в Арктическом регионе. Индия также заинтересована в разведке и освоении арктических ресурсов, таких как нефть и газ, что обусловлено техническим прогрессом в области разведки арктических месторождений.

Растущий интерес Индии к Арктике может привести к изменению состава игроков в регионе и выходу на новый уровень экономических, научных и технологических связей между Индией и Россией.

Ключевые слова: Индия, Арктика, международное сотрудничество, устойчивое развитие, восточное измерение, Азия

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда Проект № 24-28-00278 «Сотрудничество между Россией и неарктическими странами в рамках развития российской Арктики: потенциал и вызовы в условиях трансформации международных институтов», <https://rscf.ru/project/24-28-00278/>.

Для цитирования: Харина О.А., Стрельникова И.А. Роль Индии в развитии международного сотрудничества в Арктике. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 5. С. 6–14. DOI: 10.31857/S032150750030847-3

India's Role in Promoting International Cooperation in the Arctic

© Olga A. Kharina^{a,b}, Irina A. Strelnikova^{a,c}, 2024

^a HSE University, Moscow, Russia

^b ORCID: 0000-0002-6782-451X; oa.kharina@hse.ru

^c ORCID: 0000-0001-9097-0753; istrelnikova@hse.ru

Abstract. India, despite having no access to the Arctic Ocean, during the 20th century showed increasing interest in the Arctic and sent its scientists to the region. In 1928, Indian scientist Bibhuti Bhushan Banerjee was invited on an expedition to Wrangel Island in the Arctic, where he spent about 3 years and collected a lot of data on the local flora and fauna.

Today, India is actively involved in international scientific research projects in the Arctic on climate and biodiversity. India is also interested in developing trade and economic ties with Arctic nations. It has changed its approach towards the Arctic and is trying to find opportunities to take the place of countries that have suspended cooperation with the Russian Federation in the Arctic region. India is also interested in exploring and exploiting Arctic resources such as oil and gas due to technological advancements in Arctic exploration.

India's growing interest in the Arctic could lead to a change in the composition of players in the region and a realignment of economic, scientific, and technological ties between India and Russia.

Keywords: India, Arctic, international cooperation, sustainable development, Eastern Dimension, Asia

Acknowledgment. The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation. Project № 24-28-00278 “Collaboration between Russia and Arctic countries in the development of the Russian Arctic: Potential and Challenges in the Context of Transformation of International Institutions”, <https://rscf.ru/project/24-28-00278>.

For citation: Kharina O.A., Strelnikova I.A. India's Role in Promoting International Cooperation in the Arctic. *Asia and Africa today*. 2024. № 5. Pp. 6–14. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750030847-3

ВВЕДЕНИЕ

Взаимодействие Индии с Арктикой началось с подписания в 1920 г. в Париже Шпицбергенского трактата между Норвегией, США, Данией, Францией, Италией, Японией, Нидерландами, Великобританией и Ирландией, а также Британскими заморскими доминионами и Швецией относительно Шпицбергена¹. С тех пор Индия внимательно следит за всеми событиями в Арктическом регионе. Этот договор позволяет всем подписавшим его сторонам пользоваться одинаковыми правами на все природные ресурсы, однако налогообложение ограничивается только управлением Шпицбергеном, и регион не может быть милитаризован.

В 1982 г. Индия присоединилась к Конвенции ООН по морскому праву², которая регулирует права и обязанности государств в отношении использования морских ресурсов и охраны окружающей среды в морских зонах за пределами национальной юрисдикции. Это позволило Индии расширить зону интересов в Арктике, где находятся значительные запасы нефти и газа.

В 2007 г. правительство Индии представило проект Арктической программы³. Она предусматривает участие Индии в исследованиях климата, мониторинге окружающей среды в Арктическом регионе, а также развитие морского сотрудничества и обеспечение энергетической безопасности. Сегодня Индия реализует 30 научных проектов. Около 25 институтов и университетов в Индии в настоящее время участвуют в арктических исследованиях; с 2007 г. было опубликовано около 100 рецензируемых статей по арктическим вопросам⁴. У Индии уже есть исследовательская станция в Арктике – Химадри, расположенная в небольшом населенном пункте Новый Олесунн на Шпицбергене; страна также получила статус государства-наблюдателя в Арктическом совете в 2013 г. Несмотря на то, что Индия имеет давнюю историю взаимодействия с Арктикой, по-настоящему активная позиция Республики Индии в отношении Крайнего Севера начала проявляться только с предыдущего десятилетия, когда она вошла в Арктический совет⁵ на правах наблюдателя. С тех пор Индия расширила свое присутствие в регионе за пределы исключительно научной плоскости, обозначив круг интересующих её областей в своей «Арктической политике» 2022 г. Хотя её положения и не носят обязывающий характер, общий набор потенциально интересных для России индийских компетенций и пересекающихся проблем в ней обозначен. В условиях внешнеполитической нестабильности вокруг Крайнего Севера, возникшей после приостановки работы Арктического совета в связи с реакцией других стран-членов на начало специальной военной операции на Украине, важна приверженность Индии сотрудничеству со всеми заинтересованными сторонами, включая находящуюся под санкционным давлением Россию, в деле освоения Арктики.

¹ Treaty between Norway, the United States of America, Denmark, France, Italy, Japan, the Netherlands, Great Britain and Ireland and the British overseas Dominions and Sweden concerning Spitsbergen signed in Paris 9th February 1920. Arctic Portal Library. http://library.arcticportal.org/1909/1/The_Svalbard_Treaty_9ssFy.pdf (accessed 13.12.2023)

² См.: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (accessed 12.01.2024)

³ India in Arctic. Ministry of Earth Sciences. Government of India. May 2007. <https://ncpor.res.in/arctics> (accessed 10.01.2024)

⁴ India's Arctic Policy – building a partnership for sustainable development. March 2023. http://library.arcticportal.org/2015/1/Indias_Actic_Policy.pdf (accessed 16.01.2024)

⁵ Арктический совет – это ведущий межправительственный форум, содействующий сотрудничеству, координации и взаимодействию между арктическими государствами, общинами коренных народов и остальными жителями Арктики в связи с общими арктическими вопросами, в частности, с проблемами устойчивого развития и защиты окружающей среды в Арктике. Страны-члены: Дания, Исландия, Канада, Норвегия, Россия, США, Финляндия, Швеция (прим. авт.).

Позиция и интересы Индии в данном регионе вызывают много вопросов и одновременно обуславливают актуальность исследования. Представляется крайне важным изучить, насколько Индия заинтересована в управлении глобальным достоянием⁶ и сотрудничестве с Российской Федерацией.

Специфика современных международных отношений в Арктике заключается в углублении конфронтации между великими державами. В текущих условиях одной из главных тенденций становится милитаризация региона, вследствие чего вопросы безопасности территории и невмешательства во внутренние дела арктических государств выходят на первый план. В связи с этим значительно сокращаются возможности для сотрудничества в области устойчивого развития, защиты окружающей среды и климата. В этом контексте важно изучить опыт Индии как одного из лидеров движения неприсоединения, поскольку она, в отличие от других великих держав в Арктике, практически свободна от блокового мышления. Учитывая текущую геополитическую ситуацию и приостановку взаимодействия других арктических стран с Россией в Арктике, сотрудничество России и Индии может способствовать устойчивому развитию Арктического региона. Взаимные интересы обеих стран выражаются в заботе об окружающей среде, наблюдении за изменениями климата, повышении транспортной доступности и научных исследованиях.

ЭВОЛЮЦИЯ ИНТЕРЕСОВ ИНДИИ В АРКТИКЕ

Индия и её отношения с Арктикой берут свое начало в феврале 1920 г., когда в Париже был подписан Шпицбергенский трактат⁷. В 2007 г. Индия отправила первую самостоятельную научную экспедицию, чтобы начать исследования в области арктической микробиологии, атмосферных наук и геологии [1, с. 264]. В том же году правительство Индии представило проект Арктической политики⁸. Цели политики включали изучение взаимосвязей между арктическим климатом и индийскими муссонами, определение характеристик морского льда в Арктике с использованием спутниковых данных, оценку влияния Арктики на глобальное потепление. Также в программе выражалось намерение провести исследования в области динамики таяния арктических ледников и изменения уровня моря, проведении оценки флоры и фауны Арктики. Это способствовало бы укреплению национального потенциала и компетенций в области исследования климата и охраны окружающей среды, морского и экономического сотрудничества в Арктическом регионе, а также изучению связей между полярными регионами и Гималаями [2, р. 12].

Институциональная структура, созданная Индией для изучения Антарктики и Арктики, включает в себя базирующийся в Гоа Национальный центр полярных и океанических исследований (NCPOR) при Министерстве наук о Земле. МИД страны отвечает за взаимодействие с Арктическим советом. Министерство окружающей среды, лесов и изменения климата, Министерство науки и технологий и Министерство космоса участвуют в полярных исследованиях.

В 2008 г. в населенном пункте Новый Олесунн на Шпицбергене была открыта первая индийская исследовательская станция Химадри. Сегодня Индия наряду с Китаем имеет арктическую исследовательскую базу в Арктике [9, с. 15].

В 2014 г. в Конгсфьордене (Шпицберген) была развернута первая индийская многосенсорная подводная заякоренная обсерватория *IndArc*. Кроме того, в 2016 г. в Гурвебадате Индия создала свою самую северную атмосферную лабораторию. Индийские исследователи наблюдают за балансом массы арктических ледников, чтобы сравнить их с гималайскими ледниками. Деятельность Индии в Арктике

⁶ Глобальное достояние включает в себя общие природные ресурсы Земли, такие как открытые океаны, атмосферу и космическое пространство (*прим. авт.*).

⁷ Шпицбергенский трактат – международный договор, подписанный 9 февраля 1920 г. в Париже, в котором определен международно-правовой статус архипелага Шпицберген. На основании договора, архипелаг, считавшийся ранее свободной территорией, был закреплен суверенитет Норвегии, а государствам-участникам договора предоставлялось равное право на эксплуатацию естественных ресурсов Шпицбергена и его территориальных вод (*прим. авт.*).

⁸ India in Arctic. Ministry of Earth Sciences. Government of India. May 2007. <https://ncpor.res.in/arctics> (accessed 10.01.2024)

является частью взаимосвязанной полярной программы, включающей мероприятия в Арктике, Антарктике и Гималаях.

Участие Индии в Арктическом совете в качестве государства-наблюдателя дает ей возможность исследовать Арктический регион с целью развития экономики и инвестиционных проектов и обозначить присутствие в регионе. Устойчивая арктическая политика Индии может принести стране различные выгоды. Северный морской путь может помочь Индии сократить расходы судоходных компаний, а также затраты времени и топлива при транспортировке товаров, а потенциальное подключение к нему портов государств – участников БРИКС⁹ будет способствовать развитию сотрудничества и повышению устойчивости объединения.

Мнения по поводу участия Индии в освоении Арктики разделились из-за потенциального влияния изменения климата на экономику Индии и всего мира [3, pp. 6–8]. Эта обеспокоенность связана с добычей природных ресурсов в Арктике, поскольку четкой общей арктической стратегии пока не разработано. Более того, потенциальные экологические последствия арктической добычи подчеркивают настоятельную необходимость разработки Индией четко сформулированной и устойчивой, а также зафиксированной в документах позиции.

Имея опыт экологических исследований и сформированную команду, Индия способна проводить экспедиции и научные изыскания, направленные на достижение целей устойчивого развития и сохранение стабильности и безопасности Арктики. Такой подход согласует индийскую политику «Действуй на Востоке»¹⁰ с политикой таких стран, как Сингапур, Япония и Южная Корея, принося новую перспективу в Арктике с участием Азии.

Наряду с Китаем, Японией, Южной Кореей и Сингапуром, Индия стала одной из пяти азиатских стран, получивших статус наблюдателя в Арктическом совете в 2013 г. Индия является членом Комитета научных менеджеров Нового Олесунна (NySMAC)¹¹, Международного арктического научного комитета (IASC)¹² и активно участвует в проектах рабочих групп Арктического совета. В 2019 г. Университет Арктики¹³ принял студентов из Индии. В результате индийские исследователи получают больше возможностей для участия в различных предметных курсах и исследовательских сетях, связанных с Арктикой [4, p. 902].

Политика Индии также предусматривает сотрудничество с арктическими странами в производстве «зеленой» энергии, использовании ресурсов и развитии зеленой и чистой промышленности. Индия и Дания установили отношения, построенные на «зеленых технологиях»¹⁴, в рамках которых они будут сотрудничать по таким вопросам, как утилизация отходов, борьба с загрязнением, «зеленые» технологии и возобновляемые источники энергии. Частные индийские компании не делали значительных инвестиций в Арктику. Однако Арктическая стратегия поощряет индийский бизнес подавать заявки на членство в Арктическом экономическом совете и участвовать в его пяти рабочих группах, включающих «голубую экономику», морские перевозки, связь, инвестиции и инфраструктуру, а также ответственную разработку ресурсов. Помня о своей глобальной ответственности, серьезных экологических последствиях и опасениях коренного населения, Индия хочет применить от-

⁹ БРИКС – межгосударственное объединение, союз девяти государств: Бразилии, России, Индии, КНР, Южной Африки, ОАЭ, Ирана, Египта и Эфиопии.

¹⁰ India's act east policy. Ministry of External Affairs. August 2019. <https://www.mea.gov.in/distinguished-lectures-detail.htm?840> (accessed 26.12.2023)

¹¹ Комитет был создан в 1994 г. для укрепления сотрудничества и улучшения координации между исследователями в Новом Олесунне (прим. авт.).

¹² Международный арктический научный комитет – это неправительственная научная организация, созданная для поощрения и содействия международным консультациям и сотрудничеству в области научных исследований, касающихся Арктики (прим. авт.).

¹³ Университет Арктики – международный проект, созданный в 2001 г. и объединяющий в единую сеть университеты, колледжи, научно-исследовательские институты и другие организации, работающие в сферах высшего образования и исследовательской деятельности в Арктическом регионе (прим. авт.).

¹⁴ «Зеленые технологии» – экологически чистое производство энергии на основе использования альтернативных видов топлива и технологий, которые менее вредны для окружающей среды, чем ископаемое топливо (прим. авт.).

ветственный подход к формированию партнерства с арктическими странами в области устойчивой добычи ресурсов [5, с. 44].

Арктика – важный регион для Индии с точки зрения её экономического и национального развития, а также водной безопасности¹⁵. Кроме того, сельское хозяйство Индии в значительной степени зависит от муссонов, которые приносят 70% годовых осадков. Поэтому изменения в Арктике, связанные с таянием ледников, окажут серьезное влияние на экономическую безопасность страны из-за повышения уровня моря. Кроме того, повышение температуры и уровня океана влияет на урожай летних культур, таких как рис, соя и другие бобовые, составляющие около 50% продовольственного производства страны¹⁶. Повышение уровня моря также влияет на устойчивость около 1300 островных территорий¹⁷.

Пройдя эволюцию, сегодня арктическая политика Индии носит комплексный характер и выстраивается из шести составляющих: наука и исследования, защита климата и окружающей среды, экономическое и человеческое развитие, транспорт и связь, управление и международное сотрудничество, а также наращивание национального потенциала. Она направлена на активизацию научных исследований, понимание последствий изменения климата, расширение экономического сотрудничества со странами Арктического региона, подготовку к изменениям глобальных судоходных маршрутов из-за таяния льда, укрепление международного сотрудничества и наращивание национального потенциала с участием исследовательского сообщества, бизнеса и промышленности.

АРКТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ИНДИИ

В марте 2022 г. Индия опубликовала программный стратегический документ, посвященный Арктике: «Арктическая стратегия Индии: построение партнерства в целях устойчивого развития»¹⁸. Важное место в этом документе занимают вопросы, связанные с устойчивым развитием Арктического региона. В документе подчеркивается сотрудничество Индии со всеми арктическими странами, включая Россию [6]. Принятие этого стратегического документа означает важный шаг в развитии арктической политики Индии. Вместе с этим следует отметить, что политика Индии в Арктике по-прежнему находится на этапе дальнейшего углубления и становления.

Согласно Стратегии, основой её реализации станет выделение необходимых ресурсов. Предполагается, что расширение междисциплинарного подхода к Арктике значительно увеличит финансовую поддержку арктических научных инициатив Индии. Цель приобретения специализированного полярного исследовательского судна ледового класса, как указано в Арктической стратегии, ускорит этот процесс и придаст импульс арктическим инициативам Индии.

Уполномоченная группа по арктической политике (*Empowered Arctic Policy Group – EAPG*) будет служить механизмом управления и контроля для реализации целей, указанных в арктической политике Индии. В Стратегии также подчеркивается, что все заинтересованные стороны, включая академические круги, исследователей, бизнес и промышленность, будут вовлечены в её реализацию. В процессе исполнения будут соблюдаться конкретные сроки и соответствующим образом расставляться приоритеты. Ожидается, что этот механизм будет способствовать укреплению стратегических, военных и экономических интересов Индии благодаря всестороннему анализу, прогнозированию и скоординированному подходу индийского правительства.

¹⁵ Водная безопасность – возможность для населения иметь устойчивый доступ к достаточному количеству воды приемлемого качества для поддержания средств к существованию, благосостояния человека и социально-экономического развития (прим. авт.).

¹⁶ Agricultural Statistics. Ministry of Statistics and Programme Implementation. December 2023. <https://www.mospi.gov.in/4-agricultural-statistics> (accessed 25.01.2024)

¹⁷ Agricultural Statistics at a Glance 2022. Ministry of Agriculture and Farmers. April 2023. <https://desagri.gov.in/wp-content/uploads/2023/05/Agricultural-Statistics-at-a-Glance-2022.pdf> (accessed 22.01.2024)

¹⁸ India and the Arctic: Building a Partnership for Sustainable Development. Ministry of Earth Sciences, Government of India. https://www.moes.gov.in/sites/default/files/2022-05/India_Arctic_Policy_2022.pdf (accessed 10.01.2024)

В соответствии с идеологией «Атманирбхар Бхарат»¹⁹ Индия намерена вносить вклад в развитие Арктики и планирует участвовать в её освоении, создав прочную институциональную, финансовую и человеческую основу²⁰. Арктическая политика Индии также направлена на расширение возможностей государства в области научных исследований и понимания Арктики, а также на увеличение числа экспортеров в областях, имеющих отношение к Арктике, включая биоэкономику, разведку полезных ископаемых, нефти и газа, а также туризм. Кроме того, Стратегия направлена на увеличение количества квалифицированных кадров в Индии в области морского страхования, фрахтования, арбитража и брокерской деятельности и создания гидрографического потенциала в конкретном регионе, а также усиление подготовки моряков в области полярной/ледовой навигации. В рамках данной идеологии Индия считает перспективным сотрудничество с Россией в Арктике в таких промышленных областях, как добыча нефти, газа и угля, а также черная металлургия.

Значительное место в тексте актуальной Арктической стратегии Индии занимают вопросы, связанные с глобальными процессами изменения климата. В документе отмечается, что изменения, протекающие в Арктике, имеют непосредственное влияние на благосостояние жителей Индии. Более того, они являются вызовами «продовольственной, водной и экономической безопасности страны» [6]. Однако, с другой стороны, следует отметить, что Индия также – один из крупнейших эмитентов углекислого газа, то есть страна, которая оказывает значительное влияние на интенсивность и направление процессов изменения климата. Следовательно, Индия, как страна, которая сталкивается с негативными последствиями климатических процессов в Арктике, имеет право участвовать в реализации международных проектов и проведении исследований в регионе. Полноправное участие Индии в ответственном управлении Арктикой имеет большое значение как для самой Индии, так и для арктических стран, в том числе и России. Более того, это участие должно носить исключительно ответственный характер и развиваться в соответствии с Целями устойчивого развития ООН.

Одним из важнейших направлений взаимодействия в контексте вопросов, связанных с изменением климата и экологией, являются наука и исследовательская деятельность. Следует отметить, что взаимодействию с арктическими странами, в т.ч. с Россией, в научной сфере уделено значительное внимание в тексте Арктической стратегии Индии. Также важно обратить внимание, что Индия уже активно участвует в различных исследованиях, как по линии проектов Арктического совета, так и на уровне двустороннего взаимодействия с арктическими странами, с Россией, в частности. Однако в настоящее время участие Индии как неарктического государства в научном сотрудничестве в Арктике сопряжено с рядом противоречий. Одна из основных проблем заключается в том, что развитие арктических исследований зачастую используется как попытка закрепить в Арктическом регионе, приобрести репутационный и информационный капитал. Основное противоречие, которое связано с таким подходом, заключается в том, что арктические исследования развиваются как еще одна сфера соперничества между разными странами, однако комплекс арктических проблем настолько сложен, что требует совместных действий, в т.ч. в исследовательской сфере. Россия для Индии обладает широким потенциалом с точки зрения выстраивания многосторонних связей между азиатскими странами в сфере научного взаимодействия. В частности, Россия может стать организатором различных научно-исследовательских проектов и программ с участием представителей индийского, китайского, корейского, японского научного сообщества. На территории российской Арктики возможно строительство научно-исследовательских станций с международным участием, на которых могли бы работать представители научных кругов из разных неарктических государств, в т.ч. из Индии. Как Индия, так и Россия заинтересованы в программах обмена учеными в рамках исследовательских проектов, участия в совместных грантах, посвященных изучению Арктики – её природы и биоразнообразия, а также потенциала портов.

¹⁹ «Атманирбхар Бхарат» («Самостоятельная Индия») – это видение новой Индии, представленное премьер-министром Нарендрой Моди 12 мая 2020 г. Пять столпов «Атманирбхар Бхарат» – экономика, инфраструктура, технологическая система, динамично развивающаяся демография и спрос (*прим. авт.*).

²⁰ Atmanirbhar Bharat. Ministry of Culture. Government of India. May 2020. <https://amritmahotsav.nic.in/aatmanirbhar-bharat.htm> (accessed 22.01.2024)

СОТРУДНИЧЕСТВО С РОССИЕЙ

В сложившейся политической обстановке и реформации международных отношений Россия, с одной стороны, оказалась в поиске новых вариантов сотрудничества, а с другой стороны, открыла новые направления углубления сотрудничества с давними партнерами. Такой страной является Индия, с которой у России с 2000 г. официально задекларировано стратегическое партнерство²¹. Одними из направлений расширенного взаимодействия являются Арктика и Дальний Восток [10, с. 40].

В 2019 г. было подписано соглашение между *NITI Aayog* и Министерством по развитию Дальнего Востока и Арктики²². Его целью стала активизация стратегического партнерства между Индией и Россией за счет укрепления сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах. Согласно меморандуму о взаимопонимании стороны договорились подготовить программу развития Дальнего Востока и Арктики на 2020–2025 гг.²³. Данная программа станет основой для взаимодействия регионов по увеличению товарооборота и двустороннего сотрудничества в реализации инвестиционных проектов.

Несмотря на в целом многообещающие перспективы сотрудничества по-настоящему оно на данный момент активно осуществляется только по линии российских нефтегазовых проектов. В данном случае индийская сторона выступает в роли инвестора, приняв участие в финансировании таких проектов, как «Восток Ойл» (представлена корпорацией) под началом Роснефти. После ухода западных партнеров индийский бизнес не только остался во всех совместных предприятиях, но и продемонстрировал заинтересованность в дальнейшем участии в российских разработках энергоресурсов. Подобная приверженность объясняется стремлением Индии разнообразить структуру своего постоянно растущего в объемах энергопотребления, обеспечиваемого практически на 70% за счет использования каменного угля²⁴. Хотя перспектива получения российского СПГ²⁵ и является одним из двигателей Арктической политики Индии, существуют и альтернативные направления для кооперации между РФ и Республикой Индией.

Касательно научного сотрудничества с Россией, в настоящее время Индия намерена расширять его по линии исследования изменения климата. Индийскими учеными уже давно было установлено, что изменение климата в Арктике напрямую влияет на муссоны и температуру в Гималаях [7, р. 630]. Климатические изменения могут стать угрозой для продовольственной безопасности Республики и повлиять на уровень воды крупнейших индийских рек Инд и Ганг, возможные разливы которых могут привести к крупной природной катастрофе в наиболее густонаселенных районах страны. Эти обстоятельства предопределяют значительный интерес Нью-Дели к совместному изучению природных процессов в Арктике с целью достичь большего понимания угроз Республике. В этом смысле именно климатический фактор является ключевым в активизации индийской политики в Арктике и предопределяет её преимущественно научный характер.

Помимо предпосылок для интенсификации исследовательской деятельности на Крайнем Севере, Индия обладает опытом исследований в регионе, который в первую очередь опирается на практику научного изучения Гималаев, обозначаемых в Арктической политике как «Третий полюс»²⁶. Также Индия имеет опыт исследовательской деятельности непосредственно на Крайнем Севере, для целей

²¹ Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Индией. Министерство иностранных дел Российской Федерации. 04.10.2000. <https://www.mid.ru/tv/?id=1732761&lang=ru> (accessed 28.01.2024)

²² Россия и Индия работают над программой расширения сотрудничества на Дальнем Востоке и в Арктике. СахаМедиа. 27.04.2021. <https://ysia.ru/rossiya-i-indiya-rabotayut-nad-programmoj-rasshireniya-sotrudnichestva-na-dalнем-vostoke-i-v-arktike/> (accessed 23.01.2024)

²³ Документы, подписанные в ходе визита Премьер-министра Индии Нарендры Моды в Российскую Федерацию. Президент России. 04.09.2019. <http://www.kremlin.ru/supplement/5437> (accessed 20.01.2024)

²⁴ India Energy Information. Enerdata. May 2023. [https://www.enerdata.net/estore/energy-market/india/#:~:text=Coal%20is%20the%20country%27s%20top,%2C%20and%20wind\)%204%25](https://www.enerdata.net/estore/energy-market/india/#:~:text=Coal%20is%20the%20country%27s%20top,%2C%20and%20wind)%204%25) (accessed 14.01.2024)

²⁵ СПГ – сжиженный природный газ (прим. авт.).

²⁶ India and the Arctic: Building a Partnership for Sustainable Development. Ministry of Earth Sciences, Government of India. https://www.moes.gov.in/sites/default/files/2022-05/India_Arctic_Policy_2022.pdf (accessed 10.01.2024)

которой был создан ряд профильных институтов и университетов общим числом 25. Ключевые из них – Национальный центр полярных и океанических исследований и Центр изучения Арктики и Антарктики.

Среди наиболее перспективных исследовательских сфер самой Индией выделяются гляциология, различные области биологии, геология, науки об океане и атмосфере и др. Укреплению связей и повышению эффективности исследований могли бы помочь совместные исследовательские проекты России и Индии, для которых важно создание общей институциональной базы. Она необходима как для открытия общих научных центров и лабораторий с соответствующим оборудованием, так и для аккумуляции знаний о регионе. В первую очередь такое сотрудничество раскрывает потенциал двустороннего сотрудничества крупных национальных исследовательских площадок – отечественного Института океанологии РАН и индийского Национального центра полярных и океанических исследований. Их взаимодействие могло бы быть материализовано в создании Российско-индийского арктического научного центра, деятельность которого могла бы проявляться в организации совместных экспедиций, а также создании инфраструктуры для совместного анализа, получаемой в режиме реального времени информации. Речь в данном случае может, например, идти о строительстве совместных наземных метеорологических станций и расширении спутниковой группировки над Крайним Севером.

Сотрудничество в сфере развития морского транспорта также видится перспективным в контексте развития отношений России и Индии в Арктике. В данном случае речь может идти о взаимовыгодном обмене компетенциями в различных областях. В Индии на уровне национальной Арктической политики отмечается отсутствие опыта в строительстве судов ледового класса, что препятствует созданию собственных исследовательских и транспортных судов. Российские знания и опыт, накопленные за долгие годы деятельностью Крыловского государственного научного центра, Балтийского завода, недавно сформированного Судостроительного комплекса «Звезда» и иных организаций, могли бы быть чрезвычайно полезными для индийской стороны. Помощь Индии в вопросах развития её внутренних компетенций не должна предоставляться в ущерб интересам российских предприятий. Для этого сотрудничество может осуществляться в форме создания совместных предприятий или технологических центров.

Индия, будучи одним из крупнейших мировых морских перевозчиков (на неё приходится около 10% судоходства) могла бы предоставлять как высококвалифицированные кадры в области судоходства, так и морские экипажи другим перевозчикам для использования потенциала транспортных коридоров, связывающих арктические и индийские порты [8].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интересы Индии в Арктике носят научный, экономический, а также экологический характер. Они реализуются на основе устойчивого и ответственного подхода, который согласуется с международными договорами, включая Конвенцию ООН по морскому праву.

Есть надежда, что арктическая политика Индии будет способствовать увеличению числа экспертов в правительстве и научных кругах и приведет к повышению осведомленности об Арктике в Индии. Арктическая политика Индии носит разноплановый характер с активной вовлеченностью в управление процессами в регионе, выражающийся в готовности «играть свою роль и вносить вклад в глобальное благо» в соответствии с цивилизационным духом страны «Васудхаива Кутумбакам»²⁷.

При этом в политике Республики Индии, которая не является арктическим государством, но имеет интересы и стремится увеличить влияние в регионе, появляется ряд особенностей, определяющих методы и темп наращивания присутствия страны в регионе. В рамках постоянной трансформации режимов в регионе Нью-Дели выбирает сферы, где имеет разного рода преимущества; стремится получить поддержку политики от различных субъектов международной системы; наращивает сотрудничество

²⁷ «Васудхаива Кутумбакам» – «Весь мир – одна семья» (прим. авт.).

преимущественно с арктическими странами (преимущественно с Россией); не концентрируется на одном направлении развития и отчасти занимает выжидательную позицию.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Зайков К.С., Бхагват Д. Арктическая политика Индии: исторический контекст. *Арктика и Север*. 2022. № 48, с. 261–274. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.48.261
Zaikov K.S., Bhagwat D. 2022. The Arctic Policy of India: a historical context. *The Arctic and the North*. № 48. Pp. 261–274. (In Russ.). DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.48.261
2. Agarwala N. India's evolving engagements in the Arctic. *Maritime Affairs: Journal of the National Maritime Foundation of India*. 2021. Vol. 17. № 1. Pp. 10–25. DOI: 10.1080/09733159.2021.1934969
3. Aleskerov F., Victorova E. An analysis of potential conflict zones in the Arctic region. Mathematical methods for decision making in economics, business and politics. Moscow, 2015.
4. Nayak S., Suba Chandran D. 2020. Arctic: why India should pursue the North Pole from a science and technology perspective? *Current Science*. Vol. 119. № 6, Pp. 901–904. DOI:10.18520/cs/v119/i6/886-886
5. Лексютин Я.В. Китай и Индия в Арктике: интересы, стратегии и сотрудничество с Россией. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2019. № 4, с. 40–48.
Leksutina Ya.V. 2019. China and India in the Arctic: interests, strategies and cooperation with Russia. *The Ecumenical. Regional studies*. № 4. Pp. 40–48. (In Russ.)
6. Bisen A. India's Arctic Endeavours: Capacity Building and Capability Enhancement. New Delhi, 2023.
7. Sharma B. 2021. 'De-Securitising the Arctic' in Climate Change: An Indian Perspective. *India Quarterly*. Vol. 77. № 4. Pp. 628–631. DOI:10.1177/09749284211047721
8. Khare N., Khare R. 2021. The Arctic. A Barometer of Global Climate Variability. *Chapter 13 – Indian Arctic science program*. Pp. 189–218. DOI: 10.1016/B978-0-12-823735-9.00001-1
9. Николаев Н.А. Арктический вектор в полярной политике Китая. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 2. С. 15–23.
Nikolaev N.A. 2024. The Arctic Vector of China's Polar Policy. *Asia and Africa today*. № 2. Pp. 15–23. (In Russ.)
10. Ван Хуань (Китай). Стратегия России по развитию Арктики и пути сотрудничества России и Китая в Арктике. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 3. С. 39–48.
Wang Huang (China). 2024. Russia's Arctic strategy and the ways of cooperation between Russia and China in the Arctic. *Asia and Africa today*. № 3. Pp. 39–48. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Харина Ольга Александровна, кандидат политических наук, доцент, Департамент зарубежного регионоведения, Факультет мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Olga A. Kharina, PhD (Political Science), Associate Professor, School of International Regional Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University, Moscow, Russia.

Стрельникова Ирина Александровна, кандидат юридических наук, доцент, Департамент зарубежного регионоведения, Факультет мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Irina A. Strelnikova, PhD (Law), Associate Professor, School of International Regional Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 29.01.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 22.03.2024

Принята к публикации
(Accepted) 20.04.2024

DOI: 10.31857/S032150750030854-1

Морские порты КНР: основные показатели, характеристики и особенности

© Семенова Н.К.^a, 2024

^a Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-7872-8972; semenovanelli-2011@mail.ru

Резюме: За последние два десятилетия китайская составляющая стала практически основой мировой морской торговли. По некоторым показателям морской отрасли Китай превосходит не только ведущие мировые экономики, но и суммарные показатели большинства континентов. После реформы системы управления портами портовые предприятия начали менять свои методы ведения бизнеса с помощью инновационных концепций и с учетом развития рынка.

Порты Китая развиваются в направлении укрупнения масштаба, интенсификации и модернизации. Китай повышает эффективность перевозок и создает современную логистическую систему, эффективную институциональную систему для содействия всестороннему развитию инфраструктуры. Ускоренными темпами строятся системы внутренних водных путей, железнодорожных систем контейнерных перевозок, мультимодальных транспортных узлов и логистических центров для формирования взаимосвязанной транспортной сети с применением информационно-коммуникационных технологий в логистике.

Портовая отрасль Китая имеет определенные особенности и характеристики, отраженные в статье.

Ключевые слова: Китай, морские порты, структура, достижения, инвестиции

Для цитирования: Семенова Н.К. Морские порты КНР: основные показатели, характеристики и особенности. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 5. С. 15–22. DOI: 10.31857/S032150750030854-1

Seaports of China: Main Indicators, Characteristics and Features

© Nelli K. Semenova^a, 2024

^a Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-7872-8972; semenovanelli-2011@mail.ru

Summary: Over the past two decades, the Chinese component has become virtually the basis of the world maritime trade. According to some indicators of the maritime industry, China surpasses not only the world's leading economies, but also the total indicators of most continents. After the reform of the port management system, port enterprises began to change their business methods with the help of innovative concepts and taking into account the development of the market.

China's ports are developing in the direction of scaling up, intensification and modernization. China is improving the efficiency of transportation and creating a modern logistics system, an effective institutional system to promote comprehensive infrastructure development. Systems of inland waterways, railway systems of container transportation, multi-modal transport hubs and logistics centers are being built at an accelerated pace to form an interconnected transport network using information and communication technologies in logistics.

China's port industry has certain features and characteristics, reflected in the article in the form of analytical theses.

Keywords: China, seaports, structure, achievements, investments

For citation: Semenova N.K. Seaports of China: Main Indicators, Characteristics and Features. *Asia and Africa today*. 2024. № 5. Pp. 15–22. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750030854-1

ВВЕДЕНИЕ

Порты Китая, особенно крупные контейнерные порты, играют чрезвычайно важную роль в содействии экономическому развитию. Процветание прибрежных районов неотделимо от развития порто-

вой экономики. С 1990 г. Китай существенно расширил транспортную связь между портами, различными регионами, промышленными и инфраструктурными объектами: построено более 120 тыс. км железных дорог, 130 тыс. км скоростных автомагистралей, 3 млн км новых дорог и 127 тыс. км судоходных внутренних водных путей [1, pp. 973–987].

Сегодня в Китае находится больше морских портов, чем в любой другой стране – около 2 тыс., 130 из которых открыты для судов иностранных государств; 34 крупных порта (включая прибрежные порты и внутренние речные порты) с грузооборотом более 100 млн т в год в материковом Китае (за исключением Гонконга, Макао и Тайваня), 22 из них – прибрежные. По итогам 2022 г. 7 из 10 самых загруженных портов мира находятся в Китае [2, pp. 2–10].

За последние 20 лет совокупный годовой темп роста китайского импорта морских перевозок составил 12%, а рост экспорта оставался на уровне более 4%. С 2009 по 2020 г. около 65% прироста всей мировой морской торговли (28,9 млрд т) пришлось на долю Китая¹. В 2021 г. объем морских перевозок в торговле китайским импортом уже составлял 1/4 от общемирового объема. Морской импорт и экспорт Китая составляет 30% от общемирового объема. Порты Китая являются самыми загруженными водами в мире: 7,7% от общего времени работы мирового флота приходится на нахождение в китайских водах².

Общий масштаб инфраструктуры водного транспорта Китая остается самым большим в мире, а пропускная способность водного транспорта постоянно совершенствуется. Китай также является страной с самой высокой степенью использования морского сообщения в мире. Такой уровень развития достигнут не случайно. Он стал следствием тщательного и стратегического планирования.

Суммируя отечественные теоретические подходы и эмпирические практики, нацеленные на выявление основных трендов формирования и трансформации портовой структуры КНР, можно сказать, что с учетом важной роли китайских портов в мировой экономике как одной из основ китайского «экономического чуда», отечественная научная мысль уделяет довольно скромное внимание портовой отрасли КНР. Отечественную библиографию по данной проблематике условно можно разделить на 3 направления исследований: гуманитарное [3, с. 27–46; 4, с. 60–81], экономическое [5, с. 15–27; 6, с. 154–178; 7, с. 99–113] и специализированное (техническое) [8, с. 45–48; 9, с. 436–441].

Зарубежная библиография по теме портового и морского развития КНР представлена более широко, в т.ч. академическими, статистическими и политологическими публикациями [10, pp. 184–200; 11, pp. 1–18; 12, pp. 67–75].

Значимость предлагаемой статьи заключается в восполнении информационного пробела в отечественных исследованиях.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МОРСКИХ ПОРТОВ КНР

Система морских портов КНР уникальна по структуре, организации, масштабу и уровню экономических показателей. Также она имеет индивидуальные особенности, обусловленные единственным в своем роде государственным и общественным строем, а именно социализмом с китайской спецификой.

Первой и главной особенностью портовой отрасли Китая является то, что она подчинена государственному планированию, политике и стратегии на национальном и региональном уровнях, но при этом оперативные функции и активы взяли на себя новые коммерческие предприятия, созданные местным самоуправлением. В этой связи КНР располагает процедурами планирования и централизованными механизмами координации и принятия решений, которые позволили стране достичь согласия между крупными сетями государственных и коммерческих субъектов, часто имеющих противоречивые интересы и способных действовать автономно.

¹ <http://www.portcontainer.com/newsAction.do?command=viewData&rootCategoryId=8a9289fb3020fe940130210be3b00001&categoryId=8a9287fa30773b500130777b559b0001&dataId=e563d2847ac2ae54017cedd3100f029f> (accessed 11.11.2023)

² <https://www.xindemarinenews.com/m/view.php?aid=37539> (accessed 17.11.2023)

К концу 2019 г. в Китае сформировано 10 управляющих групп портов: порты Ляонин, Хэбэй, Шаньдун, Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь, залив Гуанси-Бэйбу, Хайнань, Цзянси и Аньхой, которые охватывают примерно 85% пропускной способности прибрежных портов.

Стандартизация портов КНР началась в 1980-х гг. С 2000 по 2010 г. был принят ряд связанных с портами законопроектов, таких как «Закон Китайской Народной Республики об управлении использованием морских районов» (中华人民共和国海域使用管理法) и «Закон о портах Китайской Народной Республики» (中华人民共和国港口法), которые заложили правовую основу для развития портовой отрасли в Китае.

В 2006 г. был обнародован и впоследствии реализован «Национальный план расположения прибрежных портов» (全国沿海港口布局规划)³. На текущий момент в КНР сформированы 5 крупномасштабных, интенсивно действующих и современных групп морских портов, экономическая структура, объем, грузопотоки и грузооборот которых существенно дифференцированы. На долю портовой группы Бохайского края (северо-восточное побережье КНР) приходится 44% портового грузооборота страны, в дельте реки Янцзы – 25%, в дельте Жемчужной реки – 19%, юго-восточного побережья – 7% и юго-западного побережья – 5%⁴.

При этом определяющее значение для работы морских портов КНР имеет экономика внутренних портовых районов. Внешние эффекты любой экономической деятельности внутренних районов, даже если они не связаны напрямую с портами, выражаются в том, что они определяют направление строительства портовых сооружений. Промышленная структура, в свою очередь, определяет структуру пропускной способности порта, что приводит к различиям в уровне рентабельности портовых предприятий.

Еще одной важной особенностью системы прибрежных портов Китая является постепенный переход от централизованного развития с доминированием небольшого количества портов (олигополии с ограниченной конкуренцией) к децентрализованной модели развития с многопортовой конкуренцией. Внутренняя архитектура 3 основных групп портов превратилась из централизованного единого портового узла в многоцентровую портовую архитектуру. Если взять в качестве примера группу портов дельты Жемчужной реки (Южно-Китайское море), то в 2004 г. пропускная способность портов Гонконг, Шэньчжэнь и Гуанчжоу составляла соответственно 55,4%, 34,3% и 8,3% от суммарного показателя для группы портов. К 2022 г. пропускная способность по контейнерам в трех портах составила 21,7% (24,6% в 2019 г.), 35% (34,6% в 2019 г.) и 29,5% (30,6% в 2019 г.)⁵ [13] соответственно от пропускной способности всей группы портов дельты Жемчужной реки, и разница между этими тремя портами будет постепенно сокращаться. В группе портов дельты реки Янцзы, главной водной артерии Китая, самой загруженной реки в мире, доли пропускной способности по контейнерам портов Шанхай и Нинбо-Чжоушань постепенно уравниваются, так же как и в портах Циндао и Тяньцзинь в группе портов Бохайского края.

Таким образом, внутренняя пространственная структура трех наиболее быстрорастущих групп портов среди прибрежных портовых групп Китая – в дельтах Жемчужной реки, реки Янцзы и Бохайском крае – развивается от единого центра к многоцентровой портовой системе.

Важной тенденцией и средством снижения жесткой конкуренции между региональными портами КНР становится интеграция портов на уровне провинций в рамках структуры «одна провинция, один порт и один главный орган» (一省一港一主体). В ноябре 2011 г. Министерство связи опубликовало «Заключение о содействии здоровому и устойчивому развитию прибрежных портов» (关于促进沿海港口健康持续发展的意见), в котором предлагалось предотвращать чрезмерное строительство портов и неуклонно способствовать интеграции портовых ресурсов. «Одна провинция, один порт» становится одним из основных путей для высококачественного роста портов КНР.

В феврале 2015 г. Министерство транспорта КНР опубликовало «Пилотный план интеграции развития региональных портов» (区域港口发展一体化试点方案) для консолидации портов в юрисдикциях провинций. В рамках этой программы проводится координация работы узлового порта и порта-фи-

³ http://www.gov.cn/gzdt/2007-07/20/content_691642.htm (accessed 09.11.2023)

⁴ <https://zhuanlan.zhihu.com/p/135292237> (accessed 09.11.2023)

⁵ <https://www.mot.gov.cn/fenxigongbao/> (accessed 05.11.2023)

лиала, оптимизируется транспортная структура при поощрении рационального распределения портовых ресурсов.

Основная цель интеграции – координация взаимодополняющих преимуществ различных портов. Из-за совокупного влияния многих региональных портовых операторов, методов объединения сложность интеграции относительно высока, а рабочий процесс относительно медленный⁶.

Порты КНР лидируют по ключевым показателям эффективности портов и судоходного флота, а именно: по количеству прибытий судов в порты и среднему времени пребывания в порту (см. табл. 1). Это означает, что в портах КНР портовое обслуживание выполняется наиболее быстро. Китайские порты также могут принимать самые большие контейнеровозы и извлекают выгоду из эффекта масштаба и инвестиций в новейшие технологии и инфраструктуру. Эффективность портов, в свою очередь, привлекает больше судов, что еще больше увеличивает количество прибытий.

Таблица 1. Ключевые показатели эффективности портов и судоходного флота КНР (по итогам 2020 г.)

Table 1. Key performance indicators of the ports and shipping fleet of China (by the end of 2020)

	Количество прибытий, ед.	Среднее время в порту, дни	Средний возраст судов, лет	Средний размер судов, GT	Средняя грузоподъемность на судно, DWT	Средняя емкость контейнеровоза, TEU	Максимальный размер судов, GT
Все суда	236 429	1,13	13	33 353	46 196	4482	236 673
Наливные балкеры	43 275	1,14	12	20 028	34 873	...	170 618
Газовозы для СНГ	8115	1,04	14	9933	10 782	...	60 784
Газовозы для СПГ	1 040	1,22	11	101 181	81 446	...	168 189
Сухогрузы	58 244	2,07	14	42 843	78 283	...	204 014
Балкеры	26 070	1,57	17	10 696	14 947	...	91 649
RO-RO суда	8882	...	13	29 355	10 285	...	76 420
Контейнеровозы	70 377	0,74	13	47 751	...	4482	236 673
Пассажирские суда	20 426	...	12	21 416	...	...	77 499

Примечания: для судов валовой вместимостью 1000 TEU и выше (TEU – 20-футовый эквивалент, условная единица измерения вместимости грузовых транспортных средств); DWT – дедвейт, показатель грузоподъемности грузовых торговых судов; GT – гигатонны; СПГ – сжиженный природный газ; СНГ – сжиженный нефтяной газ.

Составлено по: [14].

Динамика роста портового грузооборота КНР, связанного с внешнеэкономической деятельностью (ВЭД), имеет практически схожие тенденции с динамикой грузооборота внутренних портов – с 2002 по 2020 г. динамика роста грузооборота китайских портов перешла от высокоскоростного роста к средне- и низкоскоростному росту. При этом в натуральных показателях грузооборот внутренних портов существенно превышает портовые показатели по ВЭД⁷. Чтобы смягчить это давление, Китай активизировал свои усилия: стратегии «Развитие экономического пояса реки Янцзы»⁸ и «Пояс и путь» стали новыми движущими силами роста пропускной способности китайских портов.

Грузооборот всех портов КНР по итогам 2021 г. составил 15,55 млрд т (14,55 млрд т в 2020 г., 13,95 млрд т в 2019 г.)⁹, увеличившись в годовом исчислении на 6,8% (+4,3% в 2020 г., +5,7% в 2019 г.), из них объем внешнеторговых грузов составил 4,70 млрд т, увеличившись на 4,5%. Доля мор-

⁶ <https://zhuanlan.zhihu.com/p/135292237> (accessed 09.11.2023)

⁷ <https://zhuanlan.zhihu.com/p/135292237> (accessed 09.11.2023)

⁸ <https://cjjjd.ndrc.gov.cn/zoujinchangjiang/zhanlue/> (accessed 09.11.2023)

⁹ <https://www.mot.gov.cn/fenxigongbao/> (accessed 05.11.2023)

ских портов в общем грузообороте составила более 64% (9972,59 млн т) с годовым приростом 5,2%, из них: внешнеторговых грузов 89,1% (4188,06 млн т). Годовой прирост показателя внешнеторгового грузооборота морских портов составил 4,6% (см. табл. 2).

Таблица 2. Сводные показатели портов КНР за 2021–2022 гг.
Table 2. Cumulative indicators of China's ports for 2021–2022

Сводные показатели национальных портов КНР		Грузооборот, млн т	Темпы роста, %	В т.ч. внешние грузы, млн т	Темпы роста, %	Контейнерооборот, млн TEU	Темпы роста, %
Итого:	2021	15545	6,8	4697	4,5	283	7,0
	2022	15685	0,9	4607	-1,9	296	4,7
Речные порты	2021	5573	9,9	509,3	3,7	33	11,3
	2022	5554	-0,3	–	–	35	6,1
Морские порты	2021	9973	5,2	4188,06	4,6	249	6,4
	2022	10131	1,6	–	–	261	4,6

Примечание: ввиду округления некоторые итоговые данные могут отличаться от промежуточных.

Составлено по: <https://www.mot.gov.cn/fenxigongbao/> (in Chin.) (accessed 05.11.2023)

В 2022 г. общий контейнерооборот портов КНР составил 296 млн TEU (+4,7% к 2021 г.), из которых показатель прибрежных портов – 261 млн TEU (+4,6%). Общий грузооборот портов КНР составил 15,685 млрд т, увеличившись на 0,9% в годовом исчислении, из которых объем внешнеторговых грузов составил 4,607 млрд т, (-1,9% по сравнению с 2021 г.). На динамику темпов роста, на наш взгляд, оказали понижающее давление следующие факторы: последствия эпидемии COVID-19, кризис цепочек поставок, а также геополитические факторы в связи с обстановкой в Тайваньском проливе и др. (см. табл. 2).

В целом портовая отрасль Китая вступила в сложный период перехода от быстрого роста к качественному развитию. В 2000–2010 гг. средний темп роста грузооборота прибрежных портов достигал 15,9%, в 2011–2015 гг. он снизился до 7,4%, в 2016–2018 гг. – до 5,5%¹⁰, в 2019–2021 гг. – до 5,6%¹¹. Порты со средней и низкой скоростью роста стали новой нормой. Благодаря постоянному повышению уровня доходов населения КНР вошла в число стран со средним уровнем дохода, в связи с чем и были выдвинуты более высокие требования к качеству портовых услуг и уровню обслуживания.

Высокая капиталоемкость портовой инфраструктуры также является важной характеристикой китайских портов. Работа портовых предприятий КНР обеспечивается соответствующей инфраструктурой (причалы, складские площадки, механическое оборудование). Во время строительства портов вкладывается большой объем средств и ресурсов с длительным сроком окупаемости, что указывает на высокую капиталоемкость, высокий удельный вес амортизации основных средств в себестоимости.

В портовой отрасли КНР наблюдается структурный избыток мощностей. После инвестиций в инфраструктуру в размере 4 трлн юаней в 2009 г. [1, с. 973–987] сфера строительства инфраструктуры в Китае имеет тенденцию к насыщению, конкуренция является жесткой. Порты в некоторых регионах КНР имеют тенденцию к чрезмерным инвестициям: первоначальные инвестиционные мощности продолжают высвобождаться, а темпы роста пропускной способности снижаются, что приводит к ситуации избыточных мощностей. Ожидается, что общие темпы роста инвестиций в прибрежное строительство будут продолжать замедляться и будущие темпы роста инвестиций в строительство портов будут существенно дифференцированы с точки зрения регионального распределения и типов причалов.

В строительстве портовой системы в КНР применяется принцип т.н. «экономии за счет масштаба»¹². Как уже отмечалось, для портовой отрасли Китая характерны высокий объем первоначальных

¹⁰ <https://www.hyqfocus.com/jsp/model.jsp?id=28750&modelType=1> (accessed 05.11.2023)

¹¹ Рассчитано автором по: https://xxgk.mot.gov.cn/2020/jigou/zhghs/202202/t20220218_3642061.html (In Chin.) (accessed 05.11.2023)

¹² <https://vocabulary.ru/termin/ekonomija-na-masshtabe.html> (accessed 19.02.2024)

инвестиций в порт и высокая доля постоянных затрат, но, при условии увеличения грузопотока, средние затраты будут ниже. Кроме того, в связи со стремлением к экономии за счет масштаба в судоходной отрасли и тенденцией к использованию крупногабаритных судов портовая инфраструктура КНР в последние годы продемонстрировала тенденцию к крупномасштабности, а экономия за счет масштаба в портовой отрасли стала более заметной. Порты Китая, входящие в первую десятку крупнейших портов мира по пропускной способности, в основном имеют положительные темпы роста пропускной способности в годовом исчислении (кроме Гонконга).

Основные порты материковой части КНР имеют важное мировое значение, а по пропускной способности основные порты занимают первое место в мире. В 2021 г. Поднебесная занимала 8-е место в первой десятке портов мира по грузовым и 8-е – по контейнерным перевозкам¹³.

Турбулентная ситуация в мире беспрецедентным образом повлияла на глобальную торговлю. Порты по всему миру, являясь основными воротами мировой торговли, также ощутили на себе экономическое давление геополитики. При этом китайские порты продолжают укреплять свое доминирование в морских контейнерных перевозках, занимая 4 из 5 верхних мест в мировом рейтинге и 8 – из 10 верхних мест: Шанхай, Нинбо-Чжоушань, Шэньчжэнь, Гуанчжоу, Пусан, Циндао, Гонконг и порт Тяньцзинь¹⁴.

Для оптимизации портового обслуживания в Китае проводятся структурные изменения водного транспорта и оборудования отрасли, нацеленные на укрупнение и специализацию судов. Согласно данным Министерства транспорта КНР на конец 2021 г., в стране насчитывалось 125,9 тыс. судов водного транспорта (–0,7% к 2020 г.). Чистая грузоподъемность водного транспорта составила 284,326 млн т (+5,1% к 2020 г.), пассажироместимость составила 857,8 тыс. пассажиров (–0,3% к 2020 г.), а контейнероместимость – 2,884 млн TEU (–1,6% к 2020 г.)¹⁵.

В 2001 г. водный транспорт КНР представляли 210,786 тыс. судов (178 тыс. судов в 2010 г.), которые были рассчитаны на перевозку 54,495 млн т грузов (180,409 млн т в 2010 г.), пассажироместимость водного транспорта была на уровне 1,077 млн мест (1,004 млн в 2010 г.), контейнероместимость водного транспорта составляла 506 тыс. TEU (1,324 млн в 2010 г.)¹⁶.

За период 2001–2021 гг. показатели водного транспорта КНР претерпели существенные изменения: общее количество судов уменьшилось более чем на 67%, при этом показатель грузоподъемности (дедвейт-нетто) вырос почти в 5,5 раза, контейнероместимость выросла в 5,7 раза. Пассажироместимость водного транспорта Китая показывает тенденцию к снижению: уменьшение более чем на 20%.

С точки зрения распределения судов по районам судоходства (см. табл. 3), количество судов внутреннего судоходства на конец 2021 г. составило 113,6 тыс. ед., каботажного судоходства – 10,9 тыс., морского судоходства – 14 тыс. ед. Из данных таблицы видно, что снижение количества судов произошло в основном за счет судов внутреннего судоходства, рост количества каботажных судов показывает умеренную динамику, количество морских судов выросло в 5,3 раза (2001–2021 гг.).

По показателю грузоподъемности водного транспорта лидируют суда внутреннего судоходства – 146,77 млн т (рост почти в 6,84 раза), каботажное судоходство – 88,86 млн т (рост почти в 10 раз), грузоподъемность морского транспорта – 48,7 млн т (рост более чем в 2 раза).

Пассажироместимость водного транспорта снижалась за счет внутреннего судоходства, каботажное и морское судоходство имеют тенденцию к росту, как и контейнерная вместимость судов морского, каботажного и внутреннего назначения, и составляет соответственно 1,776 млн TEU (+360% за период 2001–2021 гг.), 0,625 млн TEU (среднегодовой темп прироста 165%), 0,484 млн TEU (среднегодовой темп прироста 256%).

¹³ <https://lloydslist.maritimeintelligence.informa.com/-/media/Lloyds-list/images/top-100-ports-2021/top-100-ports-2021-digital-edition.pdf> (accessed 04.11.2023)

¹⁴ <https://www.ronsped.it/the-global-ports-performance/#:~:text=The%20top%2010%20busiest%20ports,Tianjin%2C%20and%20Port%20of%20Rotterdam> (accessed 04.11.2023)

¹⁵ <https://www.mot.gov.cn/fenxigongbao/> (accessed 05.11.2023)

¹⁶ https://www.mot.gov.cn/fenxigongbao/hangyegongbao/201510/t20151013_1894757.html; https://www.mot.gov.cn/fenxigongbao/hangyegongbao/201510/t20151013_1894746.html (accessed 25.11.2023)

Таблица 3. Состав судов водного транспорта КНР по районам судоходства, 2001–2021 гг.

Table 3. Composition of Chinese water transport vessels by shipping area, 2001–2021

Район судоходства	Морское судоходство			Каботажное судоходство			Внутреннее судоходство		
	2001 г.	2010 г.	2021 г.	2001 г.	2010 г.	2021 г.	2001 г.	2010 г.	2021 г.
Количество судов, ед.	2645	2213	14 020	8073	10 473	10 891	200 068	165 700	113 600
Грузоподъемность, млн т	23,857	56,261	48,701	9,181	49,789	88,856	21,457	74,359	146,77
Пассажировместимость, млн пасс.	0,014	0,02	0,024	0,127	0,158	0,239	0,936	0,825	0,594
Контейнерная вместимость, млн TEU	0,479	1,011	1,776	0,018	0,186	0,625	0,009	0,128	0,484

Рассчитано и составлено по:

https://www.mot.gov.cn/fenxigongbao/hangyegongbao/201510/t20151013_1894757.html;

https://www.mot.gov.cn/fenxigongbao/hangyegongbao/201510/t20151013_1894747.html;

https://www.mot.gov.cn/fenxigongbao/hangyegongbao/201510/t20151013_1894746.html;

https://xxgk.mot.gov.cn/2020/jigou/zhghs/202205/t20220524_3656659.html (In Chin) (accessed 25.11.2023)

С точки зрения специализации торгового флота КНР балкеры¹⁷ преобладают по количественным и качественным показателям. На начало 2021 г. грузоподъемность балкерного флота Китая составила 62,8 млн т дедвейта, среднегодовой темп прироста за период 2005–2020 гг. – 29,4%. 2-е место занимают нефтяные танкеры общей грузоподъемностью 15,3 млн т и среднегодовым темпом роста 15,8%. Завершают тройку контейнеровозы с грузооборотом 10,4 млн т дедвейта и 21,8% годового прироста¹⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Благодаря годам упорной работы Китай выходит на лидирующие позиции по величине экономики в мире и становится крупнейшей торговой страной. Быстрое экономическое развитие способствует и развитию отрасли портовой логистики, постоянному расширению масштабов нового портового строительства и сохранению Китаем лидирующих позиций в мировой морской отрасли по многим показателям [15].

Применение целостного подхода к развитию портов предполагает согласование политики в области логистики, торговли и транспорта с более широкими стратегиями экономического развития. В Китае развитие портов хорошо интегрировано с более широким планированием экономического прогресса различными способами, включая консолидацию развития портов с особыми экономическими зонами, внутренней логистикой, таможенным администрированием, транспортными сетями внутренних районов и упрощением процедур торговли.

В большинстве стран с формирующейся рыночной экономикой взаимосвязь между портом и целями экономического развития не столь явная. Однако в Китае границы традиционного планирования портов были расширены с учетом национальных экономических и социальных целей, возможностей для развития внутренних районов, цепочек поставок, проходящих через порт, и интересов сообщества, в которое встроен каждый порт. Достижения и опыт Китая свидетельствуют о важности такого целостного подхода.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. 陈沛然, 王成金, 刘卫东. 中国海外港口投资格局的空间演化及其机理. 地理科学进展, 2019, 38 (7): 973–987 [Chen Peiran, Wang Chengjin, Liu Weidong. Spatial evolution and mechanism of China's overseas port investment pattern. Progress in Geographical Sciences, 2019, Vol. 38. Iss. (7): 973–987]. (In Chin.)

¹⁷ Специализированные суда для перевозки грузов насыпью (зерно, уголь, руда, цемент и т.д.) (прим. ред.).

¹⁸ <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/> (accessed 24.11.2023)

2. Lauriat G. (2023). Commentary: AJOT's top 100 container ports. *American Journal of Transportation* 27.07.2023. Iss. 754. Pp. 2–10.
3. Ларин В.Л., Песцов С.К. Становление Китая как великой морской державы. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020. Т. 13. № 3. С. 27–46.
Larin V.L., Pestsov S.K. 2020. The emergence of China as a “great maritime power”. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. Т. 13. № 3. Pp. 27–46. (In Russ.)
4. Комиссина И.Н. Морской Шёлковый путь XXI в. – глобальный геополитический проект Китая. *Проблемы национальной стратегии*. 2017. № 1 (40). С. 60–81.
Komissina I.N. 2017. The 21st century Maritime Silk Road as a global geopolitical project of China. *National Strategy Issues*. № 1 (40). Pp. 60–81. (In Russ.)
5. Акимов А.В. Морской транспорт Китая: краткий статистический очерк. *Восточная аналитика*. 2020. № 3. С. 15–27.
Akimov A.V. 2020. Maritime transport of China: a brief statistical outline. *Eastern Analytics*. № 3. Pp. 15–27. (In Russ.). DOI: 10.31696/2227-5568-2020-03-015-027
6. Семенова Н.К. Морские порты Китая: современное состояние и перспективы развития. М.: ИВ РАН, 2023. 472 с.
Semenova N.K. Seaports of China: current state and development prospects. M.: IV RAS, 2023. 472 p. (In Russ.)
7. Сячин В.Г., Эпштейн В.А. Морские портовые комплексы как ключевое звено функционирования транспортной системы КНР. *Современные востоковедческие исследования*. 2020. Т. 2. № 5. С. 99–113.
Syachin V.G., Epshtein V.A. 2020. Sea port complexes as a key link in the functioning of the transport system of the People's Republic of China. *Modern Oriental Studies*. Т. 2. № 5. Pp. 99–113. (In Russ.)
8. Дирко С.В., Тихомирова В.С. Конкурентные позиции китайских портов как инфраструктурных объектов морского транспорта. Транспорт и логистика: актуальные вопросы, проектные решения и инновационные достижения. Красноярск, 2020. С. 45–48.
Dirko S.V., Tikhomirova V.S. Competitive positions of Chinese ports as infrastructure facilities for maritime transport. *Transport and logistics: current issues, design solutions and innovative achievements*. Krasnoyarsk, 2020. Pp. 45–48. (In Russ.)
9. Кочетова К.В., Попова Ю.И., Левченко Т.А. Состояние портовой инфраструктуры Китая и ее вклад в развитие мировой транспортной инфраструктуры. *Актуальные вопросы современной экономики*. 2019. № 4. С. 436–441.
Kochetova K.V., Popova Yu.I., Levchenko T.A. 2019. The state of China's port infrastructure and its contribution to the development of global transport infrastructure. *Current issues of modern economics*. № 4. Pp. 436–441. (In Russ.)
10. Notteboom T., Yang, Z. (2017). Port governance in China since 2004: institutional layering and the growing impact of broader policies. *Research in Transportation Business and Management*. № 22. Pp. 184–200. DOI: 10.1016/j.rtbm.2016.09.002
11. Fugazza M., Hoffmann ND J. (2017). Liner shipping connectivity as determinant of trade. *Journal of Shipping and Trade*. № 2 (1). Pp. 1–18. DOI: 10.1186/s41072-017-0019-5
12. Huo W., Zhang W., Chen P.S.L. (2018). Recent development of Chinese port cooperation strategies. *Research in Transportation Business & Management*. № 26. Pp. 67–75. DOI: 10.1016/j.rtbm.2018.01.002
13. 王 琪, 韦春竹, 陈 炜. 中国港口群内部格局与参与全球航运网络联系分析 [Wang Qi, Weichun Zhu, Chen Wei (2022). Analysis of the relationship between the internal structure of China's port clusters and its participation in the global shipping network]. (In Chin.). <http://www.xml-data.org/RWDL/html/20220120.htm> (accessed 10.11.2023)
14. UNCTAD (2023). <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/> (accessed 04.11.2023)
15. Семенова Н.К. Морские порты Китая: современное состояние и перспективы. М.: ИВ РАН, 2023. 472 с.
Semenova N.K. Seaports of China: current state and prospects. Moscow, 2023. 472 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Семенова Нелли Кимовна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Отдел экономических исследований, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

Nelli K. Semenova, PhD (Political Science), Senior Researcher, Department of Economic Research, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 30.01.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 31.03.2024

Принята к публикации
(Accepted) 17.04.2024

От Не Вина до Мин Аун Хлайна: астрология, нумерология и охранительные ритуалы как часть политики военных руководителей Мьянмы

© Зайцев И.А.^а, 2024

^а ИМЭМО, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-0883-059X; kouaun6803@gmail.com

Резюме. В статье рассматривается история обращения военного руководства Мьянмы (Бирмы) начиная с 1962 г. к эзотерическим практикам (астрологии, нумерологии), а также буддийским охранительным ритуалам, известным как *йатая*. Популярность таких практик стоит рассматривать как составную часть обращения военных к традиционным для буддизма формам легитимации власти, которые сводятся к строительству религиозных сооружений, совершению щедрых дарений сообществу монахов и т.д.

Приношение благих дарений в буддизме Тхеравады неразрывно связано с потребностью определения благоприятного времени для совершения специальных церемоний. Очевидно, что это способствовало потребности в астрологии и нумерологии, обращение к которым позволяло определить благоприятный для дарений день. Популярностью также пользовался и особый охранительный ритуал, известный как *йатая*.

Упоминания таких эзотерических практик, равно как и ритуалов *йатая*, встречаются в источниках по истории доколониальной Мьянмы, что позволяет говорить о тесной связи астрологии, нумерологии и *йатая* с буддизмом в течение долгого времени. Популярность этих практик в современной политике подчеркивает глубокие исторические корни рассматриваемого феномена.

Ключевые слова: Мьянма, ритуал, астрология, *йатая*, военные элиты

Для цитирования: Зайцев И.А. От Не Вина до Мин Аун Хлайна: астрология, нумерология и охранительные ритуалы как часть политики военных элит Мьянмы. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 5. С. 23–31. DOI: 10.31857/S032150750030846-2

From Ne Win to Min Aung Hlain: Astrology, Numerology and Apotropaic Rituals as a Part of Myanmar Military Elites Policy

© Ivan A. Zaitsev^а, 2024

^а IMEMO, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-0883-059X; kouaun6803@gmail.com

Abstract. The article raises the problem of public appeal to fortune-telling practices, such as astrology, numerology and special protective rituals (*yadaya*) by current military leaders of the Republic of the Union of Myanmar. It is noteworthy to say that such practices are inextricably linked with traditional Buddhist concept of *kammic* kingship. Such model draws on the so-called *kammic* path: improving *kamma* through merit-making activities as well as building or renovating stupas or Buddhist monasteries.

Esoteric practices (astrology and numerology) provide donors with precise information on favorable time and date for carrying out merit-making ceremonies according to private horoscope of a particular donor. As the *yadaya* ritual carries out a protective function it could be linked to the so-called apotropaic Buddhism, according to M. Spiro classification. In public life the appeal to such practices make possible to reduce bad forces impact on future events.

The evidence of various divinatory practices and protective rituals usage are mentioned in written sources on pre-colonial history of Myanmar. In that case the public appeal to such practices today could be seen as a logical transformation of popular historical tradition.

Keywords: Myanmar, ritual, astrology, *yadaya*, military elite

For citation: Zaitsev I.A. From Ne Win to Min Aung Hlain: Astrology, Numerology and Apotropaic Rituals as a Part of Myanmar Military Elites Policy. *Asia and Africa today*. 2024. № 5. Pp. 23–31. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750030846-2

ВВЕДЕНИЕ

В новейшей истории Бирмы (Мьянмы), берущей начало с момента обретения независимости в январе 1948 г., феномену обращения власти к буддизму *Тхеравады*¹ как к средству политической легитимации было посвящено немало исследовательских изысканий (подробнее см. [2; 12; 15; 16]).

Отношения современного государства и этого направления буддизма стоит, на наш взгляд, рассматривать как следствие модификации традиционной модели легитимации власти, согласно которой идея о процветании буддийского учения не только формулировала концептуальные обоснования претензии того или иного правителя на трон, но и требовала от власти совершения праведных деяний: строительства религиозных сооружений, унификации *сангхи*² и т.д. [1, pp. 40–47]. Согласно бирманскому поверью, такие действия формировали славу правителя, что являлось одним из критериев оценки морального авторитета власти в обществе.

Для совершения благого деяния в буддизме мирянин должен не только иметь соответствующее благожелательное намерение³, но и совершить праведное деяние в подходящий для этого момент. Такой принцип возник неспроста. В буддийской традиции положительный эффект от совершенного священного деяния способенкратно усилиться в будущем, если даритель совершает ритуал в надлежащее время. Наряду с этим популярностью пользовались и магические охранительные ритуалы⁴, известные как *йатая*. Их суть сводилась к снижению влияния дурных сил на развитие событий в будущем, а проведение требовало консультаций со знатоками нумерологии и астрологии [4, pp. 124–125].

Популярность эзотерики и охранительных ритуалов весьма высока в кругах современных военных элит Мьянмы. Такие практики гармонично встраиваются в традиционную буддийскую модель легитимации верховной власти, обращение к которой приобрело особую актуальность ввиду прихода военных к власти в стране в результате военного переворота в феврале 2021 г.

В десятилетний период с момента ухода с политической авансцены генерала Тан Шве в 2011 г. вплоть до событий 2021 г. Мьянма пережила серьезные трансформации, в ходе которых в политической жизни страны вопрос обращения власти к традиционным моделям легитимации не имел большого значения. Сегодня ситуация кардинально изменилась. Возросшая потребность в публичном обращении к традиционным для буддизма формам легитимации власти увеличивает популярность эзотерики и охранительных ритуалов среди военных элит страны. Такая ситуация делает актуальными исследования по истории апелляции к таким практикам в политике предшествующих военных режимов страны, равно как и изучение возможного влияния эзотерических практик на современные политические процессы.

АСТРОЛОГИЯ, НУМЕРОЛОГИЯ И ОХРАНИТЕЛЬНЫЙ РИТУАЛ

В мировосприятии бирманцев общая событийная реальность базируется на двух фундаментальных началах: повседневности, именуемой *локия*, а также трансцендентности, известной как *локкутара* [5, pp. 53–54]. Взаимное влияние этих двух составляющих представляло собой важную часть жизни различных слоев общества Мьянмы на протяжении её истории.

¹ Тхеравада – одно из старейших направлений буддизма, которое фокусировалось на сохранении учения Будды в виде текстов, а также имеет консервативные взгляды в плане монашеской дисциплины. Распространено на Шри-Ланке, а также в странах Юго-Восточной Азии: Мьянме, Таиланде, Ласосе и Камбодже (*прим. авт.*).

² Термин, который используется для обозначения общины монахов в буддизме (*прим. авт.*).

³ В буддизме эта идея обозначается термином *cetana* (*прим. авт.*).

⁴ Охранительные или «отгонные» ритуалы, предназначенные для оберега человека от несчастий и зла (*прим. авт.*).

Как отмечал немецкий историк Роберт Хайне-Гелдерн, идея сохранения гармонии и баланса между *локия* и *локкутара* нашла свое яркое отражение в планировке пространства в доколониальных индуистских и буддийских политических центрах Юго-Восточной Азии. Так, например, в г. Мандалае, столице державы *Конбаунов* (1768–1885), царский дворец располагался в центре города и отождествлялся с горой *Меру* – священным местом в индо-буддийской космологии [8].

В такой модели астрология как часть *локия*, в основе которой лежит принцип воздействия небесных тел на судьбу человека, имела большое значение для определения даты и времени проведения правителем или придворным значимого события, будь то религиозная церемония или военный поход (подробнее см. [7]). Считалось, что выбор подходящей даты и времени с помощью астрологических расчетов заведомо увеличивал шансы на успех в реализации того или иного деяния. Сама по себе традиция обращения к такой практике имеет глубокие исторические корни, на что указывают упоминания о консультациях царя Чанзиты (1084–1112/13) с брахманами-астрологами.

Нумерология важна в буддизме *Тхеравады*, где значение некоторых чисел обладает сакральными свойствами. Это иллюстрируется примером популярного в Мьянме буддийского националистического движения «*Ма Ба Та*», которое использует число 969 в своем названии. 969 символически отсылает к 3 драгоценностям буддизма: Будде, *дхарме*⁵ и *сангхе*, где 9 знаменует Будду и *сангху*, а 6 – олицетворяет дхарму, т.е. учение [12, pp. 425–426].

Астрология и нумерология тесно связаны с особым охранительным ритуалом, известным как *йатая*. В буддизм этот ритуал пришел из брахманизма. По своим задачам *йатая* нацелен на снижение влияния дурных сил и может изменить судьбу человека, предначертанную кармой. *Йатая* проводится после консультаций с прорицателями или астрологами, которые на основании математических подсчетов и знания гороскопа отдельного человека дают рекомендации по совершению ритуальных действий. К примеру, человек может выпустить на волю в памятный день животных, число которых имеет благоприятное нумерологическое значение [4, p. 124]. *Йатая* может быть тесно связан также и с праведными для буддиста деяниями: строительством ступ, монастырей, рецитацией священных текстов и церемониями дарения монахам, во время которых совершатель ритуала произносит заклинание или связывает свои действия с благоприятным нумерологическим числом.

Как отмечает американский религиовед Мелфорд Спайро, такие ритуалы следует относить к охранительному буддизму – особому направлению, которое концентрируется на способах преодоления повседневных несчастий человека: болезней, засух и бедствий, устранение которых возможно с помощью проведения специальных ритуалов. Самый известный пример религиозного охранительного ритуала – рецитация *паритта-сутт*, нацеленных на обретение удачи и защиту от бед [13, pp. 140–159]. Однако такой ритуал не требует обращения к эзотерике, в отличие от *йатая*.

В наши дни *йатая* практикуется как среди простого населения, так и во властных кругах, в т.ч. в военной элите. Этот ритуал выглядит привлекательным для политиков, поскольку предоставляет возможность минимизировать негативные последствия от принятия неудачных решений, а также избежать неблагоприятного развития событий в будущем.

Весьма доходчиво логика действий ритуала описывается в одной бирманской поговорке – «если *йатая* хорошая, исчезнет *минлаун*» (бирм. ဝတ်ကြောင်း မင်းလောင်း ပျက်ကပ်သည်). Суть заключается в том, что в случае регулярного выполнения ритуала правителем улучшится царская карма. Это способствует исчезновению *минлауна* – подступающего будущего правителя или незаконного претендента на трон, что естественным образом укрепит власть царя [4, p. 130]. Тем самым в истории и культуре Мьянмы апелляция к эзотерическим практикам и охранительным ритуалам имеет глубокие исторические корни и тесно связана с буддизмом *Тхеравады*, что позволяет таким практикам гармонично вписываться в традиционную буддийскую модель легитимации верховной власти.

⁵ Буддийское учение (прим. авт.).

АСТРОЛОГИЯ, НУМЕРОЛОГИЯ И ОХРАНИТЕЛЬНЫЕ РИТУАЛЫ В ЭПОХУ ГЕНЕРАЛА НЕ ВИНА (1962–1988)

Первым руководителем военного правительства независимой Мьянмы был генерал Не Вин (1911–2002), пришедший к власти в результате бескровного военного переворота в 1962 г. Его можно считать одной из самых специфических фигур в новейшей истории страны. Генерал проводил политику по построению социализма с безальтернативным доминированием одной партии (о политике Не Вина см. [6. pp. 69–75; 14]).

Во время пребывания генерала у власти ставка делалась на национализацию, ксенофобию и изоляционизм. При этом создание «социалистического государства с плановой экономикой» должно было насытить общество и автоматически повысить его морально-нравственную составляющую, что соответствует ключевым политико-философским идеям движения *такинов*⁶. Режим генерала Не Вина предполагал создание светского государства. Однако важные идеологические документы его эпохи демонстрируют глубокую связь марксизма с элементами буддийской философии, равно как и обуславливают праведность политики власти с помощью завуалированных отсылок к буддийским каноническим текстам [14, pp. 61–98; 6, pp. 69–75].

В таком контексте обращение генерала к традиционным для буддизма формам легитимации на фоне неудач реализации плана строительства социалистической утопии не выглядят необычным. Как отмечает автор политической биографии генерала Не Вина Роберт Тейлор, по некоторым данным, в 1975 г. генерал тайно провел в монастыре несколько месяцев, изучая буддийские рукописи [15, p. 439]. А в 1980-е гг. Не Вин инициировал серию фундаменталистских преобразований, к которым можно отнести созыв совета *Маханаяка* (буддийский монашеский совет), реформирование *сангхи* и публичное спонсирование строительства религиозных учреждений [17, pp. 82–85].

Не Вин стремился также публично продемонстрировать себя наследником буддийских правителей – объединителей Мьянмы: *Аноратхи*, *Байинауна* и *Алаунминтайи*⁷, что нашло отражение в восхвалении политики этих царей «феодальной эпохи» в школьных учебниках истории и исторической литературе как великих завоевателей, обеспечивших единство страны⁸. Символическую связь генерала с доколониальным прошлым также подчеркивает женитьба генерала на родственнице последнего правителя страны – царя Тибо (1878–1885).

Как следствие обращения к традиционной модели, генерал нередко прибегал к совершению эзотерических ритуалов и пользовался советами астрологов. Эта информация подтверждается и бирманским исследователем Мья Мауном, который отмечал, что в 1970-е гг. генерал начал проявлять небывалый интерес к нумерологии и охранительным ритуалам *йатая*, которые проводились на основании консультаций с личным астрологом генерала схайа Мйаином. Однако такая информация не может быть в должной степени верифицируема из-за отсутствия прямых источников, подтверждающих наличие таких практик⁹.

К наиболее известным ритуалам *йатая*, совершенным генералом, можно отнести стрельбу в собственное отражение в зеркале с целью предотвращения покушения на свою жизнь; принятие ванн из крови, а также женитьбу на молодой девственнице из Аракана [16, p. 39–40]. Любопытно отметить, что правостороннее автомобильное движение также было введено генералом Не Вином как ритуал *йатая*, цель которого сводилась к предотвращению попыток антиправительственного мятежа [16, p. 40].

⁶ Общественно-политическое движение в колониальной Бирме, возникшее в 1930-е гг. Представители этого движения изучали различные западные философские направления и занимались созданием революционной антиколониальной идеологии (прим. авт.).

⁷ Речь идет о трех первых правителях политий *Паган*, *Таунгу* и *Конбаунов*, известных в национальной историографии как цари-объединители, создатели централизованных «феодальных» империй (прим. авт.).

⁸ Учитывая националистическую риторику, в рамках которой армия позиционировала себя единственным защитником территориального единства страны, сравнение политики военных и политики царей-объединителей выглядело логичным (прим. авт.).

⁹ Всё, что известно на сегодняшний день, циркулирует в виде слухов и не находит документального подтверждения (прим. авт.).

Генерал прославился и серьезным увлечением нумерологией. Его благоприятным астрологическим числом считалось 9, значение которого стало особенно символичным во время финансовой реформы 1987 г., когда правительство изъяло из оборота купюры в 25, 35 и 75 кьят (национальная валюта Мьянмы¹⁰) без соответствующей компенсации их обладателям. Вместо них были введены новые купюры по 45 и 90 кьят с номиналом, кратным девяти [16, р. 43]. Такая мера спровоцировала финансовый кризис и массовое народное недовольство. Если разложить числа 45 и 90 на две цифры, то можно представить 45 в виде суммы 4 и 5, что даст 9. По такому же принципу 90 представляется суммой цифр 9 и 0, что даст искомое благоприятное для генерала число 9.

В результате разгоревшегося в 1988 г. политического и экономического кризиса генерал Не Вин ушел с политической авансцены и около месяца во главе страны находился генерал Сейн Лвин, который также проявлял большую симпатию к астрологии и нумерологии [16, р. 44].

ЭЗОТЕРИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ И ОХРАНИТЕЛЬНЫЕ РИТУАЛЫ ПРИ НОВОМ ВОЕННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ (1988–2011)

Политический кризис 1988 г. положил конец планам по «строительству социализма». В результате неудачи акций гражданского неповиновения, известных как «Восстание 8888», к власти в стране пришел Государственный совет по восстановлению правопорядка (ГСВП) – орган власти, возглавляемый военными. В 1997 г. он был переименован в Государственный совет мира и развития (ГСМР). В период 1988–1992 гг. правительство возглавлял генерал Со Маун. Затем, в 1992–2011 гг. у власти находился генерал Тан Шве.

Новое военное правительство обозначило тенденцию на привлечение внешних инвестиций в экономику, снижение уровня ксенофобии, а также более открытую политику на международной арене. Левая социалистическая риторика была полностью исключена из политического дискурса. В своей легитимации власть делала ставку на многопартийность и подконтрольные электоральные кампании, в которых победу одерживала провоенная партия «Единства Союза». Наряду с этим значимость традиционных форм легитимации обрела куда большее значение, чем во времена Не Вина, что могло быть нацелено на объяснение правильности выбранной капиталистической модели развития, а не социалистической.

Как отмечает немецкий религиовед Штефан Энгелькамп, в период 1988–2011 гг. военные придерживались стратегии т.н. ритуального смещения, в рамках которой прямое покровительство государства буддийским реликвиям повышало его авторитет в глазах населения [19, pp. 48–51]. В таком контексте большое символическое значение имела кампания по доставке реликвии – зуба Будды из Китая – в 1997 г. под прямым покровительством правительства Мьянмы [17, pp. 89–91].

Апелляция к традиционным формам легитимации, как и во времена Не Вина, логически допускала обращение к гадательным практикам: астрологии, нумерологии и охранительному ритуалу *йатая*. Для генерала Со Мауна, так же как и для генерала Не Вина, число 9 признавалось благоприятным, что повлияло на ряд важных событий. Так, страна была переименована из Бирмы в Мьянму 18 июня 1989 г., что давало число 9 при сложении чисел 1 и 8.

Начиная с 1988 г. большую популярность у населения Мьянмы приобретает противник действующей власти – Аун Сан Су Чжи, дочь генерала Аун Сана, известная правозащитница, борец за демократические преобразования¹¹. По подсчетам астрологов, благоприятным числом Аун Сан Су Чжи считалось 8, что побудило военных к действиям по нейтрализации влияния числа 8 и укреплению силы числа 9. Так, например, выборы в 1990 г., которые оппозиция официально проиграла, прошли 27 мая, что позволяет получить 9 при сложении 2 и 7 [14, р. 44].

Для нейтрализации силы Аун Сан Су Чжи был проведен специальный ритуал, суть которого состояла в изменении дизайна денежных купюр с изображением генерала Аун Сана, отца Су Чжи. Вме-

¹⁰ По нынешнему курсу \$1 = 2094 кьята (прим. авт.).

¹¹ Аун Сан Су Чжи (р. 1945) – лидер правившей «Национальной лиги за демократию», де-факто возглавляла правительство Мьянмы с 2016 г. вплоть до последнего переворота в 2021 г. Лауреат Нобелевской премии мира 1991 года (прим. ред.).

сто его портрета на банкноте в 1 кьят было помещено изображение льва, известного царского символа. Такая мера должна была также укрепить могущество генерала Со Мауна, который активно апеллировал к традиционным формам легитимации [4, pp. 134–135].

В 1992 г. к власти в стране приходит генерал Тан Шве, прославившийся пристрастиями к эзотерическим практикам. Одной из предсказательниц, к услугам которой прибегал генерал, была И Ти, известная не только в Мьянме, но и за её пределами, ведь к её услугам прибегал бывший премьер-министр Таиланда Таксин Чиннават [20, pp. 236–237].

Примечательной также выглядит история переноса столицы из Янгона в Нейпидо в 2005 г. В те времена 6 ноября 2005 г. приблизительно в 6:37 утра многие государственные служащие покинули Янгон по причине переноса офисов в новую столицу. Затем, 11 ноября в 11 утра внушительный военный конвой, состоявший из 1100 единиц военной техники, отправился из Янгона в Нейпидо, что не может не указывать на явную символическую подоплеку этого события.

В отличие от предыдущих военных руководителей страны, благоприятным нумерологическим числом генерала Тан Шве было 11, которое, согласно бирманским народным поверьям, способно помочь ему преодолеть 11 ненастий – жадность, ненависть, заблуждение, старение, рождение, смерть, горе, плач, боль, печаль и отчаяние.

Как отмечает исследователь биографии генерала Тан Шве Бенедикт Роджерс, генерал придавал большое значение нумерологии. Веря в силу числа 11, он приказал в сентябре 2008 г. освободить из-под стражи 9002 заключенных [20, p. 237]. В сумме цифры 9 0 0 2 дадут число 11. Следуя такой же логике, 11 ноября 2008 г. правительство Мьянмы приговорило известного демократического активиста Мин Ко Наина к 65 годам тюремного заключения [20, p. 237]. Сумма чисел 6 и 5 дает 11, что соответствует благоприятному для генерала числу. С другой стороны, генерал периодически отдавал предпочтение и числу 9, благоприятному для военных, о чем свидетельствует спонсирование генералом строительства ступы в Янгоне высотой 99 м.

Тан Шве, как и генерал Со Маун, проводил схожие ритуалы *йатая*, нацеленные на нейтрализацию влияния Аун Сан Су Чжи. Так, в 2006 г. по распоряжению генерала в стране начали массово выращивать молочайные растения *Ятрофа куркас*, селекция которых должна была снизить популярность Аун Сан Су Чжи [4, pp. 135–136]. В феврале 2011 г. на церемонии, посвященной 64-й годовщине празднования Дня Союза¹², генерал вышел на всеобщее обозрение в женском нижнем одеянии, известном как *лончжи*¹³. Целью такого ритуала являлась духовная нейтрализация возросшей силы и влияния Аун Сан Су Чжи, которая была выпущена из-под домашнего ареста в 2010 г.

После ухода Тан Шве со своего поста в 2011 г. и начала последовавшего курса на демократизацию политической жизни в Мьянме демонстративная апелляция к традиционной буддийской властной модели с сопутствующими ей эзотерическими ритуалами временно утратила свой смысл, уступив место электоральным формам политической легитимации. Тем не менее гадательные практики и охранительные ритуалы в военной элите страны не утратили популярности после 2011 г. Напротив, вплоть до военного переворота 2021 г. высший армейский генералитет всячески старался создать себе образ «праведных покровителей буддизма», что было нацелено на формирование имиджа защитников традиционных культурных ценностей. В таком контексте популярность эзотерических практик и охранительных ритуалов неизменно продолжала оставаться высокой.

ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 2021 г.: ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЭЗОТЕРИКЕ И РИТУАЛАМ

Ранним утром 1 февраля 2021 г. Мьянма вновь попала в передовицы отечественных и мировых СМИ в связи с военным переворотом и захватом власти командующим ВС страны генералом Мин

¹² День Союза отмечается в стране 12 февраля. В этот день в 1947 г. было подписано знаменитое Пинлонское соглашение между правительством генерала Аун Сана и представителями этнических меньшинств. Этот документ очертил модель будущего устройства независимой Бирмы (*прим. авт.*).

¹³ https://www2.irrawaddy.com/article.php?art_id=20782 (accessed 27.12.2023)

Аун Хлайном. Приход к власти военных был антиконституционным, что спровоцировало волну массовых народных выступлений, в дальнейшем вылившихся в новую фазу гражданской войны.

Говоря о внутренних стратегиях легитимации, генерал неоднократно апеллировал к идее проведения скорых выборов, передаче власти новому гражданскому правительству в рамках модели т.н. дисциплинированной демократии, известной с начала 2000-х гг. [21].

Важно отметить, что в ряде своих выступлений Мин Аун Хлайн регулярно опирается на идеи бирманского национализма, согласно которым армия признается единственным защитником единства страны, что указывает на сходство с режимом ГСВП/ГСМР (см. выше). Как и в период 1988–2011 гг., после февраля 2021 г. широко распространилось регулярное демонстративное обращение к традиционной модели легитимации. Результатом такой политики стало спонсирование строительства самого большого мраморного изображения Будды *Маравиджая*¹⁴, публичная демонстрация генералом Мин Аун Хлайном белого слона, одного из символов могущества в буддизме, а также царского рубина¹⁵. В таком контексте появление информации об апелляции генерала к эзотерическим практикам выглядит естественно.

Так же, как и предшествующие военные руководители страны, генерал Мин Аун Хлайн придает большое значение нумерологии и верит в сакральное значение благоприятных чисел. По сообщениям некоторых СМИ, дата военного переворота была согласована с личным астрологом генерала – Ашин Ковидой¹⁶. При рассмотрении времени совершения военного переворота (03:00, 01.02.21) прослеживается отсылка к благоприятному для военных числу 9, т.к. указанные цифры в сумме дают 9.

Отсылка к числу 9 прослеживается и при рассмотрении отдельных ритуалов *йатая*, совершенных генералом, за прошедшее с момента прихода к власти время. Так, например, после проведения основного ритуала по водружению наверх на ступу в парке Этномир в 2022 г. генерал 9 раз ударил в золотой колокол, расположенный неподалеку от сооружения. Идентичные действия были совершены им в г. Кентунг во время религиозной церемонии весной 2023 г.

Генерал Мин Аун Хлайн, так же как и генерал Тан Шве, придает значение нумерологическому числу 11, о чем свидетельствуют несколько событий – церемония закладки фундамента гигантского изображения Будды Маравиджайи состоялась 11 февраля 2023 г.; пышная религиозная церемония в г. Кентунг была совершена 11 мая 2023 г.¹⁷ Тем самым подтверждается, что генерал верит в магическую силу обоих чисел – 9 и 11, способных благоприятно повлиять на его судьбу.

За последние несколько лет генерал совершал многочисленные поездки по стране, а также за рубеж с целью строительства буддийских религиозных сооружений¹⁸. Такие путешествия логически связывает проведение генералом серии типологически схожих *йатая*, во время которых на ступу водружалось украшенное драгоценными камнями навершие, символизирующее царское могущество. По окончании церемонии генерал вместе с монахами произносил характерную фразу «Аун би», что в переводе с бирманского означает «свершилось». Произнесение этой фразы символизирует намерение одержать победу над врагами, угрожающими власти генерала, т.е. вооруженной оппозицией.

Некоторые совершенные генералом ритуалы были связаны с практикой освобождения живых существ. В апреле 2023 г. во время визита на о-ва Коко генерал Мин Аун Хлайн вместе со своей супругой выпустили в море двух черепах¹⁹. Такое воплощение ритуала сводится к одной из распространенных форм *йатая*, когда демонстративное освобождение живого существа должно способствовать про-

¹⁴ <https://www.frontiermyanmar.net/en/his-sins-cant-be-erased-junta-leader-to-consecrate-buddha-image/> (accessed 17.12.2023)

¹⁵ <https://www.irrawaddy.com/news/burma/118818.html> (accessed 18.12.2023)

¹⁶ <https://www.irrawaddy.com/news/burma/rituals-and-yadaya-myanmar-junta-leaders-superstition-knows-no-bounds.html> (accessed 25.12.2023)

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Речь идет о двух визитах генерала в Россию – в 2021 и 2022 гг., во время которых Мин Аун Хлайн принял участие в церемонии открытия копий двух известных бирманских ступ – Шведагона и Швезигона в г. Балашиха, а также в парке-музее «Этномир» Калужской области (прим. авт.).

¹⁹ <https://www.irrawaddy.com/factiva/junta-watch-min-aung-hlaing-resorts-to-magic-again-coup-leader-visits-coco-islands-amid-china-spy-claim-and-more.html> (accessed 16.12.2023)

длению жизни совершателя ритуала. В бирманской культуре черепаха – символ долголетия, что подчеркивает логичность совершенного ритуала.

В отличие от периода 1988–2011 гг., смысл обращения к эзотерическим практикам, равно как и совершения *йатая*, изменился. Так как для генералов Со Мауна и Тан Шве ключевым оппонентом была Аун Сан Су Чжи, совершение *йатая* и выбор подходящего астрономического времени проведения ритуалов были обусловлены минимизацией влияния числа 8, значимого для продемократического движения и партии «Национальная лига за демократию».

В текущей политической ситуации влияние Аун Сан Су Чжи на политические процессы сведено к нулю, что естественным образом изменяет цель охранительных ритуалов, которой становится нейтрализация успеха вооруженных повстанческих группировок, а также укрепление военного могущества, долголетия и благополучия совершателя *йатая* (особого охранительного ритуала) – генерала Мин Аун Хлайна. В таком контексте популярность эзотерических практик гармонично встраивалась в общий контекст политики военных Мьянмы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В некоторых ситуациях гадательные практики были способны оказывать негативное влияние на некоторые аспекты жизни страны, как в случае с денежной реформой Не Вина в 1987 г., после реализации которой в стране вспыхнула волна народных протестов. Тем не менее не стоит всерьез расценивать силу и влияние астрологии и охранительных ритуалов на принятие серьезных внутривнутриполитических или внешнеполитических решений. Такие практики по большей части выполняют вспомогательные функции и позволяют определить наиболее благоприятную дату и время для совершения неких значимых действий или принятия важных решений, что должно усилить ожидаемый положительный эффект, согласно традиционным культурным представлениям.

REFERENCES

1. Tambiah S. 1976. World conqueror and world renouncer. A Study of Buddhism and Polity in Thailand against a Historical Background. Cambridge: University Press.
2. Matthews B. 1998. The Present Fortune of Tradition-Bound Authoritarianism in Myanmar. *Pacific Affairs*. Vol. 71. Pp. 7–23.
3. Mendelson M. 1975. Sangha and State in Burma: a Study of Monastic Sectarianism and Leadership. Ithaca: Cornell University Press.
4. Leehey J. 2010. Open Secrets, Hidden meanings: censorship, esoteric power, and contested authority in Urban Burma in the 1990s. A dissertation submitted in partial fulfillment for the degree of doctor of philosophy. University of Washington.
5. Walton M. 2016. Buddhism, Politics, and Political Thought in Myanmar. New York: Cambridge University Press.
6. Gravers M. 1999. Nationalism as political paranoia in Burma: an essay on the historical practice of power. New York: Curzon University Press.
7. Candier A., Ferguson J. 2008. Astrological and Divinatory Practices in Burma: Mapping the beidin Category. *Journal of Burma Studies*. Vol. 26. Pp. 147–159.
8. Heine-Geldern R. Conceptions of State and kingship in Southeast Asia. *Far Eastern Quarterly*. Vol. 2. Pp. 15–30.
9. Lieberman V. 1987. Reinterpreting Burmese History. *Comparative Studies in Society and History*. Vol. 29. Pp. 162–194.
10. Than Tun. 1960. The Influence of Occultism in Burmese History with Special Reference to Bodawphaya's Reign. *Bulletin of the Burma Historical Commission*. Vol. 1. № 2. Pp. 117–145.
11. Than Tun. 1955. The Buddhist Church in Burma during the Pagan Period (1044–1287). Ph.D. thesis. University of London.
12. Foxeus N. 2023. Buddhist Nationalist Sermons in Myanmar: Anti-Muslim Moral Panic, Conspiracy Theories, and Socio-Cultural Legacies. *Journal of Contemporary Asia*. Vol. 53. Pp. 423–449.
13. Spiro M. 1970. Buddhism and Society. A Great tradition and Its Burmese Vicissitudes. New York: Harper & Row Publishers.

14. Nakanishi Y. 2013. Strong Soldiers, Failed Revolution. The State and Military in Burma, 1962-88. Singapore: NUS Press.
15. Taylor R. 2015. General Ne Win. A Political Biography. Singapore: ISEAS Publishing.
16. Maung Mya. 1992. Totalitarianism in Burma: Prospects for Economic Development. New York: Paragon House.
17. Schober J. 2011. Modern Buddhist Conjunctures in Myanmar: Cultural Narratives, Colonial Legacies, and Civil Society. Honolulu: University of Hawaii Press.
18. Salem-Gervais N., Zar Nie R. 2012. A Textbook Case of Nation-Building: The Evolution of History Curricula in Myanmar. *Journal of Burma Studies*. June, Vol. 16. № 1. Pp. 27–78.
19. Engelkamp S. 2008. Moral Authority in Burmese Politics. *ASIEN. The German Journal of Contemporary Asia*. Vol. 109. Pp. 37–53.
20. Rogers B., Woodrum J. 2010. Than Shwe: Unmasking Burma's Tyrant. Silkworm Books.
21. Min Aung Hlaing uses military version of 'democracy' as tool to maintain power. *Mizzima. News from Myanmar*. 2024. April 14. <https://eng.mizzima.com/2024/02/12/7086> (accessed 14.04.2024)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Зайцев Иван Алексеевич, младший научный сотрудник Центра Индоокеанского региона ИМЭМО, Москва, Россия. Ivan A. Zaitsev, Junior Researcher, Center of Indian Ocean region, IMEMO, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 29.01.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 09.03.2024

Принята к публикации
(Accepted) 15.04.2024

Взгляд зарубежного эксперта

DOI: 10.31857/S032150750030845-1

Evolution of the Saudi-Egyptian Relations

© Khalfa Ahmed^a, 2024

^a Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

ORCID: 0000-0001-5389-23034; Ahmedkhalfa94@gmail.com

Abstract. This article delves into the evolving relationship between Saudi Arabia and Egypt under the leadership of Abdel Fattah El-Sisi, particularly focusing on recent developments since 2022. It argues that a notable systemic shift has occurred, transforming the previously symmetric interdependence between the two states into an asymmetric dependence, which now favors Saudi Arabia. By comparing past instances of Saudi-Egyptian interactions during conflicts such as the Syrian crisis in 2016 with their current disagreements over the Palestinian-Israeli question, the article illuminates the primary catalyst behind Egypt's current posture of appeasement towards Saudi Arabia.

The analysis underscores how this new alignment configuration has markedly restricted the maneuverability of Egyptian elites in their engagements with Saudi Arabia. Furthermore, it highlights Saudi Arabia's proactive efforts to leverage its enhanced bargaining power vis-à-vis Egypt, strategically influencing the latter's foreign policy decisions to better align with Saudi interests.

This shifting dynamic carries significant implications for regional geopolitics, signaling Saudi Arabia's rising dominance and its assertive approach in shaping Egypt's foreign policy trajectory. As such, it signifies a notable alteration in the power dynamics within the Middle East.

Keywords: Saudi Arabia, Egypt, Abdel Fattah El-Sisi, Middle East, asymmetric dependence

Acknowledgment. I express my gratitude and thank my supervisor D.I. Pobedash, PhD (History), Associate Professor, Department of Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages, Ural Federal University, for his invaluable assistance in preparing the article, advice, comments and care.

For citation: Khalfa Ahmed (Tunis). Evolution of the Saudi-Egyptian Relations. *Asia and Africa today*. 2024. № 5. Pp. 32–39. DOI: 10.31857/S032150750030845-1

INTRODUCTION

A comprehensive analysis of Saudi-Egyptian relations necessitates an evaluation that goes beyond their direct interactions. It should encompass how each entity interacts with other players in the system, along with the dynamics among those additional actors [1, p. 17]. Additionally, it is crucial to recognize that the interactions among Middle Eastern states are intertwined with the structure of the international system and the policies of major powers in the region. To fully understand the nature of Saudi-Egyptian interactions during a specific timeframe, one must scrutinize domestic factors, politics within Saudi Arabia and Egypt, regional factors involving the politics among Middle Eastern states, and global factors, including the policies of external powers in the region [2; 3; 4; 5].

In January 2023, interactions between Saudi Arabia and Egypt under Abdel Fattah El-Sisi experienced heightened tensions. The crisis began when the IMF requested Saudi Arabia and other Arab Gulf States to contribute more funds to the Egyptian economy to address a funding gap¹. Notably, Saudi Arabia did not participate in the Abu Dhabi conference on January 18 in the UAE, aimed at raising an emergency fund for Egypt, as organized by Arab Gulf States and Jordan². On the same day, Saudi Finance Minister Mohammed Bin Abdullah Al-Jadaan, at the World Economic Forum (WEF) annual meeting in Davos, announced a shift

¹ Egypt needs 'critical' Gulf deals to cover funding gap, IMF says. <http://bloomberg.com/news/articles/2023-01-10> (accessed 22.01.2024)

² <http://arabic.cnn.com/middle-east/article/2023/01/19/saudi-uae-mbs-not-attending-summit-social-reactions> (accessed 22.01.2024)

in Saudi Arabia's approach to supporting allies, specifically moving away from the previous practice of providing direct grants and unconditional deposits; in a direct, albeit tacit, reference to Egypt³.

Furthermore, Saudi journalists, close to the circle of Saudi decision-making, launched a significant offensive criticism against the Egyptian military's heavy involvement in the Egyptian economy and politics. They maintained that this military involvement was a source of Egypt's current economic crisis⁴. Moreover, Saudi state-owned channels ceased their favorable stance towards the Abdel Fattah El-Sisi regime, especially since 2023, and even opened a space for a limited amount of criticism towards his regime, particularly regarding domestic politics and economic management.

The stance of Saudi elites continued to be critical as Egypt hosted an international conference on 21 October 2023 to address the escalating conflict between Israel and the Palestinian group Hamas in Gaza. Notably, significant regional and global players attended the conference with high-level diplomatic representation, such as the Jordanian King, Qatari Emir, United Arab Emirates President, Kuwaiti Crown Prince, Turkish, French, and German Foreign Ministers⁵. However, Saudi Arabia did not send any Saudi officials to the conference.

The Abdel Fattah El-Sisi regime, on the other hand, was careful not to provoke Saudi Arabia. For instance, when the Egyptian writer Abdul Razzaq Tawfiq, closely associated with Egyptian authorities, launched a vehement and aggressive attack on Saudi Arabia after the Saudi elites refused to unconditionally fund the Egyptian economy, and Saudi writers attacked the Egyptian regime⁶. The article was not only quickly removed, but the Egyptian president, in public, asked the Egyptian media and Egyptian journalists not to insult the Arab brothers; a tacit reference to Saudi Arabia. Furthermore, while Saudi officials were absent from the international conference on October 21 hosted by Egypt (see above), Abdel Fattah El-Sisi himself attended the Arab-Islamic summit held in response to the Israeli onslaught on Palestine, hosted by Saudi Arabia on 11 November 2023.

This study analyzes the current relationship between Saudi Arabia and Egypt under Abdel Fattah El-Sisi. It explains the sudden changes in their interactions that took place since 2023 and the fundamental shift in their alignment management. The author concludes that, despite this radical shift, describing the current Saudi Arabia and Egypt relations as the end of an alliance is inaccurate [6]. Instead, the author shows that Saudi Arabia and Egypt still share complementary, albeit not common interests, to maintain their alignment. Nevertheless, the current shift in the nature of their alignment has altered the symmetric dependence of Saudi Arabia and Egypt which characterized their alignment since its formation in 2013, into an asymmetric dependence in favor of Saudi Arabia. This shift has led the Saudi elites to exploit their newly acquired relative bargaining power in their relations with Egypt, striving to influence the behavior of Egypt under Abdel Fattah El-Sisi to coincide with that of Saudi Arabia.

In this article, the author, first, demonstrates the factors that led to the formation of the alignment of Saudi Arabia and Egypt under Abdel Fattah El-Sisi. The author then shows the changed dynamics that have altered the configuration of their alignment from symmetric dependence to asymmetric dependence in favor of Saudi Arabia since 2022. Last but not least, the author explains the impact of this new alignment configuration on the current interactions between Saudi Arabia and Egypt under Abdel Fattah El-Sisi by comparing the Saudi-Egyptian interactions during their clash of interests over Syria in 2016 and their current clash of interests concerning the Palestinian-Israeli question.

THE INITIAL CONSTRUCTION OF THE ALIGNMENT

Since the 1990s, Sunni political Islam has posed a significant threat to Saudi elites, both domestically, manifested in the indigenous Saudi Sahwa movement, and regionally, such as the Muslim Brotherhood [7].

³ Saudi finance minister says kingdom changing no-strings aid. <https://arab.news/nrare> (accessed 23.01.2024)

⁴ Unprecedented Saudi attack against Sisi and the Army. What's behind it? <http://Arabi21.com/story/1491260> (accessed 23.02.2024)

⁵ Cairo peace summit on Gaza conflict: Who is attending? <http://reuters.com/world/cairo-peace-summit-gaza-conflict-who-will-attend-2023-10-20> (accessed 23.01.2024)

⁶ Sharp criticism by an Egyptian writer following Saudi criticisms of Sisi and the Army. <http://Arabi21.com/story/1491792> (accessed 24.01.2024)

The Arab Spring further increased the influence of Sunni political Islam in the region, mainly the Muslim Brotherhood, and heightened its perceived threat in the eyes of Saudi elites. The Arab Spring provided Sunni political Islamic movements, particularly the Muslim Brotherhood, a golden opportunity to seize political power in many Arab states, some traditionally considered Saudi allies, especially Egypt. The Saudi elites turned furious about the loss of Egypt, reaching a point where they even questioned the utility of their alliance with the United States, which they held responsible for the fall of Mubarak [8, p. 484].

Simultaneously, Saudi Arabia was extremely concerned about a potential rapprochement between Egypt, when the Brotherhood was in power, and its main regional rivals – Iran and the so-called Axis of Resistance⁷. Lastly, the waning of American hegemony, which became a fait accompli since the advent of the Obama administration, left Saudi Arabia in crucial need of a regional ally [9].

Thus, after the fall of the Muslim Brotherhood regime, the survival of the Abdel Fattah Sisi's regime became a crucial element in Saudi national security, as the Saudi elites had strategic interests in keeping the Egyptian state outside the sphere of influence of Sunni political Islam and impeding any rapprochement between Egypt and Iran [10; 11].

Upon Abdel Fattah El-Sisi's assumption of power, Egypt was grappling with an economic crisis characterized by severe fiscal challenges. The situation demanded a substantial 7% economic growth merely to stabilize the persistently high unemployment rate, exacerbated by the consequences of Egypt's baby boom. Nearly half of the Egyptian population was experiencing poverty, and there were issues such as food inflation⁸. The Abdel Fattah El-Sisi's regime in Egypt saw Saudi Arabia as the sole regional entity capable of furnishing the necessary financial resources to stabilize the new government. Recognizing Saudi Arabia's strategic interest in ensuring the survival of the Abdel Fattah El-Sisi's regime, alignment with Saudi Arabia emerged as the regime's only viable option for survival [12].

In summary, the alignment between Saudi Arabia and Egypt under Abdel Fattah El-Sisi did not hinge on shared interests but rather on complementary interests. Saudi Arabia aimed to secure the survival of the Abdel Fattah El-Sisi's regime, ensuring Egypt maintained distance from Iran and the so-called Axis of Resistance. This alignment also sought to counter the influence of Sunni political Islam within Egypt. Meanwhile, Egypt relied on Saudi financial and economic support as a crucial lifeline for its survival. In other words, symmetric dependence characterized the alignment between the Saudi elites and the Abdel Fattah El-Sisi's regime in Egypt.

FROM SYMMETRIC TO ASYMMETRIC DEPENDENCE IN FAVOR OF SAUDI ARABIA

Since 2022, new systemic effects have reduced Saudi Arabia's dependence on its alignment with the Abdel Fattah El-Sisi regime in Egypt. Saudi Arabia's reliance on the survival of his regime has decreased. Conversely, for the Abdel Fattah El-Sisi regime in Egypt, as in the case of Saudi Arabia, new systemic effects that emerged since 2022 could have led to a decrease in Egypt's dependence on its alignment with Saudi Arabia. On the other hand, Egypt's internal characteristics have made the Abdel Fattah El-Sisi regime even more dependent on Saudi Arabia than before.

SAUDI DECREASING DEPENDENCE ON ITS ALIGNMENT WITH EGYPT

First, the political influence of the Sunni political Islam coalition dwindled further in the region. The last remaining Muslim Brotherhood branch, which held political sway in an Arab state and represented the final glimmer of hope for Sunni political Islam's participation in the political landscape of Arab states, was ousted from power. This happened when the Tunisian president dissolved the parliament controlled by the

⁷ The Egypt of the Muslim Brotherhood has made a careful rapprochement with Iran since they took power, and aimed to include Iran in the Syrian peace process along with Saudi Arabia and Turkey and in which the Saudi elites expressed their reservations by not attending the conference. Also, the Muslim Brotherhood of Egypt established contacts with the Iranian revolutionary guards to build a similar revolutionary institution in Egyptian which increased Saudi concerns (*author's notice*).

⁸ <http://theguardian.com/world/2013/may/16/Egypt-worst-economic-crisis-1930s> (accessed 24.01.2024)

Brotherhood in March 2022 and initiated an investigation into the Tunisian branch of the Muslim Brotherhood⁹.

Second, following the Russian Special Military Operation in Ukraine, the structure of the international system has witnessed increased polarization. The United States, Russia, and China have demonstrated heightened eagerness to engage in competition for influence over Middle Eastern states, intensifying their commitments to the region. This dynamic has broadened the maneuvering space for Middle Eastern states, enabling them to enhance their bargaining power in relations with major global powers. This is particularly notable for critical regional players like Saudi Arabia [13, pp. 181–234; 14, pp. 169–216; 15; 16], given its de facto hegemony within the OPEC.

Certainly, in July 2022, President Joe Biden, during his visit to Jeddah, Saudi Arabia, aimed to solidify U.S. influence in the Middle East by engaging with crucial regional figures, including Saudi Crown Prince Mohammed bin Salman. He reassured these leaders that his administration remained committed to active participation and regional security. The primary objective was to prevent China and Russia from swiftly exploiting any potential leadership vacuum, as reported by CNN¹⁰. This marked a noteworthy shift in the Biden Administration's offensive criticism against Saudi Arabia just one year ago¹¹.

Third, the evolving dynamics among the great powers have prompted China to recognize the importance of increasing its engagement in the regional security agenda. This strategic move aims to enhance China's leverage in its dealings with Middle Eastern states, often at the expense of the United States. The objective is to diminish U.S. influence over these states, preventing the United States from shaping policies that could potentially undermine Chinese interests¹². The active involvement of China in the regional security agenda since 2022, and as the sole great power with sufficient leverage to influence Iran, has facilitated a détente between Saudi elites and Iran [17].

Despite the decreasing systemic effects that have reduced Saudi Arabia's strategic dependence on Egypt, resulting in a shift away from unconditional economic assistance – see above, Egypt remains a pivotal factor in Saudi national security considerations. The Saudi elites are deeply influenced by historical memories, particularly recalling the downfall of the First Saudi state (1727–1818) orchestrated by the de facto ruler of Egypt, Mohamed Ali Pacha, with support, assistance, and directives from his patron in Istanbul [18, pp. 140–157].

Saudi Arabia continues to prioritize the maintenance of Egypt as an ally, or at the very least, ensuring its neutrality, recognizing Egypt's significance in its national security strategies. For instance, Saudi Arabia could not allow the UAE to have too much influence on the Egyptian economy entirely, as this control would enable the UAE to influence Egyptian behavior in ways that may be detrimental to Saudi interests [19].

The historical apprehension among Saudi elites about potential threats in the event of Egypt becoming an adversary, coupled with the considerable influence of the Egyptian state in the region, has instilled strategic awareness within Saudi Arabia. This awareness underscores the imperative need to formulate and execute a strategy aimed at preserving the relationship with Egypt. This is particularly crucial, given the possibility that new systemic or internal factors could once again increase the Saudi elites' dependence on Egypt, as exemplified by the problems of the Saudi-Iranian détente.

To sum up, the decreasing influence of Sunni political Islam, Saudi Arabia's increasing bargaining power with its relations with the great powers, and the Saudi-Iranian détente have decreased Saudi strategic interests in its alignment with Egypt. Nevertheless, Saudi still holds strategic interests in its alignment with Egypt. In other words, Saudi Arabia still perceives Egypt as a strategic ally, but its dependence on the Egyptian position in the region has become less crucial than it has been in the past.

⁹ <http://www.theguardian.com/world/2022/mar/31/tunisian-crisis-escalates-as-president-dissolves-parliament#:~:Text=tunisia> (accessed 24.01.2024)

¹⁰ <https://edition.cnn.com/2022/07/16/politics/biden-last-day-middle-east-trip/index.html> (accessed 25.01.2024)

¹¹ http://foreignpolicy.com/2020/11/05/mohammed-bin-salman-should-be-very-worried-about-biden/#cookie_message_anchor (accessed 25.01.2024)

¹² For instance, the Biden administration's request for Saudi elites to boost oil production to harm the Russian economy and its military-industrial complex illustrates this approach. See: Biden will visit Saudi Arabia to ask for an increase in oil production. <http://npr.org/2022/06/25/1107628743/biden-will-visit-saudi-arabia-to-ask-for-an-increase-in-oil-production> (accessed 26.01.2024)

THE EGYPT UNDER ABDEL FATAH EL-SISI'S DEPENDENCE ON SAUDI ARABIA

On one hand, akin to Saudi Arabia, Egypt holds a pivotal role in the Middle East, not only due to its standing as the strongest Arab conventional military power, second in the Middle East subsystem, but also owing to its strategic geopolitical location and substantial economic potential [20]. The polarization within the international system has provided room for maneuver for the Abdel Fattah El-Sisi regime, augmenting its bargaining power in dealings with great powers. This has also led the great powers to seek the support of his regime in their global power struggles¹³.

Additionally, Egypt, under Abdel Fattah El-Sisi, has improved relations with Turkey and particularly with Qatar, leveraging the latter's substantial economic wealth¹⁴. However, despite these developments, neither the great powers nor other regional actors have matched the significant assistance previously provided by Saudi Arabia. The Abdel Fattah El-Sisi regime in Egypt continues to depend on Saudi Arabia, as the increased economic challenges faced by the Abdel Fattah El-Sisi regime could pose a threat to its very survival¹⁵.

THE IMPACT OF THE NEW ALIGNMENT CONFIGURATION

The alignment between Saudi Arabia and Egypt under Abdel Fattah El-Sisi has been built upon complementary interests rather than common interests, making the possibility of a clash of interests not just conceivable but also likely. The alignment's foundation on complementary interests implies that each ally aims to maximize the advantages gained from the alliance while minimizing associated risks. Additionally, as the extent of a state's dependence on its alignment with another state determines the latter's ability to influence the former's behavior, states actively strive to reduce their dependence, the perception of their dependence on the alignment, while increasing their ally's dependence or the perception thereof. This strategic maneuver is undertaken to enhance their bargaining power and exert influence over the actions of the ally [10; 11].

THE CLASH OF INTERESTS OVER SYRIA IN 2016

The clash of interests between Saudi Arabia and Egypt under Abdel Fattah El-Sisi over Syria and the fate of the Bashar regime has led to a struggle for influence within the Saudi Arabia and Egypt under the Abdel Fattah El-Sisi alignment.

In October 2016, Egypt diverged from Saudi Arabia's position by supporting Russia's proposed resolution at the United Nations, advocating for an immediate cessation of hostilities in Syria and emphasizing the separation of moderate Syrian opposition forces from Jabhat Fatah al-Sham¹⁶ (formerly al-Nusra), a designated terrorist group. This move contradicted Saudi Arabia's primary interest on the fall of Bashar Assad as the central objective in addressing the Syrian crisis. Abdullah Al-Muallami, Saudi Arabia's delegate to the United Nations at the time, voiced disappointment with Egypt's stance, noting that the positions of Senegal and Malaysia seemed closer to the Arab consensus than those of an Arab delegate¹⁷.

Tensions escalated further as each ally sought to increase the perceived dependence of the other within the alignment, aiming to gain more bargaining power and influence their behavior, as discussed earlier. Less than a month after Egypt's vote, Saudi Arabia sent a clear signal to the Egyptian elites about their dependence on Saudi financial support by indefinitely suspending anticipated shipments of oil products, part of a \$23 bln aid agreement¹⁸.

¹³ US allows much of Egypt military aid despite human rights concerns. <http://reuters.com/world/US-allows-much-Egypt-military-aid-despite-human-rights-concerns-2023-09-14/> (accessed 27.01.2024)

¹⁴ <https://aawsat.com> (accessed 27.01.2024)

¹⁵ Explainer: How deep are Egypt's economic troubles? <http://reuters.com/world/middle-east/how-deep-are-egypts-economic-troubles-2023-03-03/> (accessed 28.01.2024)

¹⁶ An organization prohibited in Russia.

¹⁷ Saudi Arabia's delegate to the UN. <https://arabic.cnn.com/amhtml/middleeast/2016/10/09/saudi-ambassador-un-egypt-supporting-russia-resolution-syria> (accessed 29.01.2024)

¹⁸ Saudi oil shipments to Egypt halted indefinitely, Egyptian officials say. <https://reuters.com/article/us-egypt-saudi-oil-iduskb1320rq> (accessed 29.01.2024)

Meanwhile, Egypt under Abdel Fattah El-Sisi cautiously approached Iraq, an Iranian ally in the region. This strategic maneuver served a dual purpose: first, it aimed to decrease Egypt's dependence or the perception thereof on Saudi Arabia's financial resources by seeking alternative sources like cheap oil from Iraq. Second, by aligning with Iraq, part of the so-called Axis of Resistance, Egypt could potentially increase the dependence or the perception of it of Saudi Arabia's strategic interests in preventing any Egyptian-Iranian rapprochement¹⁹.

In other words, in the previous symmetric dependence's configuration of the Saudi Arabia and Egypt under the Abdel Fattah El-Sisi alignment, the two states pushed to increase the perception of dependence of their ally on the alignment to influence its behaviors. Nevertheless, due to their symmetric dependence on the alignment (see above) the Saudi threat of abandoning Egypt by withholding assistance and the Abdel Fattah El-Sisi regime's maneuvering turned to be quiescent.

THE STRUGGLE FOR ARAB LEADERSHIP AND THE CLASH OVER ISRAELI-PALESTINIAN CONFLICT RESOLUTION

With the decreasing dependence on its alignment with the Abdel Fattah El-Sisi regime in Egypt, Saudi Arabia is striving to grab the Arab leadership role from Egypt to advance its interests. Saudi Arabia has already demonstrated its de facto hegemony in the Arab League and its ability to exploit the Arab League to push its regional agenda and state's interests. Just two months after Saudi-Iranian normalization, Syria was readmitted to the Arab League²⁰; a move that, although not against the Abdel Fattah El-Sisi regime's interests, demonstrated that Saudi Arabia, not Egypt, could now boost or threaten the legitimacy of Arab regimes.

Furthermore, Saudi Arabia imposed the presence of V. Zelenskyy at the Arab League summit on May 19, 2023, albeit against the desires of some Arab states²¹; a clear sign to the great powers that Saudi Arabia, not Egypt, may now hold the key to the Arab world. As the threats of the Iranian and the so-called Axis of Resistance have decreased through the détente, and with the waning influence of the Sunni political Islam in the region, Saudi Arabia can focus on other threats that still destabilize its internal and external security; the Palestinian-Israeli conflict.

Saudi Arabia has long relied first on the United States and then on the Arab concert, through the Arab League, to push for a just diplomatic solution to the Palestine question. However, Saudi Arabia, for the first time, practiced a unilateral foreign policy through its partial normalization of relations with Israel in hope for establishing the two-state solution²².

Egypt has long strived to monopolize the Israeli-Palestinian conflict resolution for its interests and has consistently thwarted any initiative coming from another Arab state²³.

The Israeli-Palestinian conflict is only a part of a larger Israeli-Arab conflict [21]. Saudi Arabia, by pushing for the resolution of the conflict through linking its normalization with Israel to forming an independent state with the Palestinians, would not only downplay any Egyptian role in future Israeli-Palestinian peace resolutions but also, if successful in forcing a settlement of the Palestinian-Israeli conflict that opens the door for an Arab-Israeli peace process, it hopes that Saudi Arabia's prestige and influence in the region would become indisputable. Furthermore, when a war broke out in Gaza between the Palestinians and Israelis on October 7, 2023, not only did Saudi Arabia not attend the Cairo summit (see above) but it also hosted an Arab-Islamic summit attended by the highest diplomatic representation of the majority of countries, including the Presi-

¹⁹ Iraq is courting Egypt into joining the axis of resistance. <http://Enterprise Press/stories/2017/01/22/iraq-is-courting-egypt-into-joining-the-axis-of-resistance> (accessed 29.01.2024)

²⁰ Arab league readmits Syria as relations with Assad normalize. <http://reuters.com/world/middle-east/arab-league-set-readmit-syria-relations-with-assad-normalise-2023-05-07> (accessed 01.02.2024)

²¹ https://www.lemonde.fr/en/international/article/2023/05/20/arab-league-summit-bashar-al-assad-overshadowed-by-volodymyr-zelensky_6027345_4 (accessed 02.02.2024)

²² The author demonstrated this point in RIAC (Moscow). <https://russiancouncil.ru/en/blogs/a-khalifa/evolution-of-saudiisrael-relations-unveiling-the-shift-from-quiet-dipl/>

²³ Episode 21 of His Excellency Sheikh Hamad Bin Jassem in 'the black box' series. <https://alqabas.com/watch/5839001> (accessed 03.02.2024)

dents of Iran and Turkey, Emir of Qatar, and the President of Egypt himself as a clear show of force by the Saudi elites of their privileged role as the new Arab leader.

However, the Egypt of Abdel Fattah El-Sisi has nonetheless resisted, albeit tacitly, the Saudi initiative. Firstly, Egypt has delayed the transfer of Tiran and Sanafir islands from Egyptian sovereignty to Saudi sovereignty, just after the Biden administration had completed an agreement, which reportedly involved Riyadh granting access to its airspace for Israeli airliners²⁴, aiming to inhibit Saudi's new approach in the region, given the islands' importance to Israel's national security [22], and any future Saudi-Israel normalization²⁵. Furthermore, Egypt held a summit in August 2023 with Jordan and the Palestine Liberation Authority in response to the ongoing Saudi-Israel normalization. It stressed that the Arab Peace Initiative in 2002 is the only process that could end the Israeli-Palestinian/Arab conflict²⁶.

CONCLUSION

Since 2022, the waning influence of the Muslim Brotherhood in the region, the increasing bargaining power of Saudi Arabia vis-à-vis the great powers, and the Saudi-Iranian détente have decreased Saudi Arabia's dependence, albeit not eliminating it entirely, on its alignment with Egypt. On the other hand, the deepening Egyptian economic crisis has further entrenched Egypt and the Abdel Fattah El-Sisi regime's dependence on Saudi Arabia. Saudi Arabia's diminishing reliance on this alignment and its growing bargaining power in its relations with Egypt have partly affected the interactions between the two states under the Abdel Fattah El-Sisi regime.

From 2013, since the formation of the alignment between Saudi Arabia and Egypt under Abdel Fattah El-Sisi until 2022, Saudi Arabia's crucial need to preserve the Egyptian state from falling back under the influence of Sunni political Islam and to hinder any Egyptian-Iranian rapprochement made the Saudi threat of abandoning Egypt by withholding assistance short-lived when their interests clashed in Syria. However, since 2022, Saudi Arabia, cognizant of its newly acquired influence, has altered its previously unconditional financial assistance to Egypt to increase its bargaining power in its relations with Egypt, thereby influencing the latter's behavior to align more closely with Saudi interests. Saudi Arabia has pursued a strategy to wrest the Arab leadership role from Egypt and to decrease Egypt's monopoly over the resolution of the Palestinian-Israeli conflict. Conversely, Egypt, aware of its extreme dependence on Saudi Arabia and unable to leverage the Iranian card for political maneuvering as it did in 2016, has diplomatically appeased the latter while tacitly resisting Saudi Arabia's approach to increase its role in the resolution of the Palestinian-Israeli conflict.

REFERENCES

1. Jervis Robert. 1998. *System Effects*. Princeton University Press.
2. Brecher M. 1963. International Relations and Asian Studies: The Subordinate State System of Southern Asia. *World Politics*. Iss. 2. Pp. 213–235.
3. Binder L. 1958. The Middle East as a subordinate International System. *World Politics*. Iss. 3. Pp. 408–429.
4. Cantori L.J. & Spiegel S.L. 1970. The International Relations of Regions. *Polity*. Iss. 4. Pp. 397–425.
5. Thompson W.R. 1973. The Regional Subsystem: A conceptual explication and a propositional inventory. *International Studies Quarterly*. Iss. 1. Pp. 89–117.
6. Roll S. 2023. Egypt, Saudi Arabia and the UAE: The End of an Alliance. German Institute for International and Security Affairs. https://www.swp-berlin.org/publications/products/comments/2023C47_Egypt_SaudiArabia.pdf (accessed 01.02.2024)
7. Lacroix Stéphane. 2011. *Awakening Islam the Politics of Religious Dissent in Contemporary Saudi Arabia*. Harvard University Press.
8. Gates Robert Michael. 2015. *Duty: Memoirs of a Secretary at War*. New York, Vintage Books.

²⁴ Egypt said stalling implementation of the Red Sea island transfer to Saudi Arabia. <https://www.timesofisrael.com/Egypt-said-stalling-implementation-of-red-sea-island-transfer-to-saudi-arabia/> (accessed 03.02.2024)

²⁵ <https://france24.com/en/live-news/20220715-the-red-sea-islands-caught-between-egypt-saudi-and-israel> (accessed 03.02.2024)

²⁶ Egypt, Jordan voice “full support” for Palestinians, *Slam Israel*. <https://jpost.com/middle-east/article-754727> (accessed 03.02.2024)

9. Brzezinski Zbigniew. 1993. Out of Control. NY, Charles Scribner's Sons.
10. Snyder Glenn H. 1997. Alliance Politics. Ithaca, NY, Cornell University Press.
11. Snyder Glenn H. 1984. The Security Dilemma in Alliance Politics. *World Politics*. Iss. 4. Pp. 461–495.
12. Barnett Michael N. & Jack S.L. 1991. Domestic Sources of Alliances and Alignments: The Case of Egypt, 1962–73. *International Organization*. Iss. 3. Pp. 369–395.
13. Rothstein Robert L. 1968. Alliances and Small Powers. Columbia University Press.
14. Handel Michael I. 1990. Weak States in the International System. London, Routledge.
15. Shoemaker Christopher C. and Spanier John W.. 1984. Patron-Client State Relationships. Greenwood.
16. Miller Benjamin; Kagan Korina. 1997. The Great Powers and Regional Conflicts: Eastern Europe and the Balkans from the Post-Napoleonic Era to the Post-Cold War Era. *International Studies Quarterly*. Iss. 1. Pp. 51–86.
17. Farouk Yasmine. 2023. Riyadh's Motivations behind the Saudi-Iran Deal. <https://carnegieendowment.org/2023/03/30/riyadh-s-motivations-behind-saudi-iran-deal-pub-89421> (accessed 04.02.2024)
18. Alexei Vassiliev. 2000. The History of Saudi Arabia. London, Saqi.
19. Dunne C.W. 2023. The UAE-Saudi Arabia Rivalry Becomes a Rift. Arab Center Washington DC. <https://arab-centerdc.org/resource/the-uae-saudi-arabia-rivalry-becomes-a-rift/> (accessed 06.02.2024)
20. Swanston James. 2023. How Can Egypt Unlock Its Economic Potential? *Capital Economics*. www.capitaleconomics.com/publications/middle-east-economics-focus/how-can-egypt-unlock-its-economic-potential (accessed 06.02.2024)
21. Beinlin Joel and Hajjar, Lisa. 2014. Palestine, Israel and the Arab-Israeli Conflict: A Primer. *Middle East Research and Information Project*. https://merip.org/wp-content/uploads/2017/02/Primer_on_Palestine_IsraelMERIP_February2014final.pdf (accessed 06.02.2024)
22. Lerman E. & Teitelbaum J. 2016. Sailing through the Straits: The Meaning for Israel of Restored Saudi Sovereignty over Tiran and Sanafir Islands. <https://besacenter.org/meaning-israel-restored-saudi-sovereignty-tiran-sanafir-islands/> (accessed 08.02.2024)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khalfa Ahmed, Post-graduate student, Ural Federal University (UrFU), Yekaterinburg, Russia.

Халфа Ахмед, аспирант, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия.

Поступила в редакцию
Received 02.02.2024

Доработана после рецензирования
Revised 29.03.2024

Принята к публикации
Accepted 17.04.2024

25 мая – День Африки

DOI: 10.31857/S032150750030839-4

Союзу Танганьики и Занзибара – 60 лет

© Турьинская Х.М.^{a,b}, 2024

^a Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия

^b Институт Африки РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-5536-6278; krikri75@yandex.ru

Резюме. Статья посвящена союзным отношениям между Танганьикой и Занзибаром и созданию союзного государства – Танзании.

2024 год – 60-летний юбилей союза между двумя прежде суверенными государствами. Автор останавливается на ключевых событиях истории Танганьики, Занзибара, Танзании в середине XX в.: Занзибарская революция 1964 г. – антиимпериалистическое, антифеодальное, антисултанское, антиарабское вооруженное восстание; падение занзибарского султаната, которым управляла Британия; выборы на Занзибаре, в которых состязались партия Афро-Ширази и Националистическая партия Занзибара; получение Танганьикой и Занзибаром независимости.

Африканский национальный союз Танганьики (ТАНУ), образованный в 1954 г., стал ведущей и единственной партией в Танганьике, на Занзибаре – партия Афро-Щирази. В 1977 г. обе партии объединятся в Революционную партию, или ЧЧМ (Чама ча Мпиндузи), которая доминирует на политической арене Танзании даже после введения многопартийности в 1990-е гг.

Автор рассматривает модель африканского социализма – танзанийского *уджамаа* – и его судьбу в последующие годы в уже либеральной, многопартийной, капиталистической Танзании при всех президентах – Ньерере (1922–1999), Мвиньи (1925–2024), Мкапа (1938–2020), Киквете (р. 1950), Магуфули (1959–2021), Сулуху (р. 1960). Напоминания о танзанийском социализме и *уджамаа* в тексте союзной конституции пока остаются неизменными.

Ключевые слова: Танганьика, Занзибар, Танзания, Союз, партии, федерализм

Для цитирования: Турьинская Х.М. Союзу Танганьики и Занзибара – 60 лет. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 5. С. 40–45. DOI: 10.31857/S032150750030839-4

60 Years of Union of Tanganyika and Zanzibar

© Khristina M. Turinskaya^{a,b}, 2024

^a Institute of Ethnology and Anthropology,

Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-5536-6278; krikri75@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the allied relations between Tanganyika and Zanzibar and the creation of a union state – Tanzania. 2024 is the 60th anniversary of the union between the two formerly sovereign states. The author dwells on the key events in the history of Tanganyika, Zanzibar, and Tanzania in the 60s of the 20th century: the Zanzibar Revolution of January 1964 – an anti-imperialist, anti-feudal, anti-Sultan, anti-Arab armed uprising; the fall of the Zanzibar Sultanate, ruled by Britain; elections in Zanzibar, in which the Afro-Shirazi Party and the Nationalist Zanzibar Party competed; independence of Tanganyika and Zanzibar.

The TANU (Tanganyika African National Union) became the leading and only party in Tanganyika; the ASP (Afro-Shirazi Party) became the leading and only party in Zanzibar. In 1977, the parties united into the Revolutionary Party, or CCM (Chama Cha Mwinduzi), which has dominated the political arena in Tanzania even after the introduction of multi-party system in the 1990s.

The article examines the model of African socialism – the Tanzanian ujamaa and its fate in subsequent years in already liberal, multiparty, capitalist Tanzania, under all presidents: Nyerere, Mwinyi, Mkapa, Kikwete, Magufuli, Suluhu. Reminders of Tanzanian socialism and ujamaa in the text of the Union Constitution remain unchanged for the time being.

Keywords: Tanganyika, Zanzibar, Tanzania, Union, Parties, Federalism

For citation: Turinskaya Kh.M. 60 Years of Union of Tanganyika and Zanzibar. *Asia and Africa today*. 2024. № 5. Pp. 40–45. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750030839-4

ВВЕДЕНИЕ

В 2024 г. отмечается 60-летний юбилей образования Объединенной Республики Танзания (ОРТ). ОРТ – самый успешный до сих пор и продолжительный союз двух прежде суверенных государств в Африке.

Объединение Танганьики и Занзибара состоялось 26 апреля 1964 г. Обе территории – Танганьика и Занзибар находились в зависимости от Британии. Танганьика получила суверенитет 9 декабря 1961 г., признание независимости Занзибара произошло 10 декабря 1963 г. (при условии, чтобы у власти оставался султан, а также выборное правительство). Затем в январе 1964 г. произошла занзибарская революция – антиимпериалистическое, антифеодальное, антисултанское, антиарабское вооруженное восстание.

Фото. Президент Танганьики Джулиус Ньерере (слева) и президент Занзибара Абейд Каруме на торжественной церемонии провозглашения союзного государства – Объединенной Республики Танзания в Дар-эс-Саламе 26 апреля 1964 г.

Источник: [10].

Революция 12 января была подготовлена партией Афро-Ширази (*Afro-Shirazi Party / ASP* – АШП) при поддержке Танганьики и ТАНУ (Африканский национальный союз Танганьики). 12 января 1964 г. была провозглашена Народная Республика Занзибара и Пембы (два самых больших острова

Занзибарского архипелага). 26 апреля 1964 г. президент Танганьики и глава ТАНУ Джулиус Камбараре Ньерере и Абейд Аmani Каруме, глава АШП и председатель Революционного совета, высшего органа власти на Занзибаре, подписали соглашение о Союзе, ратифицированное Национальным собранием Танганьики и Революционным советом Занзибара (см. *фото*). Было провозглашено новое государство – Объединенная Республика Танганьики и Занзибара. 30 октября страна стала называться Объединенная Республика Танзания [1, pp. 55, 56].

АРАБЫ И АФРИКАНЦЫ НА ЗАНЗИБАРЕ

Контакты Занзибара и арабского мира продолжались несколько сотен лет. Один из результатов постоянных взаимоотношений – развитие торговли и смешанные браки. Арабская и суахилийская культуры перемешаны, ислам подкреплял их взаимные связи. Арабские султаны управляли не только Занзибаром, но и прибрежными районами Восточной Африки. Занзибар стал центром региональной торговли – рабами, слоновой костью, специями. Арабская династия Бусаиди перенесла столицу на Занзибар в 1840 г. Рабский труд на архипелаге использовался на плантациях. Занзибар как космополитичный город привлекал африканских рабочих-мейнлендеров – выходцев из материковой Танганьики. Они, например, были работниками на плантациях гвоздики.

Британия поощряла деление занзибарского общества по разграничительным расовым линиям; метрополия разработала принципы социальной дистанции и административной иерархии на Занзибаре. На верхней ступени – англичане, на средней – «арабы», индийцы. На нижней ступени – африканцы – коренные жители Занзибара (вахадиму, вапемба, ватумбату, ширази). Население султаната стало этнически смешанным, как и большинство т.н. занзибарских арабов. Идентичность «арабов», «суахили» и «африканцев» казалась размытой. Националистическая партия Занзибара (НПЗ) представлялась «арабской» партией, а АШП – «африканской». Политическая обстановка на архипелаге еще более усложнилась с образованием новых партий: Народной партии Занзибара и Пембы (НПЗП), имевшей поддержку на о. Пемба, и «Умма», которой приписывали ориентацию на «лефтизм», «коммунизм» [2, pp. 1716, 1717].

С 1957 по 1963 г. межобщинная вражда усилилась. АШП показала положительные результаты в электоральной кампании 1957 г. и на выборах в Законодательный совет (ЗС) в январе 1961 г.: АШП получила 10 мест, НПЗ – 9. Затем НПЗП – третья партия – выступила на стороне НПЗ. В итоге в 1961 г. НПЗ и НПЗП объединили свои силы, получив 13 мест, а АШП – 10.

На выборах 1963 г. партия Афро-Ширази собрала больше голосов (54%), чем НПЗ и НПЗП вместе взятые, получив 13 мест в ЗС. Тем не менее НПЗ (12 мест) и НПЗП (6) создали коалиционное правительство накануне признания 9 декабря 1963 г. независимости Занзибара (подробнее см. [6]).

Через месяц – в ночь с 12 на 13 января 1964 г. – в Занзибаре произошло восстание, руководимое партией АШП. Султан и его семья покинули Занзибар. Социальная структура в стране претерпела кардинальные изменения. Большинство британцев, индийцев и арабов эмигрировали. После образования Союза на Занзибаре продолжало работать Революционное правительство, а занзибарцы вошли в состав союзного (центрального) правительства.

«СОЮЗ, А НЕ ФЕДЕРАЦИЯ»

На «материке» («мейнленде») – в Танганьике – в 1954 г. появилась партия ТАНУ, а в декабре 1961 г. Танганьика обрела независимость – первой из восточноафриканских стран. Сила ТАНУ выразилась в расширении социальной базы. ТАНУ стала самой мощной и многочисленной партией в Танганьике, единственной партией в континентальной части Танзании, Афро-Ширази – единственной партией на архипелаге. В 1974 г. обе партии объединились в Революционную партию (суах. *Chama cha Mapinduzi* – *ССМ*). Танзания стала однопартийной республикой.

Объединенная Республика Танзания – союз Танганьики и Занзибара, территорий, политически разностатусных, неравновесных в социальном и экономическом плане (см. [7]). В течение всего периода своего существования эта страна и запутанные союзные отношения остаются объектом внимания со-

циальных ученых. Среди дискуссионных тем – не только выбор некапиталистического курса и судьба *уджамаа* (танзанийский социализм) в современной истории Танзании – в условиях либерализма, но и фигура Джулиуса Ньерере, «отца нации» и инициатора союза.

Исследователи и публицисты (в т.ч. автор публикуемой статьи) обсуждают специфику партийной системы и национальной политики в ОРТ, особенности процессов государственного строительства, а также идеологические концепты вроде «танзанийскости», «занзибарскости», «афрабии». Идут споры и по союзному вопросу, о национализме и сепаратизме (в первую очередь занзибарском), о единстве, о природе танзанийского федерализма, об отношениях между Танганьикой и Занзибаром – материковой и островной частями Объединенной Республики (см. например: [8]). Пытаются осмыслить проблему суверенитета и страновых, национальных интересов Танзании в контексте региональной интеграции и проектов создания Восточноафриканской федерации [9]. Не прекращается и полемика по проблеме постколониальной государственности, определения векторов политического, экономического, национального развития стран континента в целом и по поводу интерпретаций *уджамаа* и динамики становления танзанийской нации в частности.

В условиях многопартийности, но де-факто системы с доминирующей партией, идеи независимости и антиколониализма, лозунг «Революция навсегда!» из эпохи африканского социализма по-прежнему используются правящей ЧЧМ, однако в них вкладывается альтернативный смысл. Вырисовываются перспективы построения прагматичного «государства развития» (девелопментализм) вместо модернизирующего социального государства, государства всеобщего благосостояния (*welfare state*), которое было изначально задумано авторами концепции *уджамаа*, лидерами танзанийской революции и, прежде всего, Джулиусом Ньерере [3].

По плану Ньерере, объединение мейнленда и архипелага подразумевало следующую конструкцию: на территории Танзании формировались два правительства, а именно – Союза и Занзибара; таким образом бывшая Танганьика лишилась собственного правительства и оказалась в юрисдикции союзного, в то время как Занзибар наделялся значительной автономией.

Дж.Ньерере считал необходимым сохранять статус-кво, т.е. структуру государственного устройства с двумя правительствами, однако «оно вызывало много вопросов и споров...» [4, с. 133]. Оппозиционеры на архипелаге и на мейнленде требовали введения трехправительственной системы. Однако Ньерере настаивал: Танзания – это союз, а не федерация. Попытки же уравнивать статус Занзибара со статусом остальных регионов страны могли спровоцировать ответную реакцию с архипелага...

ПРЕЗИДЕНТЫ ТАНЗАНИИ И СОЮЗНЫЙ ВОПРОС

В связи с вопросом, насколько Танзания перестала быть социалистической и насколько ослабли или, наоборот, укрепились союзные отношения, отметим принципиально важные тенденции последних лет.

По итогам президентства Бенджамина Мкапы (1995–2005, умер в 2020 г.) – твердого «юниониста», противника принципиальных изменений в параметрах союза, на выборах 1995 г. получившего наибольшую поддержку Ньерере [1, с. 60], – социалистическая Танзания стала «более либеральной» страной. В годы правления «менее жесткого» президента Джакайя Киквете (2005–2015), официально поддержанного Б.Мкапой, были анонсированы реформы, предполагавшие реструктуризацию Союза, пересмотр статусов Занзибара и «материка», закрепление принципов федерализма в конституции, проведение мер по децентрализации в качестве закономерного – как могло казаться в соответствии с логикой либерализма – итога политики *good governance* (хорошее управление) и оформления *developmental state*.

Запланированные меры позиционировались как ответ исполнительной власти на требования оппозиции. Конституционная реформа была заявлена в качестве лейтмотива второго президентского срока Киквете. Но к моменту окончания срока процесс подготовки реформ застопорился и был остановлен. Подтверждая курс на преемственность в танзанийской политике, Дж.Киквете в числе главных своих достижений на посту президента считал сохранение Союза и привычной конфигурации государственного устройства ОРТ. За полтора года до окончания срока своих президентских полномочий, в юби-

лейном для ОРТ 2014-м, Киквете отмечал: «Важно, что Союз выжил». Президент заявил, что считает двухуровневое правительство наилучшим для Танзании [5], сохранялся и традиционный формат межнациональных отношений в рамках «асимметричной федерации» в Танзании.

Курс на стабильность получил продолжение в деятельности следующего за Киквете президента Джона Магуфули (2015–2021, переизбран в 2020 г., но в марте 2021 г. умер «при исполнении»), заслужившего репутацию консерватора и авторитарного государственника.

Для правительства Магуфули вопрос об изменении конституции и о федерализме вообще утратил статус приоритетного, он говорил: «*New Katiba not priority*» (Новая конституция не приоритет). Процесс внесения изменений в Основной закон ОРТ был окончательно заморожен; намеченный конституционный референдум не состоялся.

В соответствии с Конституцией, после смерти действующего президента ОРТ на этот пост заступает вице-президент, и 19 марта 2021 г. занзибарка Самия Сулуху Хасан приняла присягу в качестве главы государства на остаток президентского срока скончавшегося Джона Магуфули, т.е. до ноября 2025 г. «Мама Самия» заверила, что на новом посту она не изменит курсу, по которому вели страну президент Магуфули и Революционная партия.

А это, возможно, означает, что в ближайшее время не следует ожидать резких поворотов в конституционном процессе, союзных и национальных отношениях в Танзании. Руководство ОРТ дистанцируется от использования федеративных механизмов внутри страны, поддерживая наследие *уджамаа* и замыслы Ньерере, по крайней мере, в сфере административно-политического устройства государства, в сохранении его территориальной целостности, в идеологии единства танзанийской нации.

В то же время Танзания формально соглашалась на углубление интеграции в Восточной Африке, на конфедеративные и, при определенных условиях, федеративные отношения в рамках Восточноафриканского сообщества (ВАС). В то же время за ОРТ закрепилась репутация антигероя внутрирегиональных объединительных процессов – политических и экономических. Уже в 1960-х гг. ньереревскую Танзанию обвиняли в непреднамеренном федеративном саботаже, в оказании сопротивления межгосударственной интеграции в Восточной Африке.

Не случайно именно в период председательства в ВАС танганьикца Магуфули на саммите Сообщества в 2017 г. был одобрен документ, согласно которому изначально заявленная цель объединения – федерация – оказалась отсрочена на перспективу, а промежуточной, переходной целью было провозглашено создание политической конфедерации.

Очевидно, эпоха Джулиуса Ньерере символически продолжается, пока существуют союзные отношения между мейнлендом и Занзибаром, пока существует объединенная Танзания, пока существует идеология восточноафриканского единства и panaфриканизма. Однако на уровне практической политики с течением времени наследие Ньерере подвергается все большей трансформации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разворот Революционной партии к либерализму, к капитализму – в поисках выхода из экономических проблем – происходил под знакомыми лозунгами демократии, *уджамаа*, единства нации, верности авторитетам, «революции навсегда». Танзанийский социализм, в рамках которого разрабатывались подобные способы мобилизации граждан, в некоторых своих проявлениях существует и по сей день. Риторика верности курсу Ньерере помогает правящему классу сохранять власть, поддерживать территориальную целостность страны и удерживать общество от открытых и массовых конфликтов на национальной и религиозной почве даже спустя годы после ухода Мвалиму, смены экономической модели и введения многопартийности.

Однако знамя национального танзанийского социализма / *уджамаа*, падающее из рук функционеров ЧЧМ, стремятся подхватить (или, по крайней мере, декларируют подобные намерения) оппозиционные силы. Что пока удастся удерживать правящей партии – это союзные отношения, обходясь без кардинальных изменений основных параметров политического устройства и административно-территориального деления ОРТ.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Шлэнская С.М. 2014. Объединённая Республика Танзания. М., Институт Африки РАН.
Shlenskaya S.M. 2014. United Republic of Tanzania. Moscow. (In Russ).
2. Encyclopedia of African history. Kevin Shillington (ed.). N.Y.: Fitzroy Dearborn Taylor & Francis Group, 2005.
3. Bissell W.C., Fouéré M.-A. 2018. Memory, Media, and Mapinduzi: Alternative Voices and Visions of Revolution, Fifty Years Later. In: Social Memory, Silenced Voices, and Political Struggle: Remembering the Revolution in Zanzibar. Dar es Salaam.
4. Шлэнская С.М. 2021. Сепаратизм на Занзибаре. Сепаратизм в Африке южнее Сахары. Отв. ред. Т.С.Денисова. М., Институт Африки РАН.
Shlenskaya, S.M. 2021. Separatism in Zanzibar. In: Separatism in Sub-Saharan Africa. Ed. T.S.Denisova. Moscow. Pp. 124–135. (In Russ)
5. Kikwete speaks out on Union, stability and economic pace. 19.04.2014. <https://www.thecitizen.co.tz/tanzania/news/kikwete-speaks-out-on-union-stability-and-economic-pace-2508148> (accessed 20.02.2024)
6. Тетерин О.И. Из истории национально-освободительного движения на Занзибаре. История Африки в XIX и XX столетиях. М.: Ин-т Африки АН СССР, Наука, 1972; *его же* – Социально-политическое развитие Занзибара. Дисс... к.и.н. М., Институт Африки АН СССР. 401 с.
Teterin O.I. 1972. Zanzibar: From the history of the national liberation movement. History of Africa in 19–20 centuries. Moscow; Idem – 1972. Zanzibar: Socio-political development. PhD thesis. Moscow. (In Russ.)
7. Тетерин О.И. Занзибар: первый год после объединения. *Азия и Африка сегодня*. 2014. № 7.
Teterin O.I. 2014. Zanzibar: The first year after merger. *Asia and Africa today*. № 14. (In Russ.)
8. Турьинская Х.М. 2023. «Проконсул африканского национализма»: Ньерере и Танзания. *Этнографическое обозрение*. № 6. С. 178–191. DOI: 10.31857/S0869541523060118
Turinskaya Kh.M. 2023. The “Proconsul of African Nationalism”: Nyerere and Tanzania. *Etnograficheskoe obozrenie*. № 6. Pp. 178–191. (In Russ.)
9. Турьинская Х.М. 2019. «Согласны не соглашаться»: федерализм vs конфедерализм в Восточной Африке. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 11. С. 22–28. DOI: 10.31857/S032150750007018-1
Turinskaya Kh.M. 2019. “Agree to Disagree”: Federalism vs Confederalism in East Africa. *Asia and Africa today*. № 11. Pp. 22–28. (In Russ.)
10. Тетерин О.И. Вспоминая Африку (важное... и не очень). М., 2019, с. 140.
Teterin O.I. 2019. Remembering Africa (important issues... and not very important). Moscow. P. 140. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Турьинская Христина Михайловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН; Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Khristina M. Turinskaya, PhD (History), Senior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences; Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 12.02.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 17.03.2024

Принята к публикации
(Accepted) 21.04.2024

DOI: 10.31857/S032150750030834-9

Мозамбик: радикализация ислама как фактор политической нестабильности

© Денисова Т.С.^{a,b}, Костелянец С.В.^{a,c}, 2024

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b ORCID: 0000-0001-6321-3503; tsden@hotmail.com

^c ORCID: 0000-0002-9983-9994; sergey.kostelyanyets@gmail.com

Резюме. Радикализация ислама в Мозамбике быстро меняет религиозный ландшафт страны и способствует распространению религиозной нетерпимости. Если до 2000-х гг. Республика Мозамбик редко сталкивалась с серьезными проявлениями межконфессиональной напряженности, то с середины прошлого десятилетия традиционный суфийский ислам начал вытесняться идеологией ваххабизма на фоне общей дестабилизации социально-политической обстановки на севере страны, прежде всего в провинции Кабу-Дельгаду. В конце 2010-х гг. на территории Мозамбика начали действовать вооруженные исламистские группировки, объединившиеся в зонтичную организацию «Ансар аль-Сунна», в 2019 г. ставшую частью «Центральноафриканской провинцией “Исламского государства”», а в 2020 г. – автономным вилайетом ИГ. Подъем экстремизма/терроризма в Мозамбике активно поддерживается исламистами Танзании, Сомали, Кении, а также государств Северной Африки и Персидского залива, т.е. деятельность «Ансар аль-Сунны» уже обрела региональный характер.

Одной из причин активизации повстанческой деятельности в 2010-е гг. стало обнаружение на территории мятежной провинции крупных месторождений газа и рубинов.

Ключевые слова: Мозамбик, ислам, «Ансар аль-Сунна», вооруженные конфликты, ФРЕЛИМО, природные ресурсы, экономика войны

Для цитирования: Денисова Т.С., Костелянец С.В. Мозамбик: радикализация ислама как фактор политической нестабильности. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 5. С. 46–55. DOI: 10.31857/S032150750030834-9

Mozambique: Islamic Radicalization as a Factor of Political Instability

© Tatyana S. Denisova^{a,b}, Sergey V. Kostelyanets^{a,c}, 2024

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

^b ORCID: 0000-0001-6321-3503; tsden@hotmail.com

^c ORCID: 0000-0002-9983-9994; sergey.kostelyanyets@gmail.com

Abstract. The radicalization of Islam in Mozambique is rapidly changing the country's religious landscape and contributing to the spread of religious intolerance. Before the 2000s, Mozambique had rarely encountered serious manifestations of interfaith tension, but since the mid-2000s, traditional Sufi Islam began to be supplanted by the ideology of Wahhabism amid a general destabilization of the socio-political situation in the north of the country, primarily in the province of Cabo Delgado. At the end of the 2010s, armed Islamist groups began to operate in Mozambique, coordinated by the umbrella organization Ansar al-Sunna, which in 2019 became part of the Central African province of the Islamic State, and in 2020 – an autonomous province of the Islamic State. The rise of extremism and terrorism in Mozambique is actively supported by Islamists in Tanzania, Somalia, Kenya, as well as in the states of North Africa and the Persian Gulf, i.e. the activities of Ansar al-Sunna have already acquired a regional character.

One of the triggers of the intensification of rebel activity in the 2010s was the discovery in Cabo Delgado of the large gas and ruby deposits.

Keywords: Mozambique, Islam, Ansar al-Sunna, armed conflicts, FRELIMO, natural resources, economy of war

For citation: Denisova T.S., Kostelyanets S.V. Mozambique: Islamic Radicalization as a Factor of Political Instability. *Asia and Africa today*. 2024. № 5. Pp. 46–55. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750030834-9

ВВЕДЕНИЕ

В 2010-е гг. несколько африканских повстанческих группировок («Провинция Исламского государства в Большой Сахаре», «Западноафриканская провинция “Исламского государства”¹», «Исламское государство в Сомали, Кении, Танзании и Уганде» и др.) присягнули на верность тогдашнему (2014–2019) халифу «Исламского государства» Абу Бакру аль-Багдади; их значение как организаций, представляющих угрозу безопасности стран континента, росло по мере ослабления основной фракции ИГ на Ближнем Востоке.

В 2019 г. на верность аль-Багдади присягнул и лидер созданного в середине 1990-х гг. в восточных районах ДРК бежавшими из Уганды мусульманами – противниками режима Й.Мусевени движения «Альянс демократических сил», который в 2020 г. трансформировался в «Центральноафриканскую провинцию “Исламского государства”» (ЦАПИГ), распространившую свое влияние на ЦАР, Республику Конго, Уганду, Танзанию и Мозамбик и сделавшую своей «штаб-квартирой» мозамбикский г. Мосимбоа-да-Прая, расположенный неподалеку от границы с Танзанией в провинции Кабу-Дельгаду, которая и стала эпицентром мозамбикского исламизма/джихадизма.

Мозамбик – христианское государство, лишь примерно 20% населения исповедуют ислам. Большинство мусульман проживает на севере страны – в Кабу-Дельгаду, которая остается самой бедной провинцией, с самыми слабыми системами образования и здравоохранения и с самым высоким уровнем безработицы среди молодежи, но самой богатой полезными ископаемыми. Именно сочетание этих факторов и послужило катализатором насилия и распространения радикальных исламистских идей.

ЭВОЛЮЦИЯ ИСЛАМИЗМА В МОЗАМБИКЕ

В конце XV в. португальцы, формально колонизировавшие Мозамбик в 1891 г., прибыли на восточноафриканское побережье, где в течение уже нескольких столетий процветали города, основанные народом суахили, и откуда торговцы-мусульмане распространяли свою веру на внутренние районы Африки. Португальцы-католики, считавшие мусульман своими врагами еще до прибытия на континент, постарались разрушить исламскую гегемонию в прибрежных районах, в т.ч. путем насильственной христианизации местных правителей, однако эти усилия не увенчались успехом: несмотря на то, что Лиссабон «в первый раз» управлял рядом территорий на восточноафриканском побережье более 200 лет, культура мусульман-суахили продолжала процветать и оманские арабы смогли объединиться с местными жителями, чтобы прогнать португальцев в 1720-е гг. [1].

Когда в конце XIX в., после раздела Африки между европейскими державами, Лиссабону досталась часть побережья, где сейчас находится Мозамбик, португальцам вновь пришлось устанавливать свой контроль над районами, населенными в т.ч. и мусульманами, против которых был осуществлен «крестовый поход». Последователей ислама оттеснили на север – преимущественно на территорию нынешней провинции Кабу-Дельгаду. В конце XIX – начале XX в. в регионе обосновались последователи суфийских орденов Шахдилиия (с Коморских островов) и Кадирия (с Занзибара). К 1930-м гг. им удалось исламизировать значительную часть еще остававшихся на севере Мозамбика католиков и сделать так, чтобы каждая община имела свою мечеть, обычно возглавлявшуюся занзибарцем. В 1950-е гг. португальцы жестоко подавили созданные здесь мусульманские ячейки, распространявшие антиколониальные настроения. Интересно, что португальцы уже тогда опасались создания в Восточной Африке транснационального халифата.

Однако в годы подъема национально-освободительной борьбы (1960-е – 1970-е) колонизаторы по-старались, и довольно успешно, использовать мусульман в борьбе с повстанцами-христианами, считая ислам меньшим злом, нежели Фронт освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО), созданный в 1962 г. в Дар-эс-Саламе. Справедливости ради следует отметить, что не все имамы поддерживали колонизаторов и португальцам приходилось опасаться их влияния, пока Революция 1964 г. на Занзибаре и свер-

¹ Организация запрещена в РФ.

жение последнего занзибарского султана не привели к заметному ослаблению мусульман в Кабу-Дельгаду [2, р. 176].

Между тем уже в 1960-е гг. традиционный суфийский ислам на севере Мозамбика подвергся нападкам со стороны салафитского движения, в котором преобладали южане, во главе с получившим саудовское образование имамом индийско-африканского происхождения (на севере Мозамбика их называли маврами) Абубакаром Исмаэлем по прозвищу «Мангира», бросившим вызов местной исламской власти. В конце 1960-х – начале 1970-х гг. суфийско-салафитское соперничество коснулось и колониальной администрации: португальцы искали союзников среди различных социальных групп и в конечном итоге решили поддержать суфийское духовенство в его борьбе с реформистскими критиками, таким образом столкнув их лбами [2, pp. 181–183], и это соперничество между двумя направлениями в исламе в полную силу проявило себя в исламистском восстании конца 2010-х гг.

В противовес суфиям салафиты открыто поддерживали ФРЕЛИМО. После обретения Мозамбиком в 1975 г. независимости и прихода Фронта к власти в качестве правящей партии Мангира открыто сотрудничал с новым правительством, представляя себя и своих последователей убежденными националистами и обвиняя традиционный суфийский ислам в «мракобесии». Однако ФРЕЛИМО начал проводить радикальную секуляристскую политику, запретив деятельность религиозных организаций. Эта жесткая позиция уступила место прагматизму лишь в 1980-е гг., когда в условиях начавшейся в 1977 и продолжавшейся до 1992 г. гражданской войны лидеры ФРЕЛИМО осознали, что их религиозная нетерпимость может оттолкнуть значительную часть населения.

Чтобы контролировать религиозную жизнь и межконфессиональные отношения, правительство инициировало создание христианских и мусульманских ассоциаций. В 1983 г. тогдашний президент (1975–1986) Самора Машел заявил, что государство будет поддерживать молодых мусульман, желающих отправиться на учебу в арабские страны. В январе 1981 г. был создан Исламский совет Мозамбика (ИСМ), который возглавил салафит Мангира и в котором северяне-суфии представлены не были. В 1983 г. в Кабу-Дельгаду они основали свою организацию Исламский конгресс (ИК).

ИСМ стремился распространять свое влияние в мусульманских районах севера через местные мечети и путем предоставления молодежи стипендий для учебы в арабских странах; возвращаясь, выпускники-северяне чаще присоединялись к ИСМ, нежели к ИК [3, р. 146]. Соперничество между двумя организациями стало одним из факторов конфликта, вспыхнувшего в Кабу-Дельгаду в конце 2010-х гг.

Внедрение джихадистской идеологии в провинции началось в 1980-е гг., а в 1990-е исламская молодежь основала на севере Мозамбика религиозную секту, получившую известность как «Аш-Шабаб» (араб. «Молодежь»), хотя к одноименной сомалийской группировке она имела лишь косвенное – благодаря контактам между лидерами – отношение. Мозамбикская «Аш-Шабаб» примерно с 2007 г., после присоединения к ней других исламистских группировок, стала называться «Ахль аль-Сунна ва аль-Джаммаа» («Последователи пророческой традиции»), но, смешавшись с боевиками организации «Ансар аль-Сунна» («Защитники традиций»), действовавшей на территории Танзании, а также в других частях побережья, мозамбикские исламисты стали обозначать себя этим же именем.

Сначала движение имело мирный характер: секта возводила мечети и проповедовала пуританскую, т.е. осуждавшую богатство, версию ислама; её члены отказывались посещать другие мечети, не пускали детей в государственные школы, избегали контактов с местными властями и «не своими» религиозными лидерами, призывали к «очищению» ислама от мистических практик суфиев, которых называли «отступниками» [16]. Впрочем, основы милитаризации движения были заложены с самого начала: «Ансар аль-Сунна» контролировала несколько медресе в округе Мосимбоа-да-Прая, ученики которых позже стали боевиками вооруженного крыла группировки.

Очернение суфиев сектантами, не являвшимися и правоверными салафитами (каковыми они себя позиционировали) хотя бы потому, что не снимали обувь перед входом в мечеть, привело к обострению отношений между ними. Ситуация стала еще более напряженной, когда к «Ансар аль-Сунне» примкнули последователи Абуда Рого Мохаммеда – лидера кенийской «Аль-Хиджры», тесно связан-

ной с сомалийской «Аш-Шабааб». После беспорядков в Момбасе, связанных с убийством Рого в 2012 г. кенийскими спецслужбами, одни его сподвижники отправились в Сомали, другие – в Танзанию, откуда перебрались в Кабу-Дельгаду². Этот контакт с последователями Рого оказался определяющим для мозамбикских исламистов, которые начали призывать к введению в провинции законов шариата. Постепенно «мирная» организация стала превращаться в экстремистскую группировку.

В середине 2010-х гг. «Ансар аль-Сунна» приступила к созданию вооруженных групп, пополнявшихся не только мозамбикцами, но и сомалийцами, кенийцами и – больше всего – танзанийцами: ведь и штаб-квартира движения до 2017 г. (когда она переместилась в Мосимбоа-да-Прая) находилась в танзанийском районе Кибити, поэтому «Ансар аль-Сунну» часто называли «Суахили-Сунной», а суахили стал языком общения боевиков-«интернационалистов» даже на португальскоязычной территории [4].

Следует отметить, что престиж танзанийских медресе и высокая репутация танзанийских мусульманских священнослужителей среди мозамбикцев зачастую побуждали последних отправлять своих сыновей изучать Коран именно в Танзанию. Местные суфийские практики в северном Мозамбике сформировались под влиянием мусульман-суахили – прежде всего с Занзибара, как, впрочем, и салафитские идеи джихада, проникшие в Кабу-Дельгаду из или через Танзанию. Существует и связь между «Ансар аль-Сунной» и танзанийской исламистской сетью *Walokole wa Kiislamu* (суах. – «Возродившиеся мусульмане») [5, p. 141].

Хотя изначально движение не было направлено против христиан, после 2019 г. они все чаще начали становиться объектами нападения – целенаправленных убийств, разрушений домов и церквей.

После возникновения в 2019–2020 гг. ЦАПИГ «Ансар аль-Сунна» получила еще одно название, нередко используемое в западных СМИ, – «Исламское государство – Мозамбик» («ИГ–Мозамбик»). Надо сказать, что такое множество обозначений не вносит путаницу в признание за кем-либо ответственности за совершаемые в Кабу-Дельгаду теракты: бойцы группировки, обученные в разных странах и сами себя по-разному называющие, выступают слаженно и открыто.

Первое крупное нападение «Ансар аль-Сунна» совершила в Мосимбоа-да-Прая в октябре 2017 г. Примерно 30–40 боевиков захватили тюрьму, 3 полицейских участка, оружейный арсенал и оборонялись двое суток, пока не началась полицейская операция, закончившаяся масштабными репрессиями в отношении мирных жителей. Были убиты десятки и арестованы сотни людей, включая женщин и детей, которых силовики посчитали «сочувствующими исламистам», разрушены или закрыты мечети [6, p. 3]. Ответом повстанцев на полицейские репрессии стали эскалация насилия, перемещения гражданского населения и убийства суфийских шейхов.

ПРИЧИНЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ

Появление исламистского движения в Мозамбике в значительной степени было обусловлено секулярной политикой правительства, идеологическими и межпоколенческими разногласиями в среде мусульманских лидеров и ростом влияния глобальных джихадистских сетей. Одним из конфликтогенных факторов стало также ваххабитское религиозное образование, введенное на севере страны в начале 1990-х гг., в т.ч. реализация местных программ, финансируемых неправительственными организациями, и подготовка мозамбикских имамов на Ближнем Востоке, откуда они возвращались убежденными борцами «за чистоту ислама» [7, p. 8].

Между тем, хотя радикализация ислама может быть одной из причин осуществления терактов в Кабу-Дельгаду, она не была непосредственной причиной подъема насилия. Представляется, что главным поводом к возникновению конфликта стало обнаружение в 2010–2011 гг. на территории провинции огромных запасов природного газа, приведшее к тяжелым последствиям для местных жителей. Без консультаций с населением и без выплаты компенсаций правительство конфисковало в районе открытых шельфовых месторождений в округе Пальма тысячи га земель для передачи их транснациональным

² <https://www.bbc.co.uk/news/world-africa-44320531> (accessed 10.02.2024)

корпорациям для разведки и добычи газа, а элите ФРЕЛИМО предоставило право инвестировать в строительство соответствующих инфраструктурных объектов. Кроме изъятия земли власти закрыли рыбацким общинам доступ к морю, чтобы ТНК могли производить геологоразведку в наиболее комфортных условиях. Между тем сельхозугодья и море являются основными источниками средств к существованию для местного населения, которое в одночасье лишилось доступа как к традиционным, так и к новым (газ) природным ресурсам, что не могло не породить недовольство действиями правительства, практически обрекшего своих граждан на голод и нищету. Исламисты не преминули воспользоваться массовым недовольством, чтобы привлечь молодежь в свои ряды и начать боевые действия под антиправительственными лозунгами.

Ситуация, сходная с той, которая сформировалась в районе Пальмы, возникла и в округе Монтепуэш, где в 2009 г. были обнаружены крупные месторождения рубинов. В 2011 г. примерно 36 тыс. га земли были переданы ТНК *Montepuez Ruby Mining (MRM)*, 75% акций которой принадлежат британскому концерну *Gemfields Group Limited*, а 25% – мозамбикской компании *Mviriti Limitada*, фактически находящейся в собственности функционеров ФРЕЛИМО. На долю *MRM* приходится более трети мирового объема добычи рубинов³, которая в Мозамбике привела к захвату земли, использовавшейся для земледелия, и изгнанию самостоятельных старателей, становившихся к тому же жертвами насилия. Многие из них присоединились к исламистам.

То есть бедность, безработица и изъятие земли стали главными причинами обострения военно-политической ситуации в Кабу-Дельгаду. Если ислам и ранее использовался для мобилизации молодежи в организованное религиозное движение, то действия правительства, наложившиеся на исламистскую мотивацию, стали непосредственной причиной конфликта: межрелигиозные, межэтнические и социально-политические разногласия в провинции существовали всегда, но в 2010-е гг. появилась благодатная почва для их экстремального проявления.

В свою очередь, правительство уже и в ходе конфликта было озабочено не тем, что делать с многочисленными переселенцами и беженцами, а вопросом, насколько большую угрозу повстанцы представляли для газодобычи, в которую иностранные компании (*Total*, *Eni SpA*, *Anadarko Petroleum Corporation* и др.) собирались в общей сложности инвестировать более \$100 млрд: предполагалось, что к 2045 г. доходы Мапуту от добычи газа достигнут \$500 млрд [8, р. 4]. Интересно, что с началом исламистского восстания число заявок на получение горных концессий не снизилось, более того, с 2017 по 2021 г. было выдано 46 лицензий – на 68% больше, чем за предшествовавшие 14 лет [9, р. 2]. Не желая отказываться от доходов, ТНК и ФРЕЛИМО для охраны месторождений нанимали частные военные компании (ЧВК), в т.ч. *Constellis* (ранее *Academi Blackwater*), получившую известность из-за осуществлявшегося ею насилия над гражданским населением Ирака [6, р. 4]. Однако, несмотря на присутствие наемников, исламисты несколько раз нападали на Пальму и по несколько дней держали в страхе иностранных работников ТНК⁴.

ЭВОЛЮЦИЯ ВООРУЖЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «АНСАР АЛЬ-СУННЫ»

Во время октябрьских событий 2017 г. повстанческое движение было еще немногочисленным, хотя первое нападение оказалось впечатляющим. В последовавшие месяцы, возможно, из-за масштабных полицейских репрессий, группировка вела себя довольно сдержанно и совершила всего несколько атак на гражданские объекты. Однако с 2018 г., когда она впервые выступила с призывом к свержению центрального правительства, «Ансар аль-Сунна» стала совершать по 6–7 нападений в месяц, а с 2019 г. – в среднем по 16, причем география атак заметно расширилась [10, р. 8].

Бойцы – в основном в возрасте 20–35 лет – набирались в Кабу-Дельгаду и соседних провинциях [10, р. 8]. Исламисты использовали недовольство местного населения для продвижения идеологии

³ <https://ibiworld.eu/en/the-dirty-and-italian-rubies-of-mozambique> (accessed 11.02.2024)

⁴ <https://www.cddmoz.org/wp-content/uploads/2020/07/Evolution-of-Violent-Extremism-in-Northern-Mozambique.pdf> (accessed 10.02.2024)

джихада, ислам – для вербовки, а региональные и глобальные связи – для обучения и вооружения бойцов. Проповедуемые группой идеи пуританства нашли отклик в сердцах местной бедноты, как и идеи создания исламского государства как панацеи от политической и экономической маргинализации, безработицы и бедности. Привлекательной оказалась и антисуфийская риторика «Ансар аль-Сунны»: жители провинции осуждали суфийских лидеров за пассивность в отношении внутренней политики ФРЕЛИМО.

В течение почти двух лет после нападения 2017 г. правительство рассматривало события в Кабу-Дельгаду как «преступные действия, совершаемые безликими злодеями»⁵, и поручало полиции развертывать свои подразделения в деревнях, подвергавшихся нападениям, – якобы для защиты населения. Позже к полицейским присоединились и армейские контингенты. То есть власти не сделали никаких попыток понять причины конфликта, напротив, создавались препятствия для журналистских и независимых правозащитных расследований, что лишь подталкивало население к поддержке повстанцев [4].

Уровень насилия заметно вырос с 2018 г., когда исламисты начали уже не добровольно, а принудительно привлекать мужчин в свои ряды. Отказывавшихся жестоко убивали. Эпицентрами насилия стали Мосимбоа-да-Прая и несколько других районов Кабу-Дельгаду, т.е. одновременно действовало несколько ячеек. Боевики также начали разрушать дома христиан и церкви⁶. К 2021 г. число жертв исламистов превысило 3 тыс.⁷

С 2019 г., когда «Ансар аль-Сунна» превратилась в вилайат «ИГ–Мозамбик» и стала использовать черно-белый флаг ИГ⁸, СМИ «Исламского государства» начали объяснять теракты на территории Кабу-Дельгаду действиями именно сформированной в ДРК «Центральноафриканской провинции ИГ» [11]. Можно предположить, однако, учитывая отсутствие границы между ДРК и Мозамбиком, что влияние ЦАПИГ на «Ансар аль-Сунну» имеет лишь опосредованный характер – через конголезских и танзанийских боевиков, и действия мозамбикцев в значительной степени автономны [12, р. 16]. Более того, прослеживаются более тесные связи с исламистами Сомали, так как вилайат ИГ в этой стране считается «командным узлом» для филиалов «Исламского государства» в Восточной Африке⁹. Сами же мозамбикские исламисты взяли на вооружение многие «приемы» ИГ, в т.ч. обезглавливания, которые начали показывать в Интернете. Так, в апреле 2020 г. за отказ присоединиться к группировке было обезглавлено более 50 молодых мозамбикцев¹⁰.

В начале 2020-х гг. «Ансар аль-Сунна» заметно усилилась, что позволило ей атаковать крупные стратегические объекты. В марте 2020 г. группировка совершила нападение на порт Мосимбоа-да-Прая, заблокировав дороги к нему и ударив также с катеров. Прежде чем покинуть город, боевики разрушили часть инфраструктуры, административных зданий, банков, заправочных станций и т.д.; закрылось более 1000 предприятий и мастерских. То есть после присоединения к ИГ возможности группы заметно возросли. Затем были захвачены округа Кисанга и Мвидумбе, причем во время этих атак нападавшие впервые показали свои лица на видео, распространенном через социальные сети, на котором полевой командир появился с черно-белым флагом с надписью на нем на арабском языке, свидетельствовавшей об аффилиации с ИГ. Исламисты объявили, что намерены этим «штандартом» заменить знамя ФРЕЛИМО¹¹.

⁵ <https://www.voaportugues.com/a/pol%C3%ADcia-mo%C3%A7ambicana-diz-que-atacantes-de-cabo-delgado-n%C3%A3o-t%C3%A3o-rostos/4982070.html> (accessed 10.02.2024)

⁶ <https://reuters.com/article/mozambique-violence/insight-beheadings-in-mozambique-mark-islamist-threat-in-new-gas-frontier-idUSL8N1UF5EY> (accessed 12.02.2024)

⁷ <https://www.crisisgroup.org/africa/southern-africa/mozambique/303-stemming-insurrection-mozambiques-cabo-delgado> (accessed 14.02.2024)

⁸ <https://www.cddmoz.org/wp-content/uploads/2020/07/Evolution-of-Violent-Extremism-in-Northern-Mozambique.pdf> (accessed 14.02.2024)

⁹ https://ecoi.net/en/file/local/2024821/S_2020_95_E.pdf (accessed 10.02.2024)

¹⁰ <https://reuters.com/article/us-mozambique-insurgency/islamist-insurgents-kill-52-villagers-in-mozambique-police-say-idUSKCN2233AV> (accessed 13.02.2024)

¹¹ <https://sabado.pt/mundo/detalhe/jihadistas-ocupam-vila-mocambicana-e-divulgam-video-em-portugues> (accessed 12.02.2024)

В октябре 2020 г. группировка вторглась в Танзанию, где совершила ряд нападений на промышленные объекты, не скрывая, что главной целью был газопровод, идущий с газового месторождения в регионе Мтвара к Дар-эс-Саламу¹².

Деятельность «Ансар аль-Сунна» сочетает атаки на военные объекты и государственные учреждения, добровольную и принудительную вербовку, массовое насильственное перемещение мирного населения (только в 2020 г. более 400 тыс.¹³) и развитие т.н. экономики войны. Вербовка ведется в медресе и мечетях, молодежных ассоциациях. Чтобы избежать обнаружения, исламисты проводят свои разведывательные и боевые операции группами от 3 до 20 человек. С 2020 г. расширилась практика похищений женщин и детей с целью их принудительной вербовки¹⁴. Некоторые девушки добровольно вступают в брак с исламистами и играют вспомогательные роли, выполняя сельскохозяйственные и домашние обязанности. Участие женщин способствует упрочению связей между исламистами и местным населением [13].

Благодаря тесным контактам с жителями провинции исламисты не только обеспечивают себя продовольствием, но и участвуют в местной законной и незаконной экономической деятельности, причем уровень последней заметно возрос в связи с ухудшением – в частности, из-за пандемии *COVID-19* и стихийных бедствий (циклонов «Идай» и «Кеннет», обрушившихся на Мозамбик в 2019 г.), – экономической ситуации в стране в целом. Одной из самых прибыльных сфер деятельности боевиков стала торговля героином, который стал вторым по объему «экспортным» товаром Мозамбика: через его территорию, прежде всего через Кабу-Дельгаду, имеющую выход к морю, ежегодно перемещается от 10 до 40 т этого наркотика¹⁵.

Кроме того, «Ансар аль-Сунна» занимается контрабандой диких животных, древесного угля, слоновой кости, древесины, драгоценных камней и торговлей людьми. По оценкам, группировка получает до \$3 млн в год от торговли древесиной и до \$30 млн от торговли рубинами [7, р. 56]. Мосимбоа-да-Прайя с численностью населения примерно 30 тыс., в последние годы стал «хабом» криминальной деятельности, к которой присоединяются и иностранные работники ТНК, способствующие незаконному вывозу за пределы страны рубинов и других драгоценных камней из районов их добычи – Монтепуэша и Мведы [6, р. 2]. То есть экономика войны в регионе развивается быстрыми темпами, чему способствует наличие в нем богатых природных ресурсов.

Справедливости ради следует отметить, что в Кабу-Дельгаду, располагающей огромным заповедником, полным ценных пород деревьев, животных и мест добычи драгоценных камней, а также удобными бухтами вдоль плохо контролируемого побережья, организованные преступные группировки, занимающиеся контрабандой, существуют уже много десятилетий, но особую динамику криминальная экономика обрела в 2000-е – 2010-е гг., когда с началом «расчистки» земель под добычу газа и рубинов появилась огромная армия переселенцев, двинувшаяся в районы, наиболее «благоприятные» для незаконной деятельности [6, р. 8].

Исламисты легко адаптируются к криминальной среде, в которой находят свою нишу, начиная соперничать с контрабандистами за контроль над торговыми маршрутами, за доходы от охраны старателей и т.д. Наиболее «прибыльные» маршруты ведут из Мозамбика в Танзанию. Прозрачность границы между двумя государствами кроме торговых возможностей обеспечивает легкость переброски боевиков и оружия с одной территории на другую, пути отхода и использование соседней территории в качестве убежища. Приграничная, в т.ч. контрабандная – сухопутная и морская – торговля с Танзанией стала для «Ансар аль-Сунны» основным источником дохода и инструментом для вербовки местных жителей в её ряды.

¹² <https://www.criticalthreats.org/wp-content/uploads/2021/02/Combating-the-Islamic-State%E2%80%99s-Spread-in-Africa.pdf> (accessed 12.02.2024)

¹³ <https://www.iom.int/news/displacement-continues-due-insecurity-cabo-delgado-northern-mozambique> (accessed 10.02.2024)

¹⁴ <https://reliefweb.int/report/mozambique/it-was-end-world-during-attack-northern-mozambique> (accessed 11.02.2024)

¹⁵ <https://pulitzercenter.org/stories/fight-cabo-delgado-hidden-war-over-mozambiques-natural-resources> (accessed 10.02.2024)

РЕАКЦИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

В апреле 2020 г. правительство публично квалифицировало деятельность «Ансар аль-Сунны» как «террористическую». В результате изменился подход властей к подавлению повстанчества. Еще в 2019 г. оно стало привлекать для этого иностранные ЧВК, в т.ч. российскую «Группу Вагнера», которая прибыла в Мозамбик в сентябре 2019 г., но через два месяца покинула страну из-за разногласий с командованием ВС Мозамбика и больших потерь [14].

В сентябре 2020 г. правительство обратилось к другой ЧВК – южноафриканской *Dyck Advisory Group (DAG)*, прибывшей в столицу Кабу-Дельгаду г. Пембу с 4 гражданскими вертолетами, укомплектованными несколькими десятками человек. *DAG* участвовала в воздушных боях, обеспечивая прикрытие армии Мозамбика, начавшей наступление на исламистов в октябре 2020 г., но не добившейся больших успехов¹⁶.

В феврале 2021 г. ФРЕЛИМО заключил контракт с третьей ЧВК – консорциумом, образованным *Paramount Group*, базирующейся в ЮАР, и *Burnham Global* со штаб-квартирой в Дубаи. Но, как и действий полиции и армии, присутствия ЧВК в Кабу-Дельгаду оказалось недостаточно, чтобы остановить или сдержать нападения исламистов. Напротив, конфликт обострялся; 11 августа 2021 г. «Ансар аль-Сунна» оккупировала Мосимбоа-да-Прая и удерживала город целый год, и лишь переброска в него рундских войск привела к вытеснению боевиков из этого населенного пункта¹⁷.

Между тем с апреля 2021 г. по призыву ФРЕЛИМО в Кабу-Дельгаду в составе миссии САДК начали прибывать военнослужащие и полицейские из 5 африканских стран (Руанда, ЮАР, Ботсвана, Танзания и Лесото). Они были развернуты в 5 округах провинции (Пальма, Мосимбоа-да-Прая, Нангаде, Мведа и Макомиа). Вместе с правительственными силами и вспомогательными подразделениями контрповстанческая коалиция численностью примерно 5 тыс. офицеров и солдат выступила против «Ансар аль-Сунны», насчитывавшей менее тысячи бойцов¹⁸.

Иностранное военное вмешательство ослабило исламистов – были уничтожены их главные базы, но не положило конец конфликту. С апреля 2021 по апрель 2022 г. «Ансар аль-Сунна» осуществила более 300 актов насилия, что свидетельствовало о её устойчивости и перегруппировке в мелкие, автономные и рассредоточенные по территории подразделения. Изменилась и тактика исламистов: спланированные операции уступили место засадам и атакам на военные конвои; они перестали захватывать территории, но сохранили способность совершать нападения на отдельные объекты, что в сочетании с географической разбросанностью делает скорое подавление повстанчества маловероятным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возникновение и экспансия джихадистских группировок в Мозамбике связаны, прежде всего, с перманентным игнорированием соответствующими структурами ФРЕЛИМО социально-экономических нужд населения периферийной провинции Кабу-Дельгаду с преимущественным проживанием мусульман. Ситуация, в которой оказалось правительство, осложняется тем, что, как и в других районах Африки, переживающих радикализацию местного ислама, например в бассейне озера Чад [15], в Мозамбике исламисты позиционируют себя как защитники мусульманской бедноты – без этнических и региональных ограничений. Они осуждают коррупцию и отрицают стремление к обогащению, критикуют правительство за неспособность или нежелание улучшить условия жизни населения и предлагают в качестве решения всех проблем «справедливое исламское управление», что находит отклик в умах и сердцах местных жителей.

¹⁶ <https://www.voportugues.com/a/governo-mo%C3%A7ambique-assegura-ter-recuperado-aldeia-de-quissanga-que-estava-em-poder-dos-insurgentes/5691960.html> (accessed 11.02.2024)

¹⁷ <https://www.cddmoz.org/wp-content/uploads/2020/07/Evolution-of-Violent-Extremism-in-Northern-Mozambique.pdf> (accessed 11.02.2024)

¹⁸ Ibidem.

«Ансар аль-Сунна» довольно прочно закрепились в Кабу-Дельгаду. Хотя уровень насилия к 2024 г. снизился и группировка временно покинула – в результате операций армий Мозамбика и других африканских стран – ряд населенных пунктов, это объясняется не столько ослаблением исламистов, сколько их стремлением сохранить свои силы и пополнить ряды. Репрессивная тактика правительства подталкивает местное население к поддержке исламистов, и провинция становится ничейной территорией с несколькими очагами наибольшей напряженности.

Будущее группировки в значительной степени будет зависеть от эффективности действий национальных и международных воинских подразделений. Предстоящий в июле 2024 г. ограниченный вывод контингентов САДК может предоставить «Ансар аль-Сунне» возможность воспользоваться вакуумом безопасности и расширить свою деятельность.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Garba M. A Brief History of Islam in East Africa. TMV, 2021. <https://themuslimvibe.com/western-muslim-culture/a-brief-history-of-islam-in-east-africa> (accessed 26.01.2024)
2. Alpers E.A. 1999. Islam in the Service of Colonialism? Portuguese Strategy During the Armed Liberation Struggle in Mozambique. *Lusotopie*. № 6(1). Pp. 165–184.
3. Bonate L.J.K. 2007. Roots of Diversity in Mozambican Islam. *Lusotopie. Recherches politiques internationales sur les espaces issus de l'histoire et de la colonisation portugaises*. № XIV(1). Pp. 129–149. DOI:10.1163/17683084-01401007
4. Pirio G., Pittelli R., Adam Y. The Emergence of Violent Extremism in Northern Mozambique. Africa Center for Strategic Studies, March 25, 2018. <https://africacenter.org/spotlight/the-emergence-of-violent-extremism-in-northern-mozambique> (accessed 10.02.2024)
5. Forquilha S., Pereira J. 2022. Migration Dynamics and the Making of the Jihadi Insurgency in Northern Mozambique. *e-Journal of Portuguese History*. № 20(2). Pp. 132–154.
6. Haysom S. Where Crime Compounds Conflict. Understanding northern Mozambique's vulnerabilities. The Global Initiative Against Transnational Organized Crime, October 2018. <https://globalinitiative.net/wp-content/uploads/2018/10/TGIATOC-North-Mozambique-Report-WEB.pdf> (accessed 11.02.2024)
7. Dembele Y. Africa: Mapping Islamic Militancy – Past, Present and Future. Open Doors International, July 2019. <https://opendoorsanalytical.org/wp-content/uploads/2019/07/Africa-Mapping-Islamic-militancy-July-2019-FINAL.pdf> (accessed 11.02.2024)
8. Roe A. 2018. Extractive Industries and Development: Lessons from International Experience for Mozambique. *WIDER Working Paper*. № 2018/56. <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/190105/1/wp2018-056.pdf> (accessed 13.02.2024)
9. Mate R. Mining Concession Requests Increase as Armed Conflict in Cabo Delgado Intensifies – Who Are the Lords of the Mining Licenses in Cabo Delgado? Centro de Integridade Pública, 2021. <https://www.cipmoz.org/wp-content/uploads/2021/07/Mining-Concession.pdf> (accessed 12.02.2024)
10. Estelle E., Darden J.T. Combating the Islamic State's spread in Africa. American Enterprise Institute, 2021. <https://www.criticalthreats.org/wp-content/uploads/2021/02/Combating-the-Islamic-State%E2%80%99s-Spread-in-Africa.pdf> (accessed 12.02.2024)
11. Weiss C. 2019. Islamic State claims first attack in Mozambique. *Long War Journal*. № 3. <https://www.longwarjournal.org/archives/2019/06/islamic-state-claims-first-attack-in-mozambique.php> (accessed 13.02.2024)
12. Doctor A. After Palma: Assessing the Islamic State's Position in Northern Mozambique. The George Washington University Program on Extremism, August 2022. https://extremism.gwu.edu/sites/g/files/zaxdzs5746/files/Islamic-State-in-Northern-Mozambique_Doctor_August-2022.pdf (accessed 14.02.2024)
13. Денисова Т.С., Костелянец С.В. Женщины-комбатанты в африканских войнах и конфликтах. *Ученые записки Института Африки РАН*, 2021. № 2(55). С. 5–18. DOI:10.31132/2412-5717-2021-55-2-5-18
Denisova T.S., Kostelyanets S.V. Female Combatants in African Wars and Conflicts. *Journal of the Institute for African Studies*. 2021. № 2(55). Pp. 5–18. Moscow. (In Russ.). DOI:10.31132/2412-5717-2021-55-2-5-18
14. Moss K. Crippled capacity: How Weak Maritime Enforcement Emboldened Ansar Al-Sunna. Center for International Maritime Security, October 2020. <https://cimsec.org/crippled-capacity-how-weak-maritime-enforcement-emboldened-ansar-al-sunna> (accessed 12.02.2024)
15. Денисова Т.С., Костелянец С.В. Бассейн озера Чад: территория нестабильности. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 1. С. 33–41. DOI:10.31857/S032150750029645-1
Denisova T.S., Kostelyanets S.V. The Lake Chad Basin: a Territory of Instability. *Asia and Africa today*. 2024. № 1. Pp. 33–41. (In Russ.). DOI:10.31857/S032150750029645-1

16. Карамаев С.Г. Кризис в Мозамбике и угрозы регионального и глобального характера. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 6. Рр. 35–41. DOI: 10.31857/S032150750015263-1
Karamaev S.G. Crisis in Mozambique and Regional and Global Threats. *Asia and Africa today*. 2024. № 1. Рр. 33–41. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750015263-1

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Денисова Татьяна Сергеевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Центром изучения стран Тропической Африки, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Tatyana S. Denisova, PhD (History), Leading Researcher, Head, Centre for Tropical Africa Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Костелянец Сергей Валерьянович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Центром социологических и политологических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Sergey V. Kostelyanets, PhD (Political Science), Leading Researcher, Head, Centre for Sociological and Political Sciences Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 17.02.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 21.03.2024

Принята к публикации
(Accepted) 19.04.2024

DOI: 10.31857/S032150750030862-0

Этносоциальные аспекты конфликта в северном Мали

© Пономарев И.В.^a, 2024

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-8848-3750; iliaponomarev@inafr.ru

Резюме. В статье предпринимается попытка классификации оппозиционных и проправительственных вооруженных группировок северного Мали с выделением их ключевого этнокомпонента. Этот фактор дополняется двумя другими: нелегальным бизнесом и движением джихадизма.

Комплексный и ситуационный анализ связей между этими тремя факторами позволяет показать на конкретных примерах, что на формирование, альянсы и экономическую конкуренцию вооруженных группировок существенно влияет традиционный социальный статус, который сохраняет большое значение в обществе туарегов и сахарских арабов. В ситуации расового противостояния группировки сонгаев и фульбе играют второстепенную роль.

Коррупция, наркотрафик и клановая логика идут вразрез с западноцентричными аналитическими дихотомиями: правительство – повстанцы, армия – сепаратисты, джихадисты – националисты. Недавнее обострение конфликта на севере Мали, приведшее к неожиданному объединению оппозиционных и некогда проправительственных вооруженных группировок, ставит под вопрос политику ослабления оппозиционной коалиции путем манипулирования этническим фактором.

Ключевые слова: Мали, вооруженные группировки, кланы, социальный статус, нелегальный бизнес, джихадизм

Для цитирования: Пономарев И.В. Этносоциальные аспекты конфликта в северном Мали. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 5. С. 56–65. DOI: 10.31857/S032150750030862-0

Ethno-Social Aspects of Conflict in Northern Mali

© Ilia V. Ponomarev^a, 2024

^a Institute for African Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-8848-3750; iliaponomarev@inafr.ru

Abstract. The article offers an attempt to classify opposition and pro-government armed groups in northern Mali with a stress on their ethno-component. This factor is considered combined with two others – illegal business and jihadism.

Such three factor analysis in a complex and situational milieu gives way to show that the formation of armed groups, their strategic alliances and competition are dependent on traditional status among the different ethno-fractions of the Tuaregs and Saharan Arabs. In the situation of racial stand-off the armed groups of the Songhai and Fulani play a minor role.

Corruption, drug trafficking and clan ties come across such Eurocentric analytical stereotypes as government – insurgents, army – separatists, jihadists – nationalists. Recent escalation of conflict in northern Mali that pushed unexpectedly to unite opposition and former pro-government armed groups, calls into question the policy aimed to weaken the armed opposition by manipulations with ethnic factor.

Keywords: Mali, armed groups, clans, social status, illegal business, jihadism

For citation: Ponomarev I.V. Ethno-Social Aspects of Conflict in Northern Mali. *Asia and Africa today*. 2024. № 5. Pp. 56–65. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750030862-0

ВВЕДЕНИЕ

В конце 2023 – начале 2024 г. конфликт в северном Мали достиг новой фазы обострения: возобновились боевые действия между малийской армией и вооруженными группировками, участвовавшими в процессе мирного урегулирования. Хотя основные группировки туарегов и сахарских арабов¹ (см. также табл. 2), ранее неоднократно вступавшие в вооруженное противостояние, пошли на объединение, им пришлось оставить ключевые для них города Севера.

На фоне роста влияния джихадистского движения в Центральном Сахеле, ситуация осложняется клановыми разногласиями и вовлеченностью вооруженных группировок в нелегальный бизнес. В отдельных исследованиях эти три фактора редко анализируются суммарно, однако именно их скрытые связи лежат в основе затяжного конфликта в северном Мали. Статья продолжает комплексный анализ указанных факторов, начатый в предыдущих публикациях [1; 2].

Толчок образованию вооруженных группировок в северном Мали дал кризис 2011–2012 гг. В следующие три года большинство из них подписали соглашения о перемирии, при этом раздробившись по этническому принципу на несколько новых организаций. Однако до сих пор исследований, посвященных группировкам-подписантам, очень мало, и обычно они затрагивают только отдельные организации [3; 4; 5].

Даже в тех работах, которые предпринимают попытку классификации основных участников конфликта в Мали, недостаточно раскрывается их этнический компонент [6; 7; 8]. С другой стороны, как указывает историк Шарль Гремон (Франция), анализ малийского конфликта только по этническим линиям (как исключительно межобщинного) может быть недостаточен для рассмотрения поставленной проблематики [9], что оправдывает многофакторный подход.

Выбор терминов для анализа тоже представляет определенную трудность.

Один из ведущих специалистов по обществу туарегов проф. Баз Лекок (Германия) отмечает, что понятие туарегов «*tewsit*» обычно переводят как «племя», «клан», «фракция» [10, pp. XII, 121]. Термин «фракция» в основном используется потому, что два других содержат отсылки к ранней эволюционной теории (особенно к Дж.Ф.Мак-Леннану и Л.-Г.Моргану), ныне отвергаемой в западной социальной антропологии и публичном дискурсе.

Однако термин туарегов «*ettebel*» традиционно переводят как «клановая конфедерация», а понятие клана у туарегов самым тесным образом связано с понятием касты [10, pp. 121, 223, 268]. Например, туарегов *кель-эс-сук* можно рассматривать и как касту с высоким социальным статусом (марабутов), и как клановую группу.

Еще более ярким примером клана-касты в Мали выступают арабы *кунта* – также знатоки ислама с высоким статусом. Сахарские арабы *берабиш* и *ламхар*, напротив, более многочисленны и включают по несколько кланов и каст, имеющих различный статус как внутри своей семейной группы, так и по отношению друг к другу [11; 12].

ФОРМИРОВАНИЕ ДВУХ ОСНОВНЫХ КОАЛИЦИЙ

Начало кризису в северном Мали положило «Национальное движение за освобождение Азавада» (*Mouvement national de libération de l’Azawad – MNLA*), выступавшее за создание т.н. независимого государства туарегов Азавад². В январе 2012 г. оно подняло восстание, нанеся оглушительное поражение малийской армии [9, pp. 43–46]. В *MNLA* объединились туареги самых разных этногрупп (*кель-ин-*

¹ Обе эти этногруппы составляют по 5% населения страны, однако в северном Мали они играют ключевую роль. См.: The Population of Northern Mali. SWAC. 2015, № 11. www.oecd.org/swac (accessed 10.03.2024); ср. Recensement Général de la Population et de l’Habitat. Bamako: INSTAT, 2011 (прим. авт.).

² «Азавад» соответствует северному Мали, объединяющему области Тимбукту, Гао, Кидаль, Менака и Таудени (прим. авт.).

тессар, шаманамас, дауссахак, ифорас), однако ведущие позиции сразу же заняли иднан [6, p. 663; 13, p. 131; 14, p. 22].

Влиятельный политик и туарег-ифорас Ийад аг Гали попытался подчинить MNLA своему влиянию, но был вынужден отступить и создать свою собственную группировку «Ансар ад-Дин». Расхождение произошло по трем основным причинам: кланово-кастовых разногласий, конкуренции за ресурсы, противостояния секулярного сепаратизма и воинствующего исламизма. Весной–летом 2012 г. «Ансар ад-Дин» и другие джихадистские группировки силой вытеснили MNLA из основных городов северного Мали, после чего большинство ифорас перешли на их сторону [13, pp. 131–139].

В 2012 г., в ситуации всеобщего хаоса на Севере, сформировались еще два широких этнических альянса: «Арабское движение Азавада» (*Mouvement arabe de l’Azawad – MAA*) и «Патриотический фронт сопротивления» (*Front patriotique de résistance – FPR*). Организаторами MAA выступили арабы *берабиши*, к которым затем примкнули другие сахарские арабы. Ядро FPR составили две этномилиции – «Ganda Kou» (сонгаи) и «Ganda Izo» (фульбе)³, формировавшиеся отставными офицерами и солдатами малийской армии для защиты своих общин во время предыдущих восстаний туарегов [6, p. 672; 3, pp. 280–288; 10, pp. 249–338].

В последующие два года все указанные этнические альянсы поэтапно распались.

После французской интервенции в начале 2013 г. от «Ансар ад-Дин» сразу же откололось «Исламское движение Азавада» (*Mouvement Islamique de l’Azawad – MIA*) под руководством Альрабаса аг Инталы. Сын официального главы (*аменокалья*) конфедерации ифорас Инталы аг Аттахера, Альрабас смог увлечь за собой до 80% комбатантов «Ансар ад-Дин». Вскоре MIA было переименовано в «Высший совет за единство Азавада» (*Haut Conseil pour l’unité de l’Azawad – HCUA*), что облегчило его контакты с французскими войсками и последующую интеграцию в процесс подписания мирного договора [13, pp. 139–142].

В марте 2014 г. от MNLA отделилась «Коалиция народа Азавада» (*Coalition du peuple de l’Azawad – CPA*), но конфликт между её лидерами привел к тому, что две её фракции заняли разную политическую позицию: оппозиционную и проправительственную. Первая осталась в союзе с MNLA, а вторую возглавил Мохамед-Усман аг Мохамедун (отсюда *CPA-Ousmane*), опиравшийся на поддержку своей этногруппы – туарегов *кель-раззаф* [15, pp. 24–25; 6, p. 664]⁴.

В мае 2014 г. произошло событие, которое летом того же года ускорило процесс распада альянсов. Малийская армия под руководством генерала Эль-Хадж аг Гаму попыталась вернуть контроль над «столицей сепаратистов» г. Кидалем, но была отброшена силами HCUA и MNLA [6, p. 667; 4, p. 13].

Тогда при поддержке правительства Мали генерал аг Гаму создал «Группу самозащиты туарегов имрад и их союзников» (*Groupe d’autodéfense Touareg Imghad et alliés – GATIA*). Её ядро составили офицеры и солдаты имрад⁵ из 8-й объединенной тактической группы (*Groupement tactique inter-armes – GTIA*), прошедшие подготовку под руководством европейских инструкторов. GATIA несколько раз пыталась отбить г. Кидаль у HCUA и MNLA, но безуспешно [16, p. 21; 15, p. 27]⁶.

FPR был переименован в «Координацию движений и патриотических фронтов сопротивления» (*Coordination des mouvements et fronts patriotiques de résistance – CM-FPR*), но вскоре и она разделилась на две фракции: проправительственную и оппозиционную. Во главе CM-FPR-I остались Харуна Туре и Джибрила Мусса Диало, а CM-FPR-II возглавили Сейду Сиссе и Юнусса Туре. Хотя обе группировки сохранили смешанный этнический характер, в первой стали преобладать сонгаи, а во второй – фульбе [16, pp. 13, 57; 7, p. 199]⁷.

³ На яз. сонгаи соотв.: «Хозяева земли» и «Сыны земли» (прим. авт.).

⁴ Final report of the Panel of Experts established pursuant to Security Council resolution 2374 (2017) on Mali and renewed pursuant to resolution 2484 (2019). 13 August 2020. S/2020/785. New York: UNSC. Pp. 22–23.

⁵ Транскрипция «имрад» (*Imghad*) и «ифорас» (*Ifoghas*) является наиболее широко принятой в социальной антропологии, см., напр. [10, p. XIII].

⁶ Final report... P. 21.

⁷ Ibidem. Pp. 19–20, 23.

В этом контексте раскололось и МАА. Сахарские арабы *ламхар* под руководством Ахмеда улд Сиди Мохамеда сформировали группировку *МАА-Tabankort*, сыгравшую роль «станового хребта проправительственной коалиции» совместно с *GATIA*, *CPA-Ousmane* и *CM-FPR-I* [6, pp. 655, 667; 7, p. 199]. Наоборот, МАА-СМА под руководством Сиди Ибрагима улд Сидатти и полковника Хусейна улд Аль-Моктара завершила складывание оппозиционной коалиции – *MNLA*, *HCUA*, *CPA* и *CM-FPR-II* [15, pp. 6, 23–24].

Окончательное оформление эти две коалиции получили в 2014 г. на переговорах в Алжире: «Платформа движений 14 июня 2014, Алжир» (*Plateforme des mouvements du 14 juin 2014 d'Alger*) и «Координация движений Азавада» (*Coordination des mouvements de l'Azawad – CMA*).

На лето следующего, 2015 г., было намечено подписание ключевого соглашения между Бамако и этими коалициями. И опять правительство президента И.Б.Кейты⁸ (2013–2020) пошло на крайние меры: в мае комбатанты «Платформы» при прямой поддержке армии захватили г. Менака, нарушив договоренность о прекращении огня [15, p. 6]⁹. В этой напряженной атмосфере и было подписано алжирское Соглашение, во многом «навязанное сторонам-подписантам международным посредничеством» [9, p. 46].

За рамками Соглашения оказались три небольших группировки со смешанным этническим составом: «Народный фронт Азавада» (*Front populaire de l'Azawad – FPA*), «Народное движение за спасение Азавада» (*Mouvement populaire pour le salut de l'Azawad – MPSA*) и еще одна «Координация движений и патриотических фронтов сопротивления» (*Coordination des mouvements et fronts patriotiques de résistance – CM-FPR-III*).

FPA был сформирован еще в 2012 г. Основную роль в нем играли Хасан аг Мехди (полковник Джимми) и другие туареги *шаманамас*, дезертировавшие из малийской армии [7, p. 200]. *MPSA* – это еще одна ветвь МАА, которую создали в 2014 г. арабы (рук. Бубакар Сидир улд Талеб) и туареги Тим-букту из кланов с высоким социальным статусом [17]. Обе группировки некоторое время лавировали между коалициями *СМА* и «Платформа» [15, p. 25]¹⁰.

CM-FPR-III откололся в 2015 г. от *CM-FPR-II*. Её руководитель Мохаман Алассан Маига (бывший лидер «*Ganda Kou*») объединил несколько мелких этногруппировок: сонгаев, фульбе и *белла* (чернокожих рабов туарегов, составлявших некогда отдельную касту) [3, pp. 288, 298].

ЗА КУЛИСАМИ ТРЕТЬЕЙ КОАЛИЦИИ

В соответствии с алжирским Соглашением, правительство Мали и международные НПО стали выделять вооруженным группировкам-подписантам финансовую и гуманитарную помощь, что косвенно стимулировало их дальнейшее дробление [15, pp. 13–15]. Однако ключевую роль в этом процессе сыграла малийская Генеральная дирекция государственной безопасности (ГДГБ)¹¹.

Группа экспертов ООН отмечает, что ГДГБ «провоцировала, поощряла и облегчала фрагментацию *СМА*», финансируя «ключевых фигур, которые создали в 2016 г. группировки, отделившиеся от *MNLA*». За этим стояла «неофициальная стратегия, нацеленная на обструкцию Соглашения посредством затягивания его имплементации», которую осуществлял генерал Мусса Диавара – глава ГДГБ¹².

С подачи ГДГБ были созданы группировки, которые сразу же стали претендовать на независимую долю правительственных дотаций, но вскоре и они претерпели раскол.

В сентябре 2016 г. от *MNLA* отделилось «Движение за спасение Азавада» (*Mouvement pour le salut de l'Azawad – MSA*) под руководством Муссы аг Ашаратумана и Ассалат аг Хаби. Полковник Малийских вооруженных сил аг Хаби увлек за собой туарегов *шаманамас*. По его примеру аг Ашаратуман

⁸ Следуем транскрипции этого имени, принятой в отечественной африканистике (прим. авт.).

⁹ Drug trafficking, violence and politics in northern Mali. 2018. *Crisis Group Africa Report*. Brussels: ICG. P. 15.

¹⁰ Final report... Pp. 23–24.

¹¹ Ibidem. P. 18. В целях смысловой демаркации только аббревиатуры группировок-подписантов даются латиницей (прим. авт.).

¹² Ibid. P. 22 (также см. [4, p. 12]).

хотел объединить туарегов *дауссахак*, однако некоторые их кланы (*идогиритан*, *агокан*) предпочли сохранить тесные связи с коалицией *СМА*. Разногласия между двумя лидерами *MSA* были столь сильными, что через два месяца полковник Хаби отделился. Две новые группировки стали различаться по этническому признаку: *MSA-Daussahak* и *MSA-Chamanamas* [15, p. 17; 14, p. 23; 6, pp. 669–670].

В октябре 2016 г. от *НСУА* (и от *СМА*) отделился под руководством Азарока аг Инаборшада и полковника Альрабасса аг Мохамеда Ахмеда «Конгресс за справедливость в Азаваде» (*Congrès pour la justice dans l’Azawad – CJA*), который должен был объединить туарегов *кель-интессар*. Однако и в этом случае клановая борьба вскоре привела к тому, что от него откололся *СJA-II*, который возглавил (из Мавритании) Хама аг Махмуд. В 2018 г. *СJA-I*, или по месту локализации *СJA-Gargando*, вернулся в *СМА* [15, pp. 23–24; 16, p. 16; 6, pp. 665, 667].

Политика правительства по созданию «марионеток» (*proxies*) малийской армии вызвала резкую реакцию США и СБ ООН. Тогда правительство И.Б.Кейты сменило тактику: осенью 2017 г. была создана при прямой поддержке ГДГБ очередная коалиция – «Координация движений согласия» (*Coordination des mouvements de l’entente – CME*)¹³. Угрожая применением оружия, новообразованная *СМЕ* сразу же стала требовать свою долю правительственных дотаций, что Бамако и поспешил исполнить [15, pp. 8, 25].

Роль инструмента ГДГБ в создании коалиции *СМЕ* сыграла группировка *CPA-Ousmane* Мохамеда Усмана, а его партнерами выступили *MSA-Chamanamas*, *MPSA*, *FPA* и *СJA-II* [15, p. 24]¹⁴.

Таким образом, хотя вооруженные группировки включают, как правило, представителей разных этногрупп, прослеживается четкая тенденция политической консолидации по этническому признаку. Ниже (см. табл. 1) в целях обобщения указываются только те этногруппы, которые играют роль ядра конкретной группировки.

Таблица1. Политические коалиции с ключевым этнокомпонентом

Table 1. Political coalitions with a key ethno-component

Год создания группировки	Координация движений Азавада (СМА)	«Платформа»	Координация движений согласия (СМЕ)
2011	<i>MNLA (иднан)</i>		
2012	<i>МАА (берабиш)</i>		<i>FPA (шаманамас)</i>
	<i>FPR (сонгаи)</i>		
2013	<i>НСУА (ифорас)</i>		
2014	<i>МАА-СМА (берабиш)</i>	<i>МАА-Tabankort (ламхар)</i>	<i>MPSA (кунта, кель-интессар)</i>
	<i>CPA (иднан)</i>	<i>GATIA (имрад)</i>	<i>CPA-Ousmane (кель-раззаф)</i>
	<i>СМ-FPR-II (фульбе)</i>	<i>СМ-FPR-I (сонгаи)</i>	
2015			<i>СМ-FPR-III (сонгаи, белла)</i>
2016	<i>СJA-Gargando (кель-интессар)</i>	<i>MSA-D (дауссахак)</i>	<i>MSA-C (шаманамас)</i>
			<i>СJA-II (кель-интессар)</i>

Составлено по: [15; 16; 19; 20].

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА

За сложной мозаикой вооруженных группировок стоит кланово-кастовая организация общества туарегов и сахарских арабов. Её анализ позволяет раскрыть один из важных мотивов распределения группировок по политическим коалициям.

¹³ Ibid. Pp. 21–22.

¹⁴ Ibid. Pp. 22–23.

К полностью свободным, или аристократии, у туарегов Мали традиционно принадлежали крупные конфедерации кланов *ивелемедан*, *ифорас* и *кель-интессар*. Некогда сильные в военном отношении, в настоящее время они не существуют как единые политические объединения, однако каждая из них продолжает избирать своего *амевокаля* – традиционного главу, имеющего ограниченные полномочия. Исторически *иднан*, *шаманамас* и другие клановые объединения выступали полувассальными вассалами этих конфедераций, так же как *ламхар* и *маидуф* признавали над собой вассалитет *кунта* [10; 11; 16, pp. 12–13].

Кланы *дауссахак* ведут свое происхождение от союзов между туарегами и захваченными в плен наложницами негроидного происхождения. Говоря на смеси языков *тамашек* и *сонгай*, они традиционно несут на себе расовую стигму. Хотя ранее эти кланы считались полностью зависимыми, по своему статусу они выше *белла* [15, p. 17; 9, p. 48; 10, pp. 92–99, 282].

У туарегов существует много терминов, которые обозначают социальный статус, но в отдельных случаях могут означать и этногруппу: «*имушар/имажерен*» (благородные), «*иборолитан*» (метисы), «*иравелан*» (освобожденные рабы), «*иклан*» (домашние рабы) и пр. [10, pp. 2–8, 299; 15, p. 22; 18, pp. 161–174, 401]. Такого происхождения кастовой категории *имрад* – ранее она означала «данников» как таковых, но сегодня за ней скрываются самостоятельные кланы различного статуса.

После того как от *MNLA* отделились многие кланы, в его рядах остались в основном *иднан*, возглавляемые теми, кого туареги называют *ишумар*. Этой социальной категорией обозначают тех, кто соблюдает определенный кодекс поведения, табуирующий упоминание своего клана, и, как правило, приверженность националистическим лозунгам [10, pp. 194–214; 18, pp. 49–50].

Сопоставляя данные (см. табл. 1 и 2), можно видеть, что коалиция *СМА* объединила в основном тех, кто имеет в обществе туарегов и сахарских арабов статус «благородных» и образованных, а во круг «Платформы» сплотились этногруппы с наиболее низким статусом. Коалицию *СМЕ* составили в основном малочисленные этногруппы, отколовшиеся от других группировок. Среди них сонгаи, фульбе и *белла* выбрали в качестве союзников тех, кто меньше всех конкурирует с ними за скудные ресурсы.

В феврале 2020 г. *СМЕ* была официально распущена, однако уже через два месяца фактически воссоздана как «Координация движений инклюзии» (*Coordination des mouvements de l'inclusivité – CMI*). Этот маневр имел две основные цели: исключить из новой коалиции *CPA-Ousmane*, приобретшую дурную репутацию из-за сотрудничества с ГДГБ, и объединить в *СМЕ* те этногруппы и общественные движения, которые не получили ранее политического представительства [19, p. 7]¹⁵.

Таблица 2. Социальная организация туарегов и сахарских арабов
Table 2. Social organization of the Tuaregs and Saharan Arabs

Этносы	Кланово-кастовый статус		
	Высокий	Средний	Низкий
Туареги	<i>Кель-адрар (ифорас)</i>	<i>Иднан</i>	<i>Имрад</i>
	<i>Кель-интессар (ансар)</i>	<i>Шаманамас</i>	<i>Дауссахак</i>
	<i>Ивелемедан</i>	<i>Ишадинхарен</i>	<i>Белла</i>
	<i>Кель-раззаф (ишерифен)</i>		
Сахарские арабы	<i>Кунта</i>	<i>Берабиш</i>	<i>Ламхар</i>
	<i>Тормуз</i>	<i>Улед-шуаиб</i>	<i>Маидуф</i>

Составлено по: [10; 11; 12; 18; 21].

¹⁵ Ibid. Pp. 23–24.

РОЛЬ НЕЛЕГАЛЬНОГО БИЗНЕСА

Существенную роль в конфликт в северном Мали вносит борьба за нелегальный трафик (наркотики, золото, контрабандные товары и сырье) и узловые точки (небольшие населенные пункты) их переброски – Табанкорт, Лернеб, Ин-Халиль, Агелок [19, pp. 22–27]. Анализ взаимодействия ключевых этнокомпонентов вооруженных группировок в этом процессе раскрывает существенную сторону отношений коалиций СМА и «Платформа».

Коррупция пронизывает все уровни госсистемы Мали. Например, глава ГДГБ генерал М.Диавара долгое время оказывал протекцию двум «бизнесменам»-ламхар – Мохамеду улд Матали и его родственнику Мохамеду бен Ахмеду Махри («Ругги»). Взамен они производили «ежемесячные выплаты» М.Диавару и его заместителю полковнику И.Саного. Сотрудничество закончилось в 2018 г., когда в Ниамее была перехвачена партия в 2,5 т марокканского гашиша стоимостью \$5 млн, а члены «сети Ругги» были арестованы¹⁶.

Арабы ламхар (Табанкорт) держат в своих руках важную часть транспортной системы и нелегальной торговли в области Гао. Некогда вассалы кунта¹⁷, ламхар приобрели в последние 30 лет такой финансовый и политический вес, что стали их основными соперниками [16, p. 22; 20, pp. 29–30; 6, p. 672]. Конкурентами ламхар также выступают арабы маидуф (Гао) и туареги иднан (Ин-Халиль), тяготеющие к коалиции СМА. Соответственно, безопасность наркокараванов (гашиш, кокаин, трамадол) ламхар обеспечивали МАА-Tabankort и GATIA генерала Гаму, а наркокараванов кунта и иднан – МАА-СМА, HCUA и MNLA [15, pp. 32–33; 21, p. 16]¹⁸.

Туареги ифорас (HCUA) прочно занимают позиции в центральной части области Кидаль, где их основными конкурентами являются их бывшие данники имрад (GATIA). Это и было основной причиной вооруженных столкновений между HCUA и GATIA за г. Агелок, контролирующий нелегальный трафик из г. Кидаль в Алжир [16, p. 11]. С этим совпадало желание ифорас не допускать имрад в органы местного самоуправления, создававшиеся в соответствии с алжирским Соглашением [15, pp. 10–11].

Доминирующую позицию в области Тимбукту занимают кланы берабиш, которые порой конкурируют и между собой. Поэтому, например, улед-идрис оказались в МАА-СМА, а улед-аши – в МАА-Tabankort. Оба клана, а также арабы тормуз (МАА-СМА), уже давно ведут кровавую борьбу за г. Лернеб – один из ключевых пунктов по переброске многотонных партий гашиша из Мавритании в Мали [20, p. 22; 16, pp. 18–23; 2, pp. 33–36]¹⁹.

В этом контексте вооруженные столкновения коалиции СМА в областях Кидаль и Менака с GATIA и MSA-D в 2016–2018 гг. объясняются не только политической конкуренцией, но и борьбой за ресурсы. Присутствует в них и клановая логика: GATIA несколько раз совершала нападения на туарегов ишадинхарен и иднан с целью принудить их отказаться от союза с СМА, т.к. иногда они тоже выступают конкурентами ифорас в экономической сфере [15, pp. 17–19; 14, pp. 24–25; 6, p. 670].

Круг замыкается: социальный статус, логика клановых отношений и интересы в сфере нелегального бизнеса HCUA, МАА-СМА и MNLA противопоставляют их GATIA, MSA-D и МАА-Tabankort. Обе коалиции неоднократно пытались разорвать порочную логику этого замкнутого круга. В 2015 и 2017 гг. они подписали между собой соглашения, имевшие целью «так изолировать столкновения между трафикантами, чтобы они более не втягивали в себя коалиции СМА и «Платформа»»²⁰.

Дело дошло до того, что попытки перехватить силой конвой с наркотиками у конкурентов происходили не только между этими коалициями, но даже между отдельными кланами внутри них. Ситуация изменилась, только когда полевые командиры обеих коалиций стали принимать совместное участие в защите наркокараванов [20, pp. 19, 31]²¹. В 2019 г. намечилось определенное сближение коали-

¹⁶ Drug trafficking... Pp. 10–11, 32–33; Final report... Pp. 18–26.

¹⁷ Подробнее о кунта и их роли в развитии нелегального бизнеса см. [12].

¹⁸ Drug trafficking... Pp. 1–20; Final report... Pp. 26–30.

¹⁹ Final report... Pp. 27–29, 60.

²⁰ Drug trafficking... P. 17.

²¹ Ibid. Pp. 14–18.

ций, что не могло не настораживать военных в Бамако, начавших посредством ГДГБ «разжигать разногласия внутри “Платформы”»²².

СПУТАННЫЕ КАРТЫ ДЖИХАДИЗМА

Наиболее трудно проследить клановую логику в случае тех группировок, которые СБ ООН классифицирует как «террористические»: Исламское государство в Большой Сахаре (ИГБС) и Движение защиты ислама и мусульман (ДНИМ)²³.

Одни и те же кланы имеют своих представителей как в них, так и в подписавших алжирское Соглашение группировках. Например, члены клана *идогиритан* туарегов *дауссахак* входят в ИГБС и *НСУА*; клана *имидидарен* туарегов *имрад* – в ДНИМ и *MNLA*; туареги *ишадинхарен* и *ифорас* – в ДНИМ и *НСУА*. Поэтому комбатанты этих и других легализованных группировок неоднократно совершали совместно с ДНИМ или ИГБС нападения на малийские, нигерские и французские войска [15, pp. 16–20, 28; 20, pp. 26–27; 16, pp. 14–15]²⁴.

Так, моджахеды ДНИМ защищают стада туарегов *кель-раззаф*, интересы которых также отстаивает *СРА-Ousmane* Мохамеда-Усмана. Ближайшими конкурентами *кель-раззаф* выступают *кель-интес-сар*, поэтому их группировка *СJA-Gargando* неоднократно подвергалась нападениям со стороны ДНИМ и *СРА-Ousmane*. Начальник штаба *СРА-Ousmane* полковник Алькадум аг Абдулай дважды участвовал в 2017–2018 гг. в нападениях ДНИМ на малийскую военную базу к северу от г. Тимбукту [16, p. 16; 15, pp. 23–29].

В 2019–2020 гг. произошел раскол «Платформы»: часть кланов (*идогиритан*, *табахав*) туарегов *дауссахак*, а также некоторые комбатанты *имрад*, временно перешли на сторону коалиции *СМА* [20, pp. 9–10, 25]. Это было вызвано тем, что военные операции *MSA-D* и *GATIA* против ИГБС в области Менака привели к большому количеству жертв среди фульбе-скотоводов, выступающих конкурентами одних кланов *дауссахак* (близких *MSA-D*), но партнерами других, которые и стали искать протекции либо у *СМА*, либо даже у ИГБС [1, p. 51; 9, pp. 51–59; 6, pp. 670–671]²⁵.

В ИГБС много представителей тех этногрупп, которые стараются всеми силами повысить свой социальный статус: туареги *идогиритан*, арабы *улед-шуаиб*, фульбе *толебе* и др. От вступающих в его ряды требуют отречения от клановых уз, что часто должно быть подтверждено убийством ближайшего родственника. Несмотря на это, ИГБС действует, подчиняясь именно клановой логике [9, pp. 50, 59; 21, p. 14; 1, pp. 50–52].

Вывод иностранных контингентов после военного переворота 2021 г. вызвал ожесточенное противостояние за оставляемые ими базы между малийской армией и вооруженными группировками – подписантами Соглашения, что открыло простор для усиления ИГБС. Эти события подтолкнули коалиции *СМА* и «Платформа» пойти на сближение, создав зонтичную «Постоянную стратегическую структуру» (*Cadre stratégique permanent*). В 2022–2023 гг. делались попытки объединить военные штабы обеих коалиций, однако из-за клановых разногласий они не смогли помешать ИГБС захватить несколько населенных пунктов в областях Менака и Гао [21, pp. 10–14; 19, pp. 12, 17, 20].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вытеснение малийской армией совместно с иностранными партнерами коалиции *СМА* из гг. Менака и Кидаль в конце 2023 г. в корне изменило ситуацию – фактически алжирское Соглашение между вооруженными группировками и Бамако ушло в прошлое. Что это означает в свете всего сказанного о расстановке сил в северном Мали?

²² Final report... Pp. 22, 28–30.

²³ О лидерах и составе ИГБС и ДНИМ подробнее см. [1].

²⁴ Final report... Pp. 16–20.

²⁵ Frontière Niger-Mali: Mettre l'outil militaire au service d'une approche politique. 2018. *Rapport Afrique de Crisis Group*. № 261. Bruxelles: ICG. Pp. 14–17.

Большинство международных экспертов согласно, что дальнейшее ослабление коалиции СМА, выступающей основным звеном зонтичной «Постоянной стратегической структуры», открывает широкий простор для усиления ИГБС и ДНИМ [19]²⁶. Всё дело в том, что основным сдерживающим фактором джихадистов были совсем не *MSA-D* и *GATIA*, больше заинтересованные в сведении клановых счетов с конкурентами, а коалиция СМА: ИГБС – военной силой, ДНИМ – путем переговоров. В первом случае решающую роль играли социальный статус и клановая конкуренция (в том числе в борьбе за ресурсы), во втором – родственные клановые связи.

Возможности малийской армии очень ограничены: даже при постоянной поддержке иностранных контингентов она может контролировать только наиболее крупные населенные пункты в северном Мали [19, pp. 19–21]. Если принять во внимание, что в Мали одна из основных проблем противостояния Юга и Севера – это расовая ненависть, обостряющая конфликт с обеих сторон, то решение его исключительно силовым методом едва ли даст положительные результаты.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Пономарев И.В. Сегментированный терроризм в зоне Сахары-Сахеля. Период второй: 2016–2021. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 2. С. 47–55. DOI: 10.31857/S032150750018779-8
Ponomarev I.V. 2022. Segmented terrorism in the Sahara-Sahel zone. The second stage: 2016–2021. *Asia and Africa today*. № 2. Pp. 47–55. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750018779-8
2. Пономарев И.В. Дефиниции с префиксом «нарко-» и реальные проблемы Западной Африки. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 6. С. 30–38. DOI: 10.31857/S032150750026135-0
Ponomarev I.V. 2023. The definition with a prefix 'narco-', and a real conundrum in West Africa. *Asia and Africa today*. № 2. Pp. 30–38. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750026135-0
3. Boisvert M.A. 2015. Failing at violence: the longer-lasting impact of pro-government militias in Northern Mali since 2012. *African Security*. Vol. 8 (4). Pp. 272–298. DOI: 10.1080/19392206.2015.1100505
4. Bencherif A., Campana A. 2016. Alliances of convenience: assessing the dynamics of the Malian insurgency. *Mediterranean Politics*. DOI: 10.1080/13629395.2016.1230942
5. Baldaro E., Raineri L. 2020. Azawad: a parastate between nomads and mujahidins? *Nationalities Papers*. Vol. 48(1). Pp. 100–115. DOI: 10.1017/nps.2019.62
6. Desgrais N., Guichaoua Y., Lebovich A. 2018. Unity is the exception. Alliance formation and de-formation among armed actors in Northern Mali. *Small Wars & Insurgencies*. Vol. 29 (4). Pp. 654–679. DOI: 10.1080/09592318.2018.1488403
7. Bencherif A. 2018. Le Mali post “Accord d’Alger”: une période intérimaire entre conflits et négociations. *Politique africaine*. Vol. 2 (150). Pp. 179–201. DOI: 10.3917/polaf.150.0179
8. Давидчук А.С., Дегтерев Д.А., Сидибэ У. Конфликт в Мали: взаимоотношения основных акторов. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 12. С. 47–56. DOI: 10.31857/S032150750017789-9
Davidchuk A.S., Degterev D.A., Sidibe O. 2021. Malian crisis: interrelationship of major actors. *Asia and Africa today*. № 12. Pp. 47–56. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750017789-9
9. Grémont Ch. 2019. Dans le piège des offres de violence. Concurrences, protections et représailles dans la région de Ménaka (Nord-Mali, 2000–2018). *Hérodote*. Vol. 1 (172). Pp. 43–62. DOI: 10.3917/her.172.0043
10. Lecocq B. 2010. Disputed Desert. Decolonisation, Competing Nationalisms and Tuareg Rebellions in Northern Mali. Leiden: Brill.
11. Norris H.T. 1986. The Arab Conquest of the Western Sahara. Harlow: Longman.
12. Scheele J. 2012. Smugglers and Saints of the Sahara. Regional Connectivity in the Twentieth Century. Cambridge: University Press.
13. Thurston A. 2020. Jihadists of North Africa and the Sahel: Local Politics and Rebel Groups. Cambridge: University Press.
14. Sandor A. 2017. Insecurity, the breakdown of social trust, and armed actor governance in central and northern Mali. Montréal: Centre FrancoPaix.
15. Koning de R. et al. 2018. Letter dated 8 August 2018 from the Panel of Experts established pursuant to resolution 2374 (2017) on Mali addressed to the President of the Security Council. S/2018/581_Rev. New York: UNSC.

²⁶ Nord du Mali: revenir au dialogue. 2024. *Rapport Afrique de Crisis Group*. № 314. Bruxelles: ICG.

16. Barume A. et al. 2021. Letter dated 6 August 2021 from the Panel of Experts established pursuant to resolution 2374 (2017) on Mali addressed to the President of the Security Council. S/2021/714. New York: UNSC.
17. Harber F. Boubacar Sidi Ali: “Nous avons créé le MPSA pour nous démarquer d’AQMI”. 31.08.2014. <https://www.aa.com.tr/fr/politique/boubacar-sidi-alinous-avons-cree-le-mps-a-pour-nous-demarquer-d-aqmi/126514> (accessed 10.03.2024)
18. Bencherif A. 2019. Récits des élites touarègues au Mali et au Niger: Questionner la “question touarègue”. Thèse de doctorat. Ottawa: Université d’Ottawa.
19. Sollazzo R. et al. 2023. Letter dated 3 August 2023 from the Panel of Experts established pursuant to resolution 2374 (2017) on Mali addressed to the President of the Security Council. S/2023/578. New York: UNSC.
20. Koning de R. et al. 2019. Letter dated 6 August 2019 from the Panel of Experts established pursuant to resolution 2374 (2017) on Mali addressed to the President of the Security Council. S/2019/636. New York: UNSC.
21. Choudhury L.M.R. et al. 2022. Letter dated 3 August 2022 from the Panel of Experts established pursuant to resolution 2374 (2017) on Mali addressed to the President of the Security Council. S/2022/595. New York: UNSC.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Пономарев Илья Вячеславович, кандидат исторических наук, ст.н.с. Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, Москва, Россия.

Ilya V. Ponomarev, PhD (History), Senior Researcher, Centre for Civilization and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 25.01.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 10.03.2024

Принята к публикации
(Accepted) 15.04.2024

DOI: 10.31857/S032150750030835-0

Африканка в борьбе с терроризмом и насилием

© Крылова Н.Л.^a, 2024^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-3788-0887; krylovanl@yandex.ru

Резюме. Осенью 2023 г. в Институте Африки состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием «Гендерное насилие в Африке: истоки, мотивы, виды. Методы и пути борьбы». Главными темами обсуждения стали: анализ причин, способствующих возникновению и распространению всех видов насилия; рассмотрение различных форм проявления гендерного насилия; исследование роли историко-культурной составляющей гендерного насилия в различных странах Африканского континента, анализ форм и видов борьбы с гендерным насилием на современном этапе.

Ключевые слова: Африка, женщины, традиции, насилие, бедность, образование, занятость, семья, миграции

Для цитирования: Крылова Н.Л. Африканка в борьбе с терроризмом и насилием. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 5. С. 66–70. DOI: 10.31857/S032150750030835-0

An African Woman in the Fight against Terrorism and Violence

© Natalia L. Krylova^a, 2024^a Institute for African Studies,

Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-3788-0887; krylovanl@yandex.ru

Abstract. In November 2023, the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences hosted the All-Russian scientific conference with international participation “Gender-based violence in Africa: origins, motives, types. Methods and ways of struggle”.

The attendees discussed such topical issues as the specifics of the formation and development of gender relations in traditional African societies as some of the causes of gender inequality and violence; prohibition systems and aggression in mythology and folklore; domestic violence; belittling of social status based on gender and age in the ethno-linguistic environment. A separate block of issues were female aggression in war and peace; gender discrimination among the population of refugee camps and victims of the slave trade; the gender aspect of violence and terrorism in the Sahel countries.

Some reports were devoted to religion and discrimination of adherents on gender, ethnic and racial grounds; sexual violence and combating it in modern African states as well as gender violence and inequality in Muslim societies; civil and professional destinies of foreign women in Africa. The reports noted that states and society should create the conditions for the protection and self-realization of this part of the continent’s population, its active inclusion in socio-political processes.

Keywords: Africa, women, traditions, violence, poverty, education, employment, family, migration

For citation: Krylova N.L. An African Woman in the Fight against Terrorism and Violence. *Asia and Africa today*. № 5. Pp. 66–70. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750030835-0

В ноябре 2023 г. Группа гендерных исследований Института Африки РАН, накануне отметившая свое 30-летие, встретила с коллегами из академических и учебных заведений России и африканских

стран. Эти встречи стали традиционными и проводятся Группой раз в два года, на них обсуждаются насущные проблемы африканских женщин.

На этот раз коллеги-исследователи и те, кому предстоит ими стать, собрались, чтобы всесторонне обсудить животрепещущую для Африканского континента проблему гендерного насилия, его истоков, мотивов, видов, а также методов и путей борьбы с ним.

Эта проблематика уже обсуждалась в стенах Института. Итогом работы Круглого стола под названием «Терроризм и насилие на Востоке и в Африке», прошедшего в 2015 г., стала коллективная монография «Терроризм и насилие. Гендерный аспект» (М., ИАФР РАН, 2016. Отв. ред. Н.Л.Крылова, Н.А.Ксенофонтова, 278 с.), которая вызвала большой интерес в академических и практических кругах, её тираж мгновенно разошелся.

Наверное, нет необходимости пояснять, почему ученые-африканисты вновь обратились к теме гендерного насилия, остающегося сегодня, в эпоху глобальных реконструкций политико-экономических и человеческих отношений, одной из актуальных проблем, тревожащих Африканский континент. Обсудить эти непростые для Континента вопросы собрались этнологи, культурологи, социологи, политологи, историки Института Африки РАН, а также исследователи из Института востоковедения РАН, Дипломатической академии МИД РФ, Тверского государственного университета, преподаватели и студенты РУДН, Московской государственной юридической академии им. О.Е.Кутафина, Университета им. Ф.Уфуэ-Буаньи (Республика Кот-д'Ивуар) и др. В общей сложности на конференции было заслушано 29 научных докладов.

С приветственным словом к собравшимся обратились Советник президента Всемирного альянса русскоговорящих соотечественниц (ВАРС), ведущий аналитик Московского Дома соотечественника правительства г. Москвы Н.К.Мурнова и зам. председателя Всемирного координационного совета российских соотечественников, Почетный консул РФ в г. Пуэнт-Нуаре (Республика Конго) Дюк Мишель Нгебана.

Как отметила в своем Вступительном слове **Н.Л.Крылова** (ИАФР РАН), ученые выделяют множество видов гендерного насилия, общая цель которых – установление полного контроля и всеобъемлющего власти доминанта над пострадавшей стороной. К наиболее часто наблюдаемым типам гендерного насилия в странах Африки относятся бытовое физическое и сексуальное насилие, связанные с жестокими формами обращения, сексуального принуждения, другими видами насильственных действий в отношении девочек и женщин, зачастую продиктованных историко-культурной традицией; физическое и морально-психологическое насилие, испытываемое людьми в результате агрессивных действий во время межэтнических, межгосударственных и религиозных конфликтов; эмоциональное и морально-этическое насилие, представленные широким спектром действий, таких как кризисные и конфликтные отношения, трансформируемые в семейное насилие, требование неукоснительного соблюдения правил взаимоотношений в иерархической системе общества и др.

Заявленные доклады и выступления сложились в Программу конференции, включившую 4 блока. Первый из них – **«Причины, способствующие возникновению и распространению всех форм насилия»** – был посвящен истокам и особенностям эволюции гендерного неравенства. Основным пусковым механизмом, провоцирующим возникновение гендерного насилия, являются принципы структурирования патриархатного общества и формирования гендерных отношений между полами и поколениями, в основе которых заложен непреложный закон власти, подчинения и неравенства между участниками социальных связей и процессов (**Н.А.Ксенофонтова**, ИАФР РАН). О по-прежнему важной роли таких институтов прошлого, как касты, иерархии этнических общностей, этнических стереотипов и предрассудков, сохраняющихся в современной жизни африканских женщин и поддерживающих их социальное неравенство, рассказали в своих докладах **Р.Н.Исмаилова** (ИАФР РАН) и **И.Г.Татаровская** (ИАФР РАН).

Казалось бы, зачем писать литературные тексты на фоне или после боли, отчаяния и горя, принесенных актами безжалостного, грубого насилия? Но если цель таких актов состоит в том, чтобы на-

насилственно подавить любое – социальное, политическое, культурное – инакомыслие с помощью страха, то именно литература является пространством, где можно услышать множество протестных голосов. Этому в той или иной мере были посвящены доклады **Н.Ю.Ильиной** и **А.А.Келехсаевой** (МГЮА), а также **С.В.Прохожиной** (ИВ РАН), рассказавшей о печальных итогах насилия над женщинами, которые или полностью смиряются с традицией, становясь её жертвами, или пытаются вырваться из этих оков прошлого.

Доклады 2-го блока – **«Формы проявления гендерного насилия»** – были посвящены разнообразным способам проявления насильственных действий в отношении африканок. В странах Африки понимание, предотвращение и контроль насилия в отношении женщин стали важными задачами в рамках Цели 5 в области устойчивого развития. Ратифицированная многими странами Африки в 2015 г., она направлена на ликвидацию всех форм насилия в отношении женщин. Однако спустя почти десятилетие многие женщины на континенте по-прежнему продолжают испытывать все формы насилия, включая физическое, сексуальное и эмоциональное, совершаемого близкими им мужчинами – сексуальными партнерами или законными мужьями, уровень которого превышает среднемировой.

Конфликты конца XX–XXI в. (Руанда, Сьерра-Леоне, Либерия, др. страны) акцентировали внимание международного сообщества на проблеме сексуального насилия и его систематическом и жестоком характере. В последние годы, отметила в своем докладе **Н.В.Гришина** (ИАфр РАН), уровень насилия со стороны террористических группировок в отношении мирного населения Сахеля возрастает. Насколько этот вопрос сложен и неоднозначен, показала в своем докладе **Т.С.Денисова** (ИАфр РАН), подчеркнув, что в последние десятилетия в Африке стала заметной тенденция к «феминизации процесса милитаризации». Многие женщины наряду с мужчинами участвуют в актах насилия, совершаемого в том числе против гражданского населения, и способствуют, таким образом, дестабилизации внутривнутриполитической обстановки. В африканской семье основными объектами насилия также являются женщины и дети. Причем степень семейного насилия варьируется в различных странах: от 12% в Гамбии до 71% в Эфиопии (**И.Г.Рыбалкина**, **Н.З.Фахрутдинова**, ИАфр РАН).

О широкой распространенности гендерного насилия в ЮАР рассказал в своем докладе **Ю.С.Скубко** (ИАфр РАН), отметив, что, несмотря на действие в Южной Африке одного из самых прогрессивных законодательств в мире, в т.ч. Закона о насилии в семье (1998), между теорией и практикой существует огромный разрыв.

Гендерное неравенство проявляется в африканских тюрьмах, где женщины-заключенные подвергаются насилию в различных формах. К ним, по утверждению **Л.М.Садовской** (ИАфр РАН), относятся изнасилования, о которых женщины предпочитают не сообщать из-за боязни мести тюремных властей, угрозы повторного насилия, оскорбления и унижения сексуального характера.

Республика Кот-д'Ивуар – страна с четким гендерным позиционированием. Здесь, по словам **В.Ю.Саркисовой-Куаме** (Университет им. Ф.Уфуэ-Буаьи, Кот-д'Ивуар), женщины, много лет прожившей в смешанном браке, до сих пор существует понятие «мужской» и «женской» работы, жесткое разделение на мужские и женские обязанности в быту, четко прописанные нормы поведения для мужчин и женщин.

Проблема насилия имеет место в учебных заведениях и носит, как правило, долговременный характер. На примере ЮАР **В.В.Грибанова** (ИАфр РАН) показала, что эта проблема тесно связана с такими причинами, как наследие борьбы с апартеидом, сложное положение в сфере общественной безопасности, связанное с высоким уровнем преступности, проблемы, существующие в системе образования. Созвучна с предыдущими и тема разного вида подчинения в контексте патриархальных понятий, где насилие – норма, которой нельзя противиться. **А.Н.Мосейко** (ИАфр РАН) познакомила собравшихся с успешными результатами проекта, в котором женщин учили отстаивать свои убеждения, воспринимать свою работу как общенациональную и общечеловеческую. Чрезвычайно остро в странах континента стоят вопросы гендерного неравенства в сфере науки, образования и предпринимательства.

Однако гендерное насилие не ограничивается формами деструктивного физического воздействия мужчины на женщину, оно представляет собой сложное диверсифицированное явление, в основе которого лежит дискриминация по признаку пола. В своем докладе **Н.О.Хохолькова** (ИАфр РАН) обратила внимание на интеллектуальное насилие, представляющее собой еще одну форму преднамеренного манипулирования поведением индивидуума в когнитивной сфере, принуждение к принятию определенных парадигм, оценочных суждений и стереотипов. О неравноправии в сфере бизнеса и деловых коммуникаций на примере Уганды рассказала **Е.В.Харитонов** (ИАфр РАН).

Тема взаимосвязи между гендерными факторами, миграцией, насилием и отсутствием безопасности составила 3-й блок в работе конференции – «*Женщины на перекрестке культур*». Проанализировав историю этих вопросов в ЮАР, **Б.М.Горелик** (ИАфр РАН) отметил, что торговля людьми, несмотря на усилия правоохранительных органов этой африканской страны, продолжается до сих пор. Преступники по-прежнему заманивают жертв в Южную Африку с помощью интернета и принуждают к оказанию сексуальных услуг. С интересным комментарием об уязвимости положения женщин-мигрантов в ЮАР выступила **Е.С.Нестерова** (ИАфр РАН). Эта же проблема, но в афро-европейском контексте, была поднята **Н.А.Жерлицыной** (ИАфр РАН), подчеркнувшей взаимосвязь между гендерными факторами, миграцией, насилием и отсутствием безопасности. При этом насилие в отношении людей, мигрирующих к границам Европы, является прямым результатом европейской миграционной политики.

Проблематика насилия и конфликта в её социокультурном преломлении актуальна и для живущих почти во всех странах Африканского континента русских женщин – жен африканских граждан. **Н.Л.Крылова** (ИАфр РАН) показала на примерах, что и они не избежали столкновений с широким спектром конфликтных ситуаций и насильственных действий в отношении женщин, характерных для этого региона планеты.

4-й блок составили доклады, освещающие *вопросы борьбы с гендерным насилием на современном этапе*. В центре гуманитарной деятельности международного сообщества сегодня находится подход, ориентированный на пострадавших. Различные формы сексуального насилия, подчеркнула **С.А.Бокерия** (РУДН) рассматриваются не только как сопутствующие общему насилию, но и как инструмент давления и ведения боевых действий противоборствующими сторонами в условиях вооруженного конфликта. Нигерия – одна из стран, где реализуются программы дерадикализации исламистов. На примере нескольких программ, рассчитанных на оказание социальной, гуманитарной и медицинской помощи женщинам и девочкам, пережившим психологическое или сексуальное насилие от боевиков «Боко Харам», **Н.А.Нефляшева** (ИАфр РАН) показала их низкую социально-экономическую эффективность. Проблемам жизни женщин и детей в лагерях беженцев был посвящен доклад **Н.В.Гришиной** (ИАфр РАН). В настоящее время существуют несколько вариантов решений этих проблем. Однако ни один из них не дает ожидаемого результата, и лагеря беженцев не исчезают с территорий африканских стран.

Вопрос женского обрезания – проблема глобальная. Однако наиболее ярко это проявляется именно в странах Африки. На примере Сомали **Д.А.Константинова** (РУДН) рассмотрела феномен женского обрезания, определила его истоки, современное состояние и методы борьбы с ним. С освещением проблемы сексуальной коммерции в обществах Тропической Африки в контексте реализации Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин выступил **К.А.Петров** (Тверской госуниверситет).

Хотя Тунис считается одной из лидирующих стран арабского мира по борьбе за права женщин, проблема сексуального домогательства и насилия продолжает остро стоять на повестке дня. О таком важном инструменте в помощи по борьбе с гендерным насилием, как общественное мнение, а также демонстрации и кампании в социальных сетях в защиту пострадавших, рассказала в своем докладе **А.А.Кашина** (ДА МИД РФ), подчеркнув, что общественное мнение и гражданское общество вносят значительный вклад в проблему борьбы с гендерным насилием. В борьбе против гендер-

ного насилия активно выступают и женщины – лидеры африканских стран. Их масштабную деятельность описала **Л.Я.Прокопенко** (ИАфр РАН). Драматической биографии Леймы Гбови – борца с насилием, за права человека, «женщины, которой удалось остановить войну», рассказала **Н.А.Ксе-нофонтова** (ИАфр РАН). Докладом об успешном опыте Анголы **А.А.Токарев** (ИАфр РАН) завершил работу конференции. Активно действующие в Анголе женские организации возродили деятельность центров оказания юридической помощи, активизировалась борьба с домашним насилием, коррупцией, кумовством, неграмотностью, сексуальным насилием над детьми. Не без давления ангольских женских организаций были приняты поправки к закону о домашнем насилии. Свое отношение к гендерному равенству демонстрирует и стоящая у власти в Анголе партия МПЛА, в составе ЦК которой 51% – женщины.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Крылова Наталия Леонидовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Центра социологических и политологических исследований Института Африки РАН, Москва, Россия.

Natalia L. Krylova, Dr.Sc. (History), Principal Researcher, Centre for Sociological and Political Sciences Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 15.01.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 25.02.2024

Принята к публикации
(Accepted) 10.04.2024

DOI: 10.31857/S032150750030863-1

Ноо Саро-Вива: в поисках Африки

© Гавристова Т.М.^а, 2024

^а Ярославский государственный университет им. П.Г.Демидова,
Ярославль, Россия
ORCID: 0000-0003-3390-6960; tagavristova@gmail.com

Резюме. Рубеж XX–XXI веков ознаменовался расцветом африканской и особенно нигерийской литературы. Среди тех, кто прославился в XXI веке, – Чимаманда Нгози Адичи, Теджу Коул, Чигози Обиома и др.

Ноо Саро-Вива, британская писательница нигерийского происхождения, автор бестселлеров «В поисках страны чудес: путешествия по Нигерии» (2012) и «Черные дьяволы: о жизни африканцев в Китае» (2023), может считаться королевой современного травелога. Особая привлекательность её произведений заключается в виртуозном соединении литературы путешествий и мемуаров. Детальное описание хроники событий, воздуха и природы, путевых впечатлений, людей и бесед с ними превращает её книги в подлинное свидетельство эпохи. И если обращение к истории и культуре Нигерии для неё Миссия (с большой буквы), Китай – одна из стран, где можно обрести бесценный опыт и узнать что-то новое.

Дочь известного нигерийского поэта и публициста, политического активиста и защитника окружающей среды Кена Саро-Вивы (1941–1995), писательница акцентировала внимание читателей на множестве актуальных политических, экономических, социальных, экологических, демографических и культурных проблем. В их числе колониализм и деколонизация, расизм и гендерное неравенство, эмиграция и история диаспор.

В настоящее время Н.Саро-Вива входит в круг самых ангажированных авторов и самых известных африканских женщин.

Ключевые слова: Ноо Саро-Вива, Кен Саро Вива, травелог, путешествие, Африка, Нигерия, Китай

Благодарность. Работа выполнена при поддержке ЯрГУ VIP - 018.

Для цитирования: Гавристова Т.М. (Ярославль). Ноо Саро-Вива: в поисках Африки. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 5. С. 71–78. DOI: 10.31857/S032150750030863-1

Noo Saro-Wiwa: in Search of Africa

© Gavristova Tatiana M.^а, 2024

^а P.G.Demidov Yaroslavl State University,
Yaroslavl, Russia
ORCID: 0000-0003-3390-6960; tagavristova@gmail.com

Abstract. The turn of the 20th–21st centuries was marked by the flourishing of African and especially Nigerian literature. Among those who became famous in the 21st century are Chimamanda Ngozi Adichie, Teju Cole, Chigozie Obioma, etc.

Noo Saro-Wiwa, a British writer of Nigerian origin, author of the best-selling books “Looking for Transwonderland: Travels in Nigeria” (2012) and “Black Ghosts: A Journey into the Lives of Africans in China” (2023), can be considered the Queen of contemporary travel writing. The special appeal of her works lies in the masterly combination of travel literature and memoirs. A detailed description of events’ chronicle, travel impressions, air and nature, people and conversations with them turns her books into a real testimony of the era and tends to be documentary prose. She gives preference to it due to the fact that “truth is more important than fiction”.

The daughter of the famous Nigerian poet and publicist, political activist and environmentalist Ken Saro-Wiwa (1941–1995), the writer focused the readers’ attention on many of the most pressing political, economic, social, environmental, and demographic problems. These include colonialism and decolonization, racism and gender inequality, emigration and the history of Diaspora.

The writer is of particular interest in the amazing mobility of the Chinese, internal and external migration, their activities in Africa. She admires the nature, ancient and medieval culture of China and at the same time records manifestations of racial hostility of the Chinese towards Africans, considering them unacceptable. She compares Chinese and Africans, identifying similarities and differences. And if addressing Nigeria's past and present is her Mission, China is an option, one of many.

Currently, she is one of the most engaged authors and most famous African women, winner of a number of prestigious literary awards.

Keywords: Noo Saro-Wiwa, Ken Saro-Wiwa, travelogue, travel, Africa, Nigeria, China, non-fiction

For citation: Gavristova T.M. (Yaroslavl). Noo Saro-Wiwa: in Search of Africa. *Asia and Africa today*. № 5. Pp. 71–78. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750030863-1

ВВЕДЕНИЕ

Рубеж XX–XXI вв. ознаменовался расцветом африканской и особенно нигерийской литературы. Благодаря писателям и публицистам многие стереотипы в отношении континента были разрушены. Африканские авторы, познавая себя, открыли Африку для других. В XXI в. процесс её «открытия» происходил в том числе в жанре травелога¹ [1].

В этой статье речь пойдет о королеве современной литературы путешествий, британской писательнице нигерийского происхождения Ноо Саро-Вива, авторе ставших бестселлерами книг «В поисках страны чудес: путешествия по Нигерии» (2012) [2] и «Черные дьяволы: о жизни африканцев в Китае» (2023) [3]. Их особенность – в соединении жанров травелога и мемуаров, благодаря чему Африка и африканцы предстают по-новому – иначе, чем в большинстве произведений, написанных, по определению самого автора, «белыми мужчинами-путешественниками»².

ДОЧЬ СВОЕГО ОТЦА

Н.Саро-Вива – дочь писателя, журналиста и продюсера Кена Саро-Вивы (1941–1995), защитника окружающей среды в Нигерии и регионе проживания его народа – огони. В колониальный и постколониальный периоды в дельте реки Нигер велось хищническое истребление природных ресурсов нефтедобывающими предприятиями, в т.ч. компанией *Shell*. Лауреат Нобелевской премии в области литературы, нигерийский писатель и поэт Воле Шойинка так описал ситуацию середины 1990-х в стихотворении «Звонок Иосифу Бродскому в связи с делом К.Саро-Вивы».

...А вот Огони – жаркое, дымное место,
Где факелы горят день и ночь, и жирная копоть
Оседает на крыльях бабочек, чешуе рыб и листьях деревьев [4].

Политический активист К.Саро-Вива был приговорен военным режимом Сани Абачи (1993–1998) к смерти через повешение. И, хотя за его освобождение выступали общественные и политические организации и институты, включая «Международную амнистию», Великобританию и Содружество наций, приговор был приведен в исполнение.

Информация о казни К.Саро-Вивы и его соратников (9 представителей народа огони) облетела мир. Резонанс был велик и совпал с выборами президента Нигерии. Их результаты были аннулированы узурпировавшим власть генералом С.Абачей. Экс-президент Олусегун Обасанджо (1976–1979; 1999–2007) и победивший лидер оппозиции Мошуд Абиола были взяты под стражу. М.Абиола провел остаток жизни в тюрьме, где в 1998 г. скончался от сердечного приступа [5], а возможно и в результате заказного политического убийства.

¹ Травелог – литературный жанр, повествование о путешествиях (прим. ред.).

² Здесь и далее ссылка на её интервью: https://bordersliteratureonline.net/globaldetail/Noo_Saro_Wiwa (accessed 20.01.2024)

Ноо родилась в 1976 г. в Нигерии в г. Порт-Харкорт. В 1977 г., когда, по её словам, она «под стол пешком ходила», семья перебралась на постоянное жительство в Великобританию. В Лондоне она, её сестра-близнец Зина (кинорежиссер и продюсер) и братья выросли, получили образование.

На летние каникулы семья уезжала в Нигерию, в деревню, на родину отца, где девочку раздражало всё: загрязненный воздух, криминальная ситуация, отсутствия простых коммунальных услуг, водопровода и электричества [6], так что позднее у неё не возникало чувства «потерянного рая», ностальгии, отчуждения от корней, мучительного для эмигрантов³.

Детство Ноо было озарено вниманием и любовью родителей. Дочь считала отца «амбициозным» и «энергичным» и видела его разным: «озабоченным», «уставшим», «спокойным», «веселым». Когда девочке было одиннадцать лет, он давал ей читать свои статьи и памфлеты. В каникулы, по пути из аэропорта в деревню, когда отец сам вел машину, он показывал детям чадающие газовые факелы на нефтяных месторождениях. Тогда, по словам Ноо, они вряд ли в полной мере понимали значение грозящей экологической катастрофы.

Дети ходили с клуб *Shell* – компании, которую К.Саро-Вива считал виновником трагедии. В клубе был плавательный бассейн, теннисный корт, библиотека. И хотя отец приостановил свое членство в клубе в 1970-х, он давал детям просроченную членскую карточку. Их пускали: в округе было мало развлечений. В 1989–1990 гг. отношения с *Shell* накалились из-за нарастающих экологических проблем, и отец запретил детям ходить в клуб.

По словам писательницы, ей всегда нравилось путешествовать. В десятилетнем возрасте вместе с семьей девочка побывала в США. Впервые дети отправились не в Нигерию и испытали колоссальный восторг. В Нигерию они всегда летали итальянской авиакомпанией *Alitalia*, и в 1987 г. отец взял детей на Чемпионат мира по легкой атлетике. Соревнования проходили в Риме, на Олимпийском стадионе, с 28 августа по 6 сентября и навсегда сохранились в их памяти.

Понимание того, что семья Саро-Вива не вполне обычная, пришло к Ноо не сразу. Её «странное воспитание» (она сама так его определяет) отличалось от того, что принято в Нигерии. У детей всегда было больше самостоятельности; у них был выбор в принятии решений, в том числе относительно будущей профессии. Да и вообще, семья, живущая на два дома, в Африке и Европе, в 1980-х гг. в глазах обывателей выглядела странно.

В одном из интервью Ноо отмечала: «В Нигерии люди думали, что у нас есть деньги, но всё шло на обучение. Папа считал, что это главное. Мы скромно жили, получали скромные подарки на Рождество». Иногда девочке приходилось заимствовать одежду у братьев. В семье было пятеро детей. Её состоятельные нигерийские одноклассницы, с которыми она училась в престижной британской частной школе для девочек (*Roedean school*), жили в престижных районах Лагоса: на острове Виктория, в Икойе. Семья Саро-Вива ездила на каникулы в Порт-Харкорт, и, как отмечала Ноо: «...у всех были Пежо 504, а у папы – Тойота Корона»⁴.

К.Саро-Вива происходил из простой семьи и вырос в деревне. Его отец был фермером, дед – лесником. В небольшом городке Бори, где родился Кен, семья продавала прохладительные напитки. Способный мальчик получил стипендию на учебу в колледже Умуахии. Его амбициям, по словам дочери, «можно было позавидовать: на своем пути он не видел преград».

Умение добиваться своего унаследовали и дети. В десятилетнем возрасте Ноо собиралась быть врачом – так хотели её родители. Но со временем она поняла, что творческая специальность предпочтительнее. «У папы не было босса. Он всегда работал сам». Нормированная работа в офисе не привлекала. Сестра стала режиссером, брат – писателем, как и Ноо. По её словам, «я всегда знала, как воспользоваться ручкой и бумагой»⁵.

В Королевском колледже в Лондоне Ноо изучала географию, а по окончании учебы сразу начала писать, преимущественно о том, что её интересовало: о путешествиях и футболе, колониализме, раб-

³ Ibidem.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

стве и проблемах идентичности. Её эссе о Йоханнесбурге, где она некоторое время жила, было признано лучшим на творческом конкурсе. Сразу девушка получила задание от редактора лондонского издательства *Rough Guides*, специализировавшегося на выпуске литературы для туристов, написать два путеводителя – по Кот-д’Ивуару и Гвинее. И хотя ей пришлось подучить французский язык и – в отсутствии интернета – пройти немало километров пешком, чтобы добыть полезную информацию об отелях, музеях, достопримечательностях и стоимости всевозможных билетов, именно в ходе этой поездки Н.Саро-Вива приняла решение о путешествии в Нигерию.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В «СТРАНУ ЧУДЕС»

Прежде чем Ноо удалось осуществить задуманное, она успела поработать на американском ТВ, прошла магистерскую подготовку в Колумбийском университете, полтора года провела в ЮАР и к 26 годам поняла, что не хочет быть репортером. Ей нравилось узнавать о жизни в Африке; она начала путешествовать и посетила более 10 стран континента. В их числе Мадагаскар, Того, Гана, Бенин, Сенегал, Габон и др.

Дважды с семьей она приезжала в Нигерию – на официальные похороны отца. В 2000 г. они прошли формально – останки тела еще не были найдены. В 2005 г., после их обнаружения, благодаря поддержке со стороны президента О.Обасанджо, с которым сотрудничали её дядя и брат Кен Саро-Вива-младший (1968–2016), занимавший пост советника, церемония была проведена повторно.

Понадобилось время, чтобы решиться написать о стране, где оборвалась жизнь отца. Ноо отправилась туда в качестве туриста – не в Порт-Харкорт, не в деревню, где все её знали и сразу поняли бы, кто она такая, а как сторонний наблюдатель, чтобы ощутить новизну впечатлений. Так она открыла для себя Нигерию, увидела её не бедной и коррумпированной, а красивой! Её впечатлили пригороды Абуджи и Лагоса, исторические места, ландшафты, которыми можно любоваться. Она описывала дороги и транспорт, воздух и людей.

Психологическая травма не отпускала, и писательница встала на путь инвентаризации прошлого. Она руководствовалась – во избежание трагических повторений – этическим принципом «никогда снова» [7, с. 342], ставшим фундаментом сформировавшейся в эпоху постмодерна новой культуры коммеморации, внутри которой произошла очевидная переориентация мемориального нарратива с героического на жертвенный. Через собственные представления и суждения собеседников, без апломба и назидания, Н.Саро-Вива обозначила несколько важнейших историко-культурных трендов. Все они связаны с актуализацией Памяти: индивидуальной и коллективной, глобальной (космополитичной, транснациональной) и национальной (мультикультурной), «путешествующей» (блуждающей) и «опережающей» [7, с. 342] – с акцентами на очевидный экологический кризис, о котором предостерегал отец, и грядущие изменения климата.

В результате по следам путешествия, совершенного в 2008 г., появилась увлекательная история, позволившая разглядеть страну, словно через увеличительное стекло. Безоговорочное принятие неразрывной связи настоящего, прошлого и будущего позволило автору обнародовать немало сюжетов, о которых ранее принято было молчать. В их числе коррупция, преступность, последствия колониализма и деколонизации.

Вплоть до настоящего времени книга «В поисках страны чудес...» продолжает оставаться одной из самых востребованных. В 2012 г. по версии газеты *The Guardian* она стала одной из лучших в своем жанре и сразу была переведена на итальянский и французский языки. В 2022 г. журнал *The Economist* включил её в список шести самых значимых книг об Африке.

Уже в её названии заложен очевидный посыл – аллюзия к «Приключениям Алисы в Стране чудес» (1865) Льюиса Кэрролла, хотя сюжет связан с другим миром и другой эпохой. Н.Саро-Вива возвращается в страну детства. В Ибадане она посещает парк развлечений, где бывала с отцом. В 1989 г. он открылся как альтернатива Диснейленду – едва ли не самому посещаемому месту в мире – и получил название «*Trans Wonderland*». Площадь парка составляет 67 акров: это нигерийский мир Диснея –

американские горки, колесо обозрения, водные аттракционы, хотя за годы существования часть оборудования пришла в упадок.

Ясно, что Ноо не Алиса, а Нигерия не Страна чудес. Нигерия, которую она помнила, ушла в небытие. Что изменилось с тех пор? Кровавая диктатура С.Абачи пала. Страна встала на путь либерализации. Автор демонстрирует критический взгляд на прошлое и настоящее страны, акцентируя внимание на том, что и как можно исправить. В регионах (Лагос, Кано, Майдугури, Калабар, Порт-Харкорт, «задворки» и столицы) писательница видит огромный потенциал. Прежде всего, это люди.

Сюжет книги насыщен и разнообразен. Путь автора пролегает через Сукур (с 1999 г. он входит в Список всемирного наследия Юнеско), Королевский дворец Моби в Бадагри (музей истории работорговли), святилище Ошогбо. Путешествие для Ноо является подобием ритуала: она словно совершает обряд экзорцизма – изгнания бесов, своего рода «очищение», возможность прийти в себя после шока, транса. Ей нравится человеческая порядочность и юмор, стабильность и огромные запасы той знаменитой энергии, которая исходит от жителей юга – игбо и йоруба.

Нигерийцы динамичны, мобильны, открыты, всюду ощущают себя как дома. В одном из интервью Ноо упоминает, что «встречала нигерийское сообщество на Аляске», и «если бы можно было бы обосноваться в Букингемском дворце», её соотечественники «непременно сделали бы это» и заключает: «У людей разные целевые установки. Я знаю, если кто покорил Эверест, и я это смогу. Такой подход характерен для моей семьи»⁶.

Описания в книге тяготеют к документальной прозе. Именно ей автор отдает предпочтение в силу того, что «правда важнее, чем вымысел», и, по её словам, она лишь однажды в своей книге скрыла имя нигерийской женщины, которой могла угрожать реальная опасность со стороны властей. Искренность и откровенность в повествовании нередко сменяются иронией в зависимости от того, о чем она пишет: о спекуляциях нефтью и коррупции, о дихотомии юг-север, о том, что на землях, где проживают хауса, женщине-немусульманке, менее комфортно, чем на юге страны.

Ноо описывает выставку собак и судьбу фермеров, изгнанных президентом Робертом Мугабе (1987–2017) из Зимбабве в ходе аграрных преобразований («черный передел» происходил на рубеже XX–XXI веков) и обосновавшихся в штате Квара (Нигерия), о торговле фульбе молоком и успехах Нолливода, о «кладбище» машин и моторикшах окада и выносит на суд читателя завораживающую историю о заповеднике, где обитают любимые ею обезьяны: гориллы и шимпанзе – ближайшие сородичи людей – и его хозяйке, белой американке. Государственных субсидий иностранцам не предусмотрено. Состоятельные нигерийцы не выделяют деньги на подобные проекты. Ситуацию спасают энтузиасты и единичные добровольные пожертвования. Между тем, по мнению Ноо, именно гориллы – не в Габоне и Конго, где их значительно больше, а в Нигерии – могли бы стать достопримечательностью, на которую захотят взглянуть туристы.

Острота воспоминаний не мешает автору. Она использует её как мобилизационный ресурс, полагая, что в будущем всё может измениться к лучшему. На протяжении длительного времени Ноо писала о колониальном прошлом и трансатлантическом рабстве, об экологической катастрофе в дельте реки Нигер и охране природы, о милях трубопроводов, вредных выбросах, загрязнении почвы и воды.

Автор статьи «Возвращение домой, травма и идентичность в книге Ноо Саро-Вива “В поисках страны чудес: путешествия по Нигерии”» Юн Чжун (Гонконг) в обращении к названным сюжетам видит проявление детской травмы, связанной со смертью отца, а развитие повествования сравнивает с ближним боем в борцовских единоборствах [8]. Схватка с болезненными воспоминаниями, касающимися истории семьи и страны, приводит к обретению амбивалентного, но устойчивого восприятия себя и своего места в жизни.

Кем ощущает себя Н.Саро-Вива? Какая из присущих ей идентичностей для неё первична – расовая, этническая, профессиональная? Однозначно ответить на поставленные вопросы сложно. В Лондоне она, как и все выходцы из Нигерии, – нигерийка, а её имя, кроме родного Порт-Харкорта, вызывает вопросы повсюду. Возможно, поэтому ей импонирует называть себя путешественницей.

⁶ Ibid.

В одном из интервью она вспоминает, как зачитывалась книгой «Африканец в Гренландии» (1977) тоголезца Тете Мишеля Кпомасси [9], авантюриста и путешественника, вызвавшей огромный интерес к новым местам. Свою убежденность в том, что африканцы – если «не первооткрыватели», то, по крайней мере, «исследователи», писательница унаследовала от отца. Её интересует реальная картина происходящего.

Судьба Тете Кпомасси впечатляет. Однажды, собирая кокосы, мальчик упал с дерева, испугавшись напавшего на него питона. Страх был побежден посвящением в змеиный культ, после чего юноша некоторое время жил в джунглях. Случайно в иезуитской библиотеке он нашел детскую книгу «Эскимосы от Гренландии до Аляски» Роберта Гессена и был очарован так, что, как только выздоровел и окреп, убежал из дома и в конце концов добрался до Гренландии. Но прежде чем она повторила путь Т.М.Кпомасси, дерзкие мечты привели писательницу в Китай, государство, которое в последние десятилетия активно осваивало природные ресурсы, производственные мощности и рынки Африки, хотя отношение китайцев к африканцам, несмотря на развивающиеся контакты, остается весьма напряженным.

АФРИКАНЦЫ В КИТАЕ КАК ОБЪЕКТ НАБЛЮДЕНИЯ

В Китае можно встретить проявления неприязни к чернокожим. На рубеже 1992–1993 гг. мне пришлось полгода провести в Восточно-китайском нормальном университете (Шанхай, КНР). Вокруг было немало африканцев. Впечатления нашли отражение в статье «“Черные дьяволы” на студенческой скамье» [10]. Её заголовок удивительным образом перекликается с названием книги Н.Саро-Вива [3].

Опыт африканцев в Китае не похож ни на какой другой. Это не Бразилия и не США; для исследователя, в качестве которого выступает Н.Саро-Вива, интерес представляет то, как они ориентируются и выживают.

Для писательницы Китай – *terra incognita*, страна далекая, малознакомая. Африку и Китай часто сравнивают; но в отличие от африканцев, у китайцев нет по крайней мере видимых проблем с идентичностью, что, безусловно, является результатом более чем пяти тысячелетий государственной истории. Китай готов отстаивать свои права и позиции на мировой арене и противостоит Западу в лице США.

Н.Саро-Вива, как и её отец, убеждена в преимуществах демократического строя. Китай для неё – «диктаторское государство», но, как опытный наблюдатель, она видит, как власть вытаскивает людей из нищеты. Уровень жизни растёт. И правительство заинтересовано, чтобы обученных и обеспеченных людей было больше.

Исследования писательницы касаются преимущественно Гуанчжоу и Гонконга, где в настоящее время наблюдается самый большой удельный вес африканцев.

В Гонконг писательница летела самолетом, оттуда до Гуанчжоу добиралась поездом. Ей импонировала природа, древняя и средневековая культура, тектонические разломы и боевые искусства, всё, что сближает и разъединяет Африку и Китай. Её отношение к стране выглядит в полной мере толерантно, чего нельзя сказать о большинстве персонажей книги, в числе которых преобладают нигерийцы. У них искаженное представление о Китае.

Предпринимательская жилка, столь развитая у народов игбо и йоруба, в социалистическом Китае обрела форму едва ли не капиталистической конкуренции со своими внутренними конфликтами, доходящими до драк. В КНР они покупают разнообразные безделушки, дешевые гаджеты и морем переправляют их в Африку.

В университетах образованных африканцев используют в качестве преподавателей – носителей языка. Платят им меньше, чем европейцам. В недавнем интервью писательница отмечала, что встречала кенийку, которая представилась американкой, чтобы получить достойную оплату. Студенты-африканцы часто завидуют местным, у которых по праву гражданства имеется большое количество льгот, включая скидки на еду и одежду.

В книге описано немало историй о тех, кто вовремя не успел уехать, у кого проблемы с визами, об их злключениях и о местных жителях, которые вынуждают африканцев в силу цвета кожи не только работать за меньшие деньги, но и толкают их в криминальную среду. И хотя, по мнению Н.Саро-Вива, существует определенное сходство между конфуцианской трактовкой идеи жэнь и южноафриканскими представлениями об убунту⁷, отношением к природе и духам в даосизме и традиции огони, подозрительность, скептическое отношение к христианам создает напряженность. Преодолеть её сложно на фоне столкновения интересов.

Писательница акцентировала внимание на тех, кто оказался выброшен на улицу, на торговцах, приезжающих на короткий срок, на тех, у кого виза просрочена и кто в силу обстоятельств потерял всё. Некоторые из них хотят, но не могут вернуться домой, другие оседают или возвращаются. В их числе мужчины и женщины, профессионалы и студенты, торговцы и маргиналы; кардиохирург; наркодилер с просроченной визой; мужья китайских женщин, говорящие с нигерийским акцентом; мусульманка, прекрасно владеющая французским, беспристрастно закупающая оптом продукцию для африканских секс-шопов.

Писательницу интересуют проблемы гендера и сексуальности. Она справедливо полагает, что миграция легче переносится мужчинами. По сравнению с женщинами, у них другие биологические часы и больше возможностей. Она встречала таких, у кого две жены – в Африке и Китае, и таких, кто сходился с выходцами из деревни (и те и другие в отрыве от дома чувствовали себя одиноко).

Ей представляется, что китайцам и африканцам надо искать новые точки соприкосновения и сотрудничать, преодолевая стереотипы в отношениях друг с другом, так как будущее сулит реализацию большого числа новых совместных проектов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Путешествие в Китай Н.Саро-Вива совершила в 2019 г. С тех пор она приняла участие в экспедиции к дельте реки Нигер. Там находится созданная в память о её отце британским скульптором нигерийского происхождения Сокари Дуглас Кэмп скандально известная и даже арестованная в 2015 г. при въезде в Нигерию инсталляция «Агитационный автобус» (2006) – аллегория насущной необходимости борьбы за чистоту окружающей среды.

В 2023 г. вместе с другими лауреатами премии «Первопроходец» – нигерийским фотографом Лолой Акинмаде Окерстрем и Эриком Ярокером – писательница совершила поездку в Гренландию по следам Тете М.Кпомасси и, вероятно, в ближайшие годы пригласит своих постоянных читателей в новые странствия по Африке и Европе, которые она познает в сравнении.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Гавристова Т.М. Африка: литература путешествий. 2018. № 12 (737). С. 69–74. <https://doi.org/10.31857/S032150750002576-5>
Gavristova T.M. Africa: travel literature. 2018. № 12 (737). Pp. 69–74.
2. Saro-Wiwa N. Looking for Transwonderland: Travels in Nigeria. L., N.-Y.: Soft Skull, 2012. 320 p. ISBN 9781619020078
3. Saro-Wiwa N. Black Ghosts: A Journey into the Lives of Africans in China. L.: Conongates Books, 2023. 257 p. ISBN 1838856943
4. Шойинка В. Звонок Иосифу Бродскому в связи с делом Кена Саро-Вивы (посмертно). <http://textonly.ru/mood/?issue=34&article=36033> (accessed 20.01.2024)
Soyinka W. Call to Joseph Brodsky in connection with the case of Ken Saro-Wiwa (posthumously). <http://textonly.ru/mood/?issue=34&article=36033>
5. О чем пишет иностранная пресса. Смерть демократа. *Коммерсант*, 10.07.1998.
What the Foreign Press Writes about. Death of a Democrat. *Kommersant*, 10.07.1998.

⁷ В буквальном переводе на русский язык с китайского языка и языков банту (зулу, нкоса и др.) оба слова соответственно обозначают «человечность».

6. Tolu D. A Stranger at Home: An Essay on Noo Saro-Wiwa's Looking for Transwonderland. Panorama. War & Peace. Iss. 6. Book review. <https://panoramajournal.org/issues/issue-6-war-and-peace/war-peace-a-stranger-at-home-an-essay-on-noo-saro-wiwas-looking-for-transwonderland/> (accessed 29.01.2024)
7. Все в прошлом: теория и практика публичной истории. Под ред. А.Завадского, В.Дубиной. М.: Новое издательство, 2021. 448 с. ISBN 978-5-98379-262-3
Everything is in the Past: Theory and Practice of Public History. Ed. A.Zavadsky, V.Dubina. M.: New Publishing House, 2021. 448 p. ISBN 978-5-98379-262-3
8. Juan Zhong. Homecoming, Trauma, and Identity in Noo Saro-Wiwa's Looking for Transwonderland Travels in Nigeria. English Studies. November 2022. 104(2). Pp. 1–19. DOI: 10.1080/0013838X.2022.2141480
9. Кромасси Т.М. An African in Greenland. San Diego: Harcourt Brace Jovanovich, 1983. 298 p. ISBN 0151055890
10. Гавристова Т.М. «Черные дьяволы» на студенческой скамье. *Азия и Африка сегодня*. 1997. № 10. С. 13–19.
Gavristova T.M. "Black devils" on the student bench. *Asia and Africa today*. 1997. № 10. P. 13–19.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гавристова Татьяна Михайловна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Ярославский государственный университет им. П.Г.Демидова, Ярославль, Россия.

Tatiana M. Gavristova, Dr.Sc. (History), Professor, Department of World History, P.G.Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 29.01.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 14.02.2024

Принята к публикации
(Accepted) 10.04.2024